

МАТЕРИАЛЫ

ДВУСТОРОННЕЙ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И РУМЫНИИ

Российская Академия наук

Институт славяноведения

Румынская Академия

Институт истории «Николае Иорга»

МАТЕРИАЛЫ

Двусторонней комиссии историков России и Румынии

(Х Научная конференция.
Москва, октябрь 2005 года)

Москва
2007

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р

доктор исторических наук Л. Е. Семенова

**Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии.
(Х Научная конференция. Москва, октябрь 2005 года). — М.: Институт
славяноведения РАН, 2007. — 256 с.**

От редактора

В 1993 г. на основе Соглашения и Протокола о научном сотрудничестве, подписанных между Российской Академией наук и Академией Румынии, возобновила работу Двусторонняя комиссия историков России и Румынии, которая продолжила деятельность советско-румынской Смешанной комиссии, прекратившей свое существование в конце 1980-х годов.

На первой научной встрече, состоявшейся в ноябре 1993 г. в Яссах (Румыния), российская и румынская части высказали единодушное намерение использовать предшествующий позитивный опыт в расширении и укреплении научного сотрудничества в рамках Комиссии.

В определении основного направления работы стороны констатировали необходимость рассмотрения на заседаниях Комиссии (научных конференциях) проблем всеобщей и отечественной истории России и Румынии с ориентацией на обсуждение в рамках широкой хронологии (от раннего средневековья до новейшего периода в истории обеих стран) вопросов сравнительного характера, соотношения «общего» и «особенного» в развитии российского и румынского обществ, эволюции современных историографий двух стран сквозь призму основных тенденций развития мировой и европейской исторической науки.

Со времени возобновления деятельности Двусторонней комиссии состоялось 11 научных встреч российских и румынских историков. Были проведены конференции по 25 темам, представлявшим взаимный интерес. Среди них, в частности такие: «Общество и государство в России и Румынии: общее и особенное (средние века и новое время)»; «Роль монархии в истории России и Румынии»; «Трактовка коммунистического периода истории России и Румынии в новейшей историографии двух стран» и др.

В ходе заседаний научных конференций ученые двух стран неизменно отмечали плодотворность обмена мнениями по обсуждаемым темам. В итоговых протоколах заседаний стороны подчеркивали положительное влияние работы Двусторонней комиссии на процесс постепенного изживания идеологических стереотипов и политических шаблонов в новейших

трудах российских и румынских историков, на обращение их к исследованиям сравнительно-исторического характера. Обсуждение представлявшихся сторонами докладов, проходившие дискуссии свидетельствовали о взаимной заинтересованности историков двух стран в выяснении проблем двусторонних отношений в широком историческом контексте.

Следуя обоюдному стремлению к обсуждению актуальных вопросов двусторонней исторической проблематики, стороны неоднократно подчеркивали необходимость расширения источниковой базы в исследовании выдвигаемых проблем, налаживания регулярного обмена научно-исторической информацией, издания материалов научных встреч в рамках Комиссии.

В 2005 г. румынская сторона проявила инициативу и опубликовала сборник статей по материалам IX конференции историков двух стран, состоявшейся в октябре 2004 г. в г. Констанца (Румыния), где обсуждались темы: «Черное море в истории Румынии и России», «Природно-климатические условия и социоаграрные структуры в Дунайских княжествах и России (XIV—XVIII вв.)».

Настоящий сборник подготовлен российской частью по материалам X научной конференции, которая проходила в Москве в октябре 2005 г. На обсуждение были вынесены две темы: «Советско-румынские отношения на завершающем этапе Второй мировой войны» и «Политические элиты России и Дунайских княжеств (XVII—XIX вв.)».

Следует отметить, что при рассмотрении первой темы особо подчеркивалось 60-летие победы над фашизмом во Второй мировой войне. В докладах и дискуссиях основное внимание уделялось результатам новейшей российской и румынской историографий по проблемам, связанным с завершающим этапом войны и советско-румынскими отношениями в этот период, подчеркивалось определяющее значение новых документальных источников, что способствовало углубленной дискуссии и выяснению перспектив дальнейших исследований по обсуждавшейся проблематике.

Большой интерес участников конференции вызвали также материалы, представленные в докладах о политических элитах России и Дунайских княжеств XVII—XIX вв.

В предлагаемый вниманию читателей сборник включены статьи, подготовленные рядом российских и румынских докладчиков по рассматривавшимся на конференции темам. Соответственно содержанию все статьи

размещены в сборнике по двум разделам: 1. Советско-румынские отношения на завершающем этапе Второй мировой войны. 2. Политические элиты России и Дунайских княжеств в XVIII—XIX вв. Румынские статьи публикуются на языке автора с русской аннотацией.

Представляется, что издаваемый российской частью Комиссии сборник статей будет с интересом воспринят не только российскими специалистами по истории Румынии, но и более широким кругом историков, в частности занимающихся проблемами Второй мировой войны.

Имея в виду перспективы деятельности Комиссии, российская сторона надеется, что начатая в рамках Комиссии работа по изданию материалов научных встреч будет способствовать взаимному ознакомлению с достижениями национальных историографий, новыми тенденциями в научных исследованиях ученых России и Румынии.

Л. Е. Семенова

I. Советско-румынские отношения на завершающем этапе Второй мировой войны

Война, Победа и день сегодняшний (60 лет спустя)

Три четверти населения нашей страны, если не больше, родилось уже после Второй мировой войны и не помнит ее по своему личному опыту. Но одержанная в борьбе с фашизмом победа вошла в гены народа. Война затронула практически каждую семью. Память о ней передается из поколения в поколение. Тех, кто непосредственно сражался на фронтах, осталось всего около миллиона человек, а учитывая тружеников тыла, статус участника войны имеют немногим более 8 млн человек. Низкий поклон и глубокая благодарность каждому из них. Вечная память тем, кто отдал свою жизнь, защищая Родину в Великой Отечественной войне.

Современная молодежь знает о войне главным образом по кинофильмам и художественной литературе. В большинстве случаев они рисуют правдивую картину. Но они не ставят такой задачи, как проанализировать значение Отечественной войны в истории нашей страны и показать ее место в нашей сегодняшней повседневной жизни. Между тем с ее наследием приходится сталкиваться на каждом шагу, подчас не отдавая себе даже отчета в этом.

Чем дальше уводит нас время от Великой Отечественной войны, тем полнее раскрывается величие подвига, совершенного советским народом. Это показали и отгремевшие две недели назад в Москве торжества, связанные с 60-летним юбилеем разгрома гитлеровской Германии. На них собралось более пяти десятков глав государств и правительств, Генеральный секретарь ООН Кофи Анан. Во всем мире признают решающую роль Советского Союза и его армии в победе над фашистским блоком в Европе, в исходе всей Второй мировой войны. Без Советского Союза не было бы победы над фашизмом. Весь мир был бы другим, окрашенным в мрачные коричневые тона. Исчезли бы, были бы уничтожены многие народы, и прежде всего — славянские. Фашистская угроза не была выдумкой пронагандистов. Без всякого преувеличения можно сказать, что мир был спасен теми жертвами, которые советский народ принес на алтарь общей победы.

Юбилеи теряют свой смысл, если они не сопровождаются размышлениями о событиях, ставших их поводом. А нам есть о чем подумать. Прежде всего, величие победы находится в резком контрасте с нынешним положением нашей страны, особенно в сравнении со странами побежденными. И первый вопрос, который нуждается в ответе, можно сформулировать так: где та держава, которая одержала столь блестательную победу? Ее больше нет. Выдержав испытание в тяжелейшей войне, сокрушив нацистскую Германию, она сама распалась всего четыре с половиной десятилетия спустя в мирное время. На ее прежней территории существуют теперь независимые государства, большинство которых переживает глубокий экономический, политический, морально-психологический и иные виды кризиса. Правопреемница Советского Союза на мировой арене — нынешняя Российская Федерация — занимает совсем иное положение на геополитической карте мира.

Мы привыкли говорить, что День Победы — это «праздник со слезами на глазах». Но слезы тоже бывают разные. В последние годы мы познали всю гамму их привкуса. Сегодня в них особенно ощутима та горечь, которая является спутником щемящего чувства утраты. Так что же мы потеряли и почему? Ответы на эти прямо поставленные вопросы не могут быть простыми. В интересах анализа нам придется разложить их на несколько составных частей. Естественно, что над ними задумываются и другие. О них спорят, и за этими спорами четко видны разные политические лагери, взаимоисключающие друг друга идеальные ориентации. Как никогда прежде, наша Победа нуждается сегодня в защите.

Вначале поставим такой вопрос: какой праздник мы отмечаем — День Победы или день окончания Второй мировой войны в Европе? За нарочито стертой формулировкой скрываются глубокие различия во взглядах и оценках. Юбилей Победы принадлежит борцам против фашизма, тем, кто воевал против нацистской Германии, против гитлеровского блока. День же окончания войны отмечают те, кто хотел бы уравнять борцов против фашизма с коллаборационистами, с прямыми пособниками фашизма и соучастниками нацистской агрессии. Такие попытки, как правило, стараются прикрыть националистическими знаменами. Так, в канун 60-летия победы новый премьер Украины Юлия Тимошенко предложила придать статус ветеранов войны оставшимся в живых солдатам и офицерам дивизии СС «Галичина», которую задним числом переименовали в 1-ю дивизию УПА. Но эти недобитки и по сей день находятся по другую сторону баррикады с действительными ветеранами Отечественной войны.

Гораздо дальше пошли руководители нынешних прибалтийских государств. В Латвии и Эстонии открыто чествуют местных участников эсэсовских формирований, им воздвигают памятники, в то время как ветеранам Отечественной войны в Латвии запретили даже появляться на улицах в своих боевых орденах. Наша историческая наука по сути обошла стороной проблему коллаборационизма на территории Советского Союза в годы войны. За это мы расплачиваемся сегодня. Мало кому известен факт, что в годы войны в той же Латвии был создан легион, насчитывавший более 100 тыс. человек, подчинявшийся командованию войск СС. Для народа, численность которого примерно 1,5 млн человек, в действительности это был предел мобилизационных возможностей. 16 марта 1944 г. упомянутый легион вступил в бой с советскими войсками под Великими Луками. В наши дни эта дата отмечается в Латвии как государственный праздник — «день памяти латышских воинов». Нюрнбергский трибунал признал войска СС преступной организацией. Так почему же Европейский союз, так заботящийся о своей репутации и склонный читать мораль на тему демократии другим странам, не озабочился попыткой пересмотреть, по сути дела, решения международного трибунала одним из своих членов? Ведь латышские эсэсовцы, равно как и эсэсовцы других прибалтийских народов, сражались против одной из стран антигитлеровской коалиции! Попытки героизации нацизма сопровождаются здесь распространением расизма, национализма и ксенофобии. Это две стороны одной медали.

В таких условиях трудно расценить иначе как провокационные заявления прибалтийских государств в канун 60-летия Победы о том, что они были не освобождены Красной Армией, а «оккупированы» Советским Союзом. Причем такие заявления сопровождались призывом «признать» факт «оккупации». Нашей стране нанесено тяжкое оскорбление. Приходится сожалеть, что российское правительство не отозвало свои приглашения главам прибалтийских государств принять участие в праздновании Дня Победы. Постная физиономия президента Латвии Вайры Вике-Фрейберге была явно неуместна в Москве. Поведение же некоторых западных лидеров, прежде всего президента США Джорджа Буша, которые не только не осудили их действия, но и выразили «понимание» такой позиции, можно объяснить только их антироссийскими установками, которые они в других случаях стараются маскировать. Вообще же визиты Буша, посетившего вначале Ригу, а после Москвы поспешившего в Тбилиси, вряд ли можно назвать «маршрутом дружбы».

В целом приведенные выше факты лишний раз показывают, что наша страна по-прежнему находится в центре информационно-психологической войны, которая уже давно ведется против нее и не затухает ни на минуту и сейчас. Долгие десятилетия западные пропагандисты пытаются уравнять фашистский режим с коммунистическим, поставить знак равенства между гитлеризмом и сталинизмом, Гитлером и Сталиным. Каждому из этих кровавых диктаторов история воздала свое. И все же доктрина об избранной нации, расе господ, борьбе за мировое господство, практика геноцида — нечто совсем другое, чем утопическое учение о создании справедливого общества, мечты о мировой революции, о равенстве и братстве всех народов. Другое дело, что в последнем случае история лишний раз показала, что благие намерения вкупе с попытками вершить «большой скачок» мостят дорогу в ад.

Здесь уместно поставить другой вопрос: кто победил в этой войне? Каковы факторы победы? В течение многих десятилетий коммунистическая пропаганда с завидным упорством твердила: победил советский общественный строй, мудрая политика коммунистической партии, пре-восходство экономики и политики социализма. Этот пропагандистский штамп создал еще Сталин в своей речи 8 февраля 1946 г. Повторил его к 40-летию Победы и новоиспеченный тогда генсек КПСС М. С. Горбачев. Но до 50-летия Победы Советский Союз не дожил. Коммунистический режим оказался историческим банкротом. Что же привело к распаду страны в 1991 г.? Те же самые факторы: советский строй, руководящая роль партии, экономика и политика социализма. Они и завели страну и ее народы в цивилизационный тупик. И произошло это в мирное время, что называется на ровном месте. При анализе войны необходимо опираться только на всю сумму фактов и освобождаться от пропагандистских штампов и клише.

Одним из таких клише в советское время был упор на факт окончательной победы. О поражениях начального периода говорить не любили, а анализировать их причины страшились. Всё пытались списать на фактор внезапности нападения. Этот миф сейчас развеян. Но как объяснить столь чудовищные поражения, каких наша страна, наша армия не терпели со времени монголо-татарского нашествия в XIII в.? Конечно, были грубейшие просчеты командования, в первую очередь просчеты самого Сталина. Но только ли в них дело? До сих пор наша историческая наука не смогла раскрыть и показать главную, на мой взгляд, причину. Германское нападение на Советский Союз прорвало давлю назревший гнойник,

вызывало глубокий морально-политический кризис в стране. В нем суммировались и отразились все экспессы коммунистического режима: насилиственная и бесчеловечная коллективизация, сталинский «большой террор» и репрессии 1936—1938 гг.; уничтожение военных кадров, промышленных руководителей, интеллигенции. В первые месяцы войны в германском плену оказалось более 4 млн солдат и офицеров, были потеряны огромные территории, которые потом пришлось отвоевывать почти три года. Только военными причинами объяснить эти факты невозможно. Кризис был преодолен не без помощи врага: он никому не оставил выбора. Сопротивление нашествию росло по мере того, как становилась предельно ясной цель нацистов: уничтожение Советского Союза как государства, не только порабощение, но и физическое истребление, всех народов страны, в первую очередь русского. Народный инстинкт чутко уловил и правильно оценил степень угрозы. С такой чудовищной опасностью народ столкнулся впервые в своей истории. (Нацистские планы по отношению к другим завоеванным народам — это особая тема.)

60-летняя дистанция разгрома фашизма в Европе дает возможность поставить еще один вопрос, который редко затрагивается даже в научной литературе. Речь идет о причинно-следственных связях между Первой и Второй мировыми войнами. Между началом Первой мировой войны (август 1914 г.) и окончанием Второй мировой войны в Европе (май 1945 г.) прошел ровно 31 год. Этот срок вдвое меньше того, что отделяет нас сейчас от 1945 г. Некоторые историки не без основания называют этот период вторым изданием Тридцатилетней войны в Европе. И основания для такого вывода имеются. Обе мировые войны связывает общность geopolитического расклада сил. Несмотря на драматические зигзаги начального периода Второй мировой войны, глубинные закономерности все же пробились на поверхность. Достаточно посмотреть на сходство состава Антанты с участниками антигитлеровской коалиции. С этой позиции межвоенный период выглядит как бы 20-летним времененным перемирием между ними. Но роль, сыгранная нашей страной в этих двух мировых войнах, существенно различается, хотя имеются и некоторые общие черты. Такой анализ имеет для нас особое значение.

В жизни каждого человека случаются моменты, когда надо собрать в кулак свою волю и силу, чтобы противостоять угрозе собственной жизни или чести. Такие же ситуации случаются в истории каждой страны и того поколения, на жизнь которого они приходятся. Если сравнить, как наша страна и наш народ проявили себя в Первой и во Второй мировых

войнах, то сразу же видна огромная разница. В годы Первой мировой войны царизм показал свое бессилие. Руководство страны не только не смогло использовать ее огромный потенциал, но и довело дело до политического кризиса и революционного взрыва (Февральская революция 1917 г.). Последовавшие события вызвали политический хаос в стране (обстановка двоевластия в центре и безвластия на местах) и быстрое разложение армии. Они резко усилились после того, как кайзеровская Германия организовала переезд из Швейцарии в Россию группы крайних радикалов — большевиков во главе с Лениным, которые стояли на позициях поражения своего правительства и превращения войны империалистической в гражданскую с целью захвата власти. При германской финансовой поддержке, в обстановке хаоса и всеобщей безответственности, они стали быстро распространять свое влияние. Безудержная демагогия — немедленное заключение мира, причем без аннексий и контрибуций, немедленная передача земли крестьянам, травля Временного правительства — была воспринята массами, не имевшими политического опыта. Захватив власть на волне популистских лозунгов, большевики быстро показали свои истинные, хотя и скрываемые цели. Пойдя на сепаратный мир с Германией, они вместо «демократического мира» получили Брест-Литовский диктат, самый унизительный и позорный договор в истории нашей страны, который вывел ее из войны в статусе побежденного государства. Страна была расчленена, огромные территории оккупированы, началась выплата контрибуций. Вместо свободного владения землей крестьянство получило продразверстку, а позднее коллективизацию, явившуюся вторым изданием крепостного права. Вместо власти Советов рабочих и крестьянских депутатов в стране установилась диктатура одной партии, опиравшейся на безудержные репрессии.

Лишь один лозунг был осуществлен — превращение войны империалистической в гражданскую. В ходе Гражданской войны страна понесла потери, которые по меньшей мере в 15, если не в 20 раз превзошли потери в годы Первой мировой войны. Экономика страны была разрушена, уничтожены целые слои населения, притом наиболее образованного. Голод и эпидемии косили людей. В 1923 г., по признанию Н. К. Крупской, в стране насчитывалось более 13 млн беспризорных детей — яркое свидетельство той степени одичания, до которой был доведен народ. Как-то Карл Маркс обронил слова: «Нации, как и женщины, не прощается минута слабости, когда первый попавшийся проходимец может овладеть ею». Это в полной мере относится к тому поколению нашего народа,

которое встретило Первую мировую войну и не вынесло ее испытаний. Ничто не обходится дороже проигранной войны. Большевики рассматривали захваченную страну как плацдарм мировой революции и поставили все ее силы на достижение этой цели. Советский Союз был превращен в военный лагерь. Весь его государственный и партийный аппарат был нацелен на уничтожение врагов внутренних и внешних. Этот характер советской власти пронесла в течение всего периода своего существования. Все последующие преобразования — строительство тяжелой индустрии, организация военно-промышленного комплекса, создание моральной обстановки осажденной крепости, индоктринация населения — все было подчинено этой цели.

Созданный в условиях враждебности окружающего мира и готовый всегда к отражению натиска своих врагов, Советский Союз выдержал все испытания войны. Но и само советское руководство вынуждено было изменить свою политику. Оно быстро смутило, что выиграть войну можно только под флагом защиты Отечества. Оно умело использовало народный патриотизм, национальные чувства в своих интересах. Народ защищал свободу и независимость своей Родины. Режим защищал себя. Так рождался миф о единстве партии и народа. Наиболее ярким его проявлением стал лозунг «За Родину, за Сталина». В нем отразилась вся сложность, противоречивость, трагизм положения и истории страны.

Еще Салтыков-Щедрин предостерегал россиян: не путайте Родину с начальством. Надо признать, что предпосылки такого смешения заложены в нашей национальной психологии (справедливости ради надо сказать не только в нашей). Они не раз использовались и прежними режимами (вспомним хотя бы оперу Глинки «Жизнь за царя», известную старшему поколению как «Иван Сусанин»). Логика правителей была проста: любишь Родину — полюбишь и начальство. Но понимание этого обстоятельства не дает нам никакого основания подвергать сомнению или девальвировать величие народного подвига, чистоту патриотического источника.

Известно, однако, что идеология — товар особого свойства. Он оказывает влияние не только на покупателя, но и на продавца. Патриотический подъем во время Отечественной войны и факт Победы оказали мощное терапевтическое воздействие на весь наш народ. Победитель вышел из горнила Отечественной войны обновленным, несмотря на всю тяжесть понесенных потерь. Миллионы воинов вернулись к мирной жизни другими людьми. В государственный аппарат тоже влились новые кадры,

рожденные войной. Именно поэтому война стала новым рубежом, новым этапом в истории нашей страны. Хотя природа советского строя осталась прежней, он уже не мог действовать, как раньше. В мирное время он показал свою неспособность к изменениям, к реформам, и начал медленно подвергаться эрозии. Он гнил на корню, как «старый режим» во Франции накануне Великой французской революции в конце XVIII в. Попытка его перестройки закончилась развалом страны в 1991 г.

Муза истории — коварная дама. Ни один ее урок не проходит бесследно. В 1991 г. страна была разорвана на куски этно-парти-бюрократическими кланами, созданными самой советской властью, разодрана по швам, которые были прошиты самим режимом. И что мы видим сейчас? Современная Россия оказалась в границах Брестского мира, подписанного большевиками с кайзеровской Германией в марте 1918 г. Вот куда отбросило нас историческое наследие. Тогда даже Ленин, пусть и в пропагандистских целях, счел уместным расценить этот мир как похабный. Ныне эмоциональные оценки отсутствуют. Однако материал для размышления остается. Коварство истории налицо. За слабость, проявленную нашим народом в годы Первой мировой войны, приходится расплачиваться нынешнему поколению. Распад Советского Союза в 1991 г. был крупнейшей geopolитической катастрофой, последствия которой сказываются на положении дел во всем мире. Для нашей же страны масштабы этой катастрофы сопоставимы с последствиями монголо-татарского нашествия XIII в., разрушившего единство Древней Руси. Только такие мерки подходят для оценки нынешнего положения. Мы знаем теперь цену, которую наше народу пришлось заплатить за слабость в годы Первой мировой войны, за установление коммунистического режима. Многие десятки и десятки миллионов человеческих жизней унесли только Гражданская война, последующий голод и массовые эпидемии, коллективизация, уничтожившая крестьянство и вызвавшая новую волну голода. Добавим к этому громадные потери в Отечественной войне. Распад страны в 1991 г., разграбление ее национальных богатств и промышленности, нынешнее кризисное положение — это цена исторической ипотеки, исторического долга, который приходится выплачивать уже нам за освобождение от этого режима. И я не убежден, что заплачено уже сполна. История может выставить дополнительные счета.

На теле нашей страны шрамы и не зажившие еще раны, нанесенные событиями ХХ в. В этих условиях наша Победа в Великой Отечественной войне не просто яркая страница истории, а величайшая моральная цен-

ность, дающая нам основание смело смотреть в будущее. Именно поэтому наша Победа становится объектом нападок со стороны тех сил, которые ведут информационно-психологическую войну против нашей страны. По-прежнему создаются мифы и фальсификаты. Наш книжный рынок засорен книгами вроде писаний беглого шпиона Резуна, нагло взявшего в качестве псевдонима фамилию «Суворов». Наши псевдодемократы усиленно стараются привлечь внимание к теневым сторонам войны, выпячивая их на передний план. Тем же целям служит преувеличение наших потерь в войне, равно как и преувеличение роли союзников за счет приижения вклада Советского Союза. Ставятся ложные альтернативы вроде того, что же мы защищали в годы войны — Родину или сталинизм. Кощунственно звучат слова, сравнивающие празднование Дня Победы с неосталинистской волной, а итоги войны, становление Ялтинско-Потсдамской системы приравниваются к мюнхенскому говору. И все это делается вопреки существующей у нас серьезной научной литературе, где основные проблемы войны получили всестороннее освещение. Но научная литература издается сейчас мизерными тиражами, тогда как пропагандистские поделки получают широкое распространение, а под лживые уста подставляются мощные микрофоны.

Не раз уже доносились до нас призывы принести кому-то извинения или в чем-то покаяться. Если мы должны просить прощения, то только у тех наших воинов, которые отдали свою жизнь за Родину, прощения за то состояние, в котором пребывает ныне наша страна. Победа была одержана всем многонациональным советским народом. Поэтому она празднуется и во многих других ныне независимых государствах, бывших республиках Советского Союза. Победа — их общее достояние. Традиции дружеских, братских отношений надо беречь и развивать. Они помогут преодолеть и те центробежные тенденции, которые преобладали последние полтора десятка лет. Наша общая история, наша общая великая Победа является и фундаментом нашей общеснациональной идеи. В истории часто случалось так, что задача осуществления великих дел приходилась на какое-то определенное поколение. И вы, сидящие в этом зале, должны знать: решать эти задачи, доставшиеся от прошлого, придется вам. Память о нашей Великой Победе будет в этом надежной опорой.

СССР и некоторые проблемы мирного урегулирования с Румынией на завершающем этапе Второй мировой войны

Возникшая в последние полтора десятилетия возможность исследования в российских (бывших советских) и румынских архивах довольно значительного документального материала, недоступного при коммунистической власти, привела к появлению ряда работ, в которых по-новому, либо вообще впервые, освещаются многие стороны советско-румынских отношений на завершающем этапе Второй мировой войны. В том числе это касается и различных аспектов роли СССР в начавшемся тогда, в ходе окончания войны, мирном урегулировании государств антигитлеровской коалиции с Румынией. Среди прочих проблем советской политики того времени, связанной с мирным урегулированием, серьезные усилия в историографии сосредоточились на рассмотрении позиции Москвы в деле установления послевоенных границ Румынии. При этом привлекло внимание прежде всего выяснение того, как вырабатывались, принимались и затем осуществлялись советские решения по трансильванскому вопросу, касавшемуся определения румыно-венгерской границы. Трансильванийский аспект установления границ Румынии занял наибольшее место, в частности, и в российской историографии¹. Меньше в фокусе изучения оказалось то, какой при начале мирного урегулирования с Румынией была политика СССР по поводу советско-румынской границы. Эта тема частично рассматривалась двумя известными специалистами из России и Румынии, Т. А. Покивайловой и И. Кипером, в их работе, посвященной истории вопроса о советско-румынской границе на протяжении более длительного периода — с 1940 г., когда, по требованию СССР, граница была радикально изменена в его пользу, и до 1948 г., когда, одновременно с заключением Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Румынией, был подписан протокол об уточнении линии границы². Новые архивные, а частично и опубликованные документы, которые мы имели возможность исследовать, содержат данные, позволяющие продолжить и в определенной мере дополнить начатый упомянутыми авторами анализ политики, проводившейся Москвой по поводу границы с Румынией на завершающем этапе войны и сразу вслед за ее окончанием.

* * *

Как уже отмечалось в историографии, впервые проблемой советско-румынской границы в контексте будущего мирного урегулирования Кремль посчитал необходимым заняться в связи с проходившими 16—20 декабря 1941 г. переговорами руководителя СССР И. В. Сталина и наркома иностранных дел В. М. Молотова с министром иностранных дел Англии А. Иденом. На них советская сторона выдвинула перед британским партнером, а тем самым и вообще перед западными союзниками, свой план послевоенного территориального устройства в Европе. По поводу Румынии план содержал два пункта: один — о том, чтобы тогдашняя румыно-венгерская граница, которую продиктовали нацистская Германия и фашистская Италия во время 2-го Венского арбитража, была ревизована в пользу Румынии; другой — о восстановлении советско-румынской границы в том виде, какой она была к моменту гитлеровского нападения на СССР³.

Пункт о такой советско-румынской границе являлся составной частью более общего требования, отстаивавшегося Сталиным и Молотовым в качестве одного из центральных на переговорах с Иденом. Оно состояло в том, чтобы в планировавшемся советско-английском союзническом договоре или специальном протоколе к нему было зафиксировано британское согласие на восстановление после войны границ СССР, существовавших перед 22 июня 1941 г. Советской стороной на переговорах велась конкретно речь о сохранении за ней территориальных присоединений, которые она осуществила в Европе в 1939—1940 гг.⁴ Это касалось Латвии, Литвы и Эстонии, являвшихся до присоединения самостоятельными государствами, и ряда земель, до включения в СССР находившихся в составе Польши, Финляндии и Румынии. Перечисляя на переговорах с Иденом указанные территории, Сталин назвал среди них Бессарабию и Северную Буковину⁵. Как известно, обе эти области Румыния перед лицом советского ультиматума, подкрепленного военной угрозой, была вынуждена в конце июня 1940 г. передать СССР. Что касается Бессарабии, то Советский Союз никогда не признавал ее присоединения к Румынии в 1918 г. и претендовал на нее как на территорию, принадлежавшую с 1812 г. России (до 1812 г. была частью Молдавского княжества). По поводу северной части Буковины, которая до 1918 г. находилась в составе Австро-Венгрии и никогда России не принадлежала, Москва аргументировала свои требования 1940 г. тезисом, что население Буковины в большинстве — украинское и должно соединиться с Украин-

ской ССР⁶. На переговорах с Иденом в декабре 1941 г. Stalin, конечно, не упомянул, что заодно с Бессарабией и Северной Буковиной, как якобы часть второй из них, в июне 1940 г. вследствие советского ультиматума в пределы СССР был также включен вклинившийся между двумя названными областями район на севере румынской Молдовы, который неизменно являлся частью Румынии с самого момента ее возникновения как единого государства на рубеже 50—60-х годов XIX в., а до того — частью Молдавского княжества, одного из учредителей Румынии⁷.

Стремление Кремля получить договорно-фиксированное британское согласие со всеми советскими территориальными приобретениями в Европе 1939—1940 гг., включая и области, изъятые у Румынии, было естественным. Речь шла о присоединениях, осуществлявшихся Советским Союзом с помощью силы или угрозы ее применения и с использованием предварительной договоренности об этом с Берлином, с которым Москва в те годы была в отношениях своеобразного альянса. Теперь, в кардинально изменившейся для СССР обстановке, когда он оказался в противоположной, антигитлеровской коалиции и именно с ее победами и решениями связывал устройство послевоенного мирового порядка, этот характер его предшествующего территориального расширения мог в принципе дать западным союзникам основание после разгрома «оси» подвергнуть при мирном урегулировании сомнению правомерность сохранения тех или иных из перечисленных территорий за советской стороной. Соответственно, у советского руководства были причины для его настойчивых попыток добиться, чтобы границы СССР, существовавшие к 22 июня 1941 г., заранее получили международно-правовую легитимность путем их официального признания со стороны его новых, западных партнеров. В рамках такого рода устремлений Stalin на переговорах с Иденом подчеркивал, в частности, и особую заинтересованность в признании границы с Румынией⁸. Однако Лондон и особенно Вашингтон посчитали, что в отношении всех советских границ, о которых Москва вела речь, от такого признания следует пока уклониться. В итоге усилия Кремля закрепить за собой в антигитлеровской коалиции право на восстановление упомянутых границ, включая и советско-румынскую, остались безрезультатными как на самих переговорах с Иденом, так и в течение значительного времени после этого⁹.

Но по мере последующих успехов Красной Армии в ходе войны и соответствующего усиления в антигитлеровской коалиции позиций СССР складывались условия для активизации усилий Москвы в отношении остававшихся теми же целей восстановления советских границ. Это, в част-

ности, было обозначено в начале марта 1943 г. публичным советским заявлением по поводу особенно заботившего руководство СССР вопроса о послевоенном разграничении с Польшей. Из заявления следовало, что разграничение может основываться лишь на тех территориальных изменениях в пользу СССР, которые были произведены в сентябре 1939 г. при германо-советском разделе довоенного польского государства¹⁰. Неполных девять месяцев спустя после упомянутого заявления, в обстановке дальнейших побед советских войск, окончательно повернувших ход войны к полному разгрому «оси» в Европе, британский премьер и американский президент на встрече «большой тройки» в Тегеране оказались перед необходимостью согласиться на то, чтобы установленная в сентябре 1939 г. граница СССР, будучи несколько откорректирована, стала послевоенной советско-польской границей. Президент США согласился также, чтобы Литва, Латвия и Эстония, включенные в 1940 г. в состав Советского Союза, оставались в данном качестве и после войны¹¹. Это был знаковый показатель перспектив реализации намерений советского руководства в отношении всех послевоенных границ СССР в Европе.

Что касалось непосредственно разграничения с Румынией, то когда в начале сентября 1943 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) при Народном комиссариате иностранных дел (НКИД) СССР была создана Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства во главе с заместителем наркома М. М. Литвиновым, тематический план ее предстоявшей деятельности, предусматривал в числе прочего и рассмотрение проблемы «Границы Румынии», но никак не конкретизировал содержание этого пункта применительно к советско-румынской границе. Отдельно о ней вообще не упоминалось, в отличие от конкретного указания на два других вопроса: один, формулировка которого говорила сама за себя, был обозначен как «Венгерско-румынская граница (судьба Трансильвании)»; другой фигурировал под названием «Югославско-румынская граница», что подразумевало территориальную проблему Баната, впрямую связанную опять-таки с будущей судьбой Трансильвании¹². Непосредственно вопрос о советско-румынской границе затрагивался в записке от 3 октября, поступившей к Молотову от заместителя наркома иностранных дел В. Г. Деканозова. Она была составлена в НКИД как один из рабочих документов по подготовке к назначенному на октябрь 1943 г. встрече в Москве министров иностранных дел СССР, Англии и США. В записке излагались соображения по поводу проблем, выдвижения которых можно ожидать на предстоящей встрече, и той позиции, которую

целесообразно будет по ним занять советской стороне. Касаясь в связи с этим, в числе прочего, и темы послевоенной границы между СССР и Румынией, составители записки воспроизводили позицию, которая уже раньше отстаивалась Кремлем: в качестве само собой разумеющегося указывалось на необходимость восстановления границы, установленной в конце июня 1940 г.¹³

Между тем, как известно, на самой конференции трех министров иностранных дел, состоявшейся в Москве 19—30 октября 1943 г., вопрос о советско-румынской границе не вставал. Не затрагивался он и в Тегеране, в отличие от проблем советско-польской границы и включения в СССР прибалтийских стран. Но советская сторона продолжала держать его в поле зрения. В частности, из стенограммы заседания комиссии Литвинова 28 апреля 1944 г. видно, что до этого, то ли в конце 1943 г., то ли в начале 1944 г., в комиссии была намечена «работа о Бессарабии»¹⁴. Очевидно, что работа на подобную тему должна была касаться как раз обоснования границы между СССР и Румынией. Однако, по крайней мере, до упомянутого заседания, т. е. до конца апреля 1944 г., такая работа, как отмечено в той же стенограмме, все еще не была выполнена¹⁵.

Тем временем выход 26 марта 1944 г. войск 2-го Украинского фронта на северный участок советско-румынской пограничной линии, установленной в 1940 г., ее пересечение ими и занятие в течение апреля—мая прилегающего района на северо-востоке Румынии вызвали необходимость срочных политico-дипломатических шагов Москвы с изложением ее позиции в связи с этими событиями, в том числе и относительно границы между СССР и Румынией. 2 апреля Молотов сделал для советской и иностранной печати соответствующее заявление, в котором прежде всего указывалось, что советско-румынской границей по-прежнему является та, что возникла в 1940 г. Эта же позиция была зафиксирована в тексте советских условий возможного перемирия с Румынией, в середине апреля 1944 г. переданном неофициальным румынским эмиссарам, которые вели в Каире переговоры с представителями СССР, Англии и США¹⁶. Как заявление Молотова, так и условия, предназначенные для передачи румынским эмиссарам, были предварительно направлены для согласования англичанам и американцам. А они согласились с содержанием того и другого (англичане лишь предложили в условия перемирия одно дополнение, принятое советской стороной)¹⁷. Тем самым линия Москвы по вопросу о советско-румынской границе, выраженная в обоих документах, была официально принята западными союзниками.

Этим были предопределены постановка и решение данного вопроса при заключении в сентябре 1944 г. соглашения о перемирии с Румынией, к тому времени потерпевшей окончательное поражение от советских войск и перешедшей, после падения режима Антонеску, на сторону антигитлеровской коалиции. Теперь все три главные державы коалиции — СССР, Англия и США — стояли на позиции восстановления границы между Советским Союзом и Румынией, установленной в конце июня 1940 г. Более того, западные союзники оказались готовыми принять и советскую формулу о том, что эта граница была установлена советско-румынским соглашением 1940 г. Ссылки на подобное соглашение или даже на договор стали использоваться Москвой начиная с первой половины 1942 г. как в процессе обсуждения проблемы послевоенных границ СССР в Европе, в том числе советско-румынской, с западными союзниками, так и в публичных заявлениях по поводу Румынии, в частности в упоминавшемся заявлении Молотова 2 апреля 1944 г.¹⁸ Что при этом имелось в виду?

Из некоторых документов НКИД, относящихся к 1942—1944 гг., следует, что в качестве такого соглашения советской стороной интерпретировался «обмен нотами между советским и румынским правительствами 27—28 июня 1940 года»¹⁹. Другими словами, имелись в виду вынужденное принятие тогда Бухарестом ультиматума Москвы, а затем ею же продиктованное конкретное уточнение графика и условий эвакуации румынских войск и учреждений с территории, названной в ультиматуме, и занятие этой территории Красной Армией. Остается только догадываться, почему о первоначальной дате предъявления самого ультиматума, 26 июня 1940 г., эта интерпретация предпочитала не упоминать. Но независимо от манипулирования датами, толкование того, что произошло тогда — соглашение или договор о границе, было достаточно произвольным. И не только потому, что в действительности в конце июня 1940 г. речь шла просто об удовлетворении Румынией ультимативного требования, подкрепленного угрозой безотлагательного применения Кремлем военной силы, а также поддержкой этого требования Берлином. Дело еще и в другом.

Во-первых, что касалось советской стороны, то, как известно, в самом тексте ее ультиматума, который Молотов вручил 26 июня 1940 г. румынскому посланнику Г. Давидеску, вообще не была указана линия новой границы, на которой настаивала Москва. Только в связи с вопросом о Северной Буковине говорилось, что применительно к этому участку граница обозначена на прилагаемой карте²⁰. Судя по советской публикации карты, она была весьма мелкой (масштаб 1 : 2 000 000) и содержала

лишь приблизительные очертания пограничной линии, особенно там, где не проходила по таким крупным естественным рубежам, как русла Прута и Дуная²¹. Поэтому Давидеску не взял тогда карту, сказав, что все равно не имеет возможности передать ее в Бухарест (он взял ее позже, 29 июня), а просил дать ему описание предлагаемой Москвой границы на территории Буковины²². Внимание посланника именно к буковинскому участку являлось вполне объяснимым, ибо применительно к бессарабскому участку советская формула «возвращения Бессарабии» сама по себе логически должна была означать возвращение к существовавшей до 1918 г. границе по Пруту и Дунаю, установленной еще Берлинским трактатом 1878 г. На просьбу Давидеску Молотов ответил, «что граница не может быть обозначена в настоящее время с абсолютной точностью и будет уточнена впоследствии», но перечислил некоторые важнейшие пункты прохождения новой пограничной линии на буковинском участке²³. Последний в действительности включал в себя и новую границу в уже упоминавшемся нами районе на севере Молдовы, который не относился ни к Буковине, ни к Бессарабии и не фигурировал в тексте ультиматума, так что посланник не заметил, что заодно с Буковиной данный район тоже оказался среди территорий, попавших в число советских претензий. В опубликованных до сих пор документах содержится то описание пограничной линии на этом — не только собственно буковинском — участке, какое сумел сделать Давидеску со слов Молотова. Оно и было передано посланником в Бухарест²⁴. Что же касалось бессарабского участка новой границы, то поскольку в отношении него вопросов от Давидеску не последовало, никаким ее описанием советская сторона вручение своего ультиматума вовсе не сопровождала. Между тем пограничная линия в дельте Дуная на упомянутой выше советской карте обозначалась столь мелко и схематично, что в качестве границы указывалось лишь северное, Килийское гирло без уточнения того, где именно она должна там проходить²⁵. Формально уточнение и не было нужным, поскольку речь вроде бы шла о восстановлении границы, установленной Берлинским трактатом 1878 г. Но уже вскоре, осенью 1940 г., советская сторона явочным порядком заняла острова в Килийском гирле, которые, согласно Берлинскому трактату, принадлежали Румынии²⁶. Хотя, предпринимая свою июньскую акцию, Москва подобных претензий не выставляла.

Во-вторых, что касалось румынской стороны, то она, вынужденно отступив в конце июня 1940 г. вместе с тем сразу же уклонилась от выражения согласия с территориальным переделом, производимым по требованию

Кремля. Сначала, 27 июня, Бухарест в ответ на советский ультиматум выразил вообще лишь готовность к безотлагательным переговорам для обсуждения поставленных проблем²⁷. А когда руководство СССР отвергло такой ответ, как неудовлетворительный, и потребовало, чтобы немедленно в течение четырех дней был произведен вывод румынских войск с указанной Москвой территории, которую тут же будут занимать советские войска, правительство Румынии в ноте от 28 июня заявило, что в сложившейся ситуации, перед лицом опасности применения военной силы «видит себя обязанным принять условия эвакуации», предъявленные советской стороной²⁸. Как уже отмечалось в историографии, в частности российской исследовательницей М. Д. Ерешенко, тем самым румынское правительство не только подчеркнуло, что подчиняется предъявленным ему требованиям из-за угрозы, которой они сопровождаются, но и придало в правовом отношении своему шагу форму согласия не на уступку Советскому Союзу территории, а лишь на эвакуацию румынских войск с этой территории²⁹. Более того, Бухарест, подчеркнуто именуя затем новую границу демаркационной линией, тут же стал выражать и прямое несогласие с тем, как она намечалась, а затем устанавливалась на некоторых участках советской стороной. Несогласие касалось вышеупомянутого района на севере Молдовы, а позже и островов в Килийском гирле, когда их заняли советские пограничные войска. Поскольку возражения Бухареста, продолжавшиеся чуть ли ни до лета 1941 г., неизменно отвергались Москвой, деятельность совместной советско-румынской комиссии, работавшей осенью 1940 г. с целью демаркации пограничной линии, была к началу декабря прервана и больше не возобновлялась. Итогового документа, которым граница согласовывалась бы между сторонами, подписано не было³⁰.

Версия относительно соглашения или договора о границе, будто бы заключенного в конце июня 1940 г. между СССР и Румынией, была нужна советской стороне, чтобы придать восстановлению этой границы более убедительную международно-правовую обоснованность. Но как раз из-за того, что упомянутая граница на самом деле не получила в 1940 — первой половине 1941 г. должного правового оформления, оставшиеся спорными проблемы частично вновь возникли в связи с заключением в сентябре 1944 г. соглашения о перемирии с Румынией. Правительство К. Сэнэtesку, пришедшее в конце августа 1944 г. на смену свергнутому режиму Антонеску, включило в инструкцию для румынской делегации на переговорах о перемирии пункт, предусматривавший усилия делегации по достижению более удовлетворительного для румынской стороны ре-

шения по поводу, во-первых, «района Герца», т. е. все того же района на севере Молдовы, отрезанного в 1940 г. от Румынии как якобы часть Северной Буковины, а во-вторых — островов в дельте Дуная³¹.

В тот момент в румынском правительстве преобладали те, кто вообще негативно относился ко всем изменениям советско-румынской границы, произошедшим в 1940 г. На переговорах в Москве, которые велись в первой половине сентября 1944 г. по поводу заключения соглашения о перемирии, глава румынской делегации коммунист Л. Пэтрэшкану, являвшийся членом правительства, в одной из бесед с глазу на глаз с первым заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским сказал, что, в частности Ю. Маниу и К. Брэтиану, лидеры наиболее крупных и влиятельных партий Румынии, входившие в то же правительство, «до сих пор не согласны с тем, что Бессарабия должна принадлежать Советскому Союзу»³². Однако в условиях сентября 1944 г., когда Румыния только что потерпела поражение как сообщник гитлеровской Германии и к тому же государство, которое в ходе нацистской агрессии участвовало в оккупации советской территории даже восточнее Днестра, о сколько-нибудь существенной ревизии границы, установленной в 1940 г., не могло быть и речи. Заведомая несбыточность подобных претензий была понятна даже для тех, кто хотел бы такой ревизии.

Но и попытка румынской стороны поставить вопросы только о районе Герца на севере Молдовы и об островах в дельте Дуная оказалась тоже обретенной на полный провал. В упомянутой выше работе Покивайловой и Кипера уже приводились сведения о том, что Молотов в ходе переговоров о перемирии категорически отверг обсуждение данных вопросов³³. Соглашением о перемирии было предусмотрено восстановление всей границы между СССР и Румынией, установленной в 1940 г. При этом, в соответствии с советской версией, воспринятой и западными союзниками, была употреблена формулировка, гласившая, что речь идет о границе, которая была установлена «советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 года»³⁴.

Хотя, казалось бы, соглашением о перемирии вопрос о послевоенной советско-румынской границе был фактически решен и предстояло лишь формальное закрепление этого решения при заключении последующего мирного договора Объединенных Наций с Румынией, на практике дело оказалось сложнее. Что и проявилось, когда комиссия Литвинова стала готовить предложения непосредственно для выработки мирного догово-

ра. Это произошло в августе 1945 г., когда в Европе война была уже три месяца, как закончена, но еще продолжалась на Дальнем Востоке, где завершался разгром Японии.

Составлением мирных договоров с бывшими европейскими союзниками Германии, включая и Румынию, по решению Потсдамской конференции поручалось заняться Совету министров иностранных дел (СМИД) Англии, СССР, США, Франции и Китая на своей первой сессии, проведение которой было в итоге намечено на сентябрь 1945 г. в Лондоне. И потому в начале августа НКИД приступил к работе по подготовке советской стороны к этой сессии. В комиссии Литвинова стали вырабатывать предложения о советских проектах мирных договоров. Выработка предложений о проекте мирного договора с Румынией, как и в случаях с рядом других мирных договоров, велась поэтапно. Как результат ее первого этапа, 17 августа были готовы «Проект структуры и содержания мирного договора с Румынией» и объяснительная записка к нему, подписанная Литвиновым. В тот же день оба документа вместе с приложенными предложениями по военным вопросам, поступившими в комиссию из Генерального штаба Красной Армии и Главного морского штаба ВМФ СССР, были направлены Молотову и некоторым другим руководящим работникам НКИД³⁵. Проект структуры и содержания мирного договора был не каким-то предлагаемым текстом договора, а скорее представлял собой систематизированный перечень положений, из которых, как считали составители, должен был состоять договор. В документе эти положения давались с их разбивкой по разделам и статьям будущего договора и с тезисным обозначением их содержания.

Как проект структуры и содержания мирного договора, так и объяснительная записка Литвинова начинались с вопроса о советско-румынской границе. При этом наряду с повторением тезиса о восстановлении границы, сложившейся в конце июня 1940 г., указывалось на необходимость заново определить ее на крайних северном и южном участках.

Что касалось северного участка в названных документах, речь шла отнюдь не о том северном секторе границы, который явился результатом изменений 1940 г. и теперь опять существовал в таком же виде. Ибо к моменту, когда комиссия Литвинова приступила к составлению упомянутых выше документов, направленных 17 августа 1945 г. Молотову, данный сектор был продолжен в западном направлении совершенно новым участком границы Советского Союза, прежде, ни при ее изменении в 1940 г., ни при заключении соглашения о перемирии с Румынией в сен-

тябре 1944 г., вообще не существовавшим. Это была довоенная чехословацко-румынская граница, которая превратилась в советско-румынскую после того, как Закарпатье, занятое осенью 1944 г. силами Красной Армии и фактически отделенное тогда же от Чехословакии, было официально включено в состав СССР путем подписания 29 июня 1945 г. соответствующего советско-чехословацкого договора. Комиссия Литвинова поставила вопрос о том, чтобы на этом новом участке, который теперь стал северным окончанием всей советско-румынской границы, было произведено некоторое изменение пограничной линии в пользу Советского Союза.

Такая рекомендация комиссии была вызвана тем обстоятельством, что железнодорожная линия, шедшая по югу и востоку Закарпатья (в комиссии оно именовалось Прикарпатской Украиной), на некотором своем протяжении, между городами Тячево и Рахов, которые в упомянутых документах фигурировали как Тачево и Рохово, дважды пересекала границу и частично проходила по территории Румынии в районе, как говорилось в тех же документах, «города Сегед», т. е. Сигет (Сигету-Мармаций). Комиссия считала необходимым, чтобы железнодорожная дорога целиком оставалась в пределах СССР. Для этого предлагалось перенести в этом месте границу так, чтобы она проходила южнее железнодорожной линии, включив тем самым в Советский Союз, как формулировалось в объяснительной записке Литвинова, «незначительную полосу румынской территории» в районе Сигета, расположенную к северу от дороги³⁶.

Что же касалось южного участка советско-румынской границы, то в «Проекте структуры и содержания мирного договора с Румынией» указывалось на необходимость расширения принадлежащей СССР территории в дельте Дуная и прилегающей акватории Черного моря. Расширение предлагалось в двух вариантах, один из которых характеризовался как минимальный, а другой — как максимальный³⁷. В объяснительной записке Литвинова указывалось, что оба эти предложения поступили в комиссию от начальника Главного морского штаба ВМФ, но не уточнялось, от кого исходила инициатива постановки данного вопроса и в связи с чем возникла сама необходимость его постановки³⁸.

Общим в обоих вариантах было установление границы на Дунае, от впадения в него Прута до дельты, по середине главного фарватера реки. Но применительно к самой дельте варианты серьезно отличались друг от друга. Минимальным предусматривалось продолжение того же, что уже

делалось осенью 1940 г.: граница должна была идти по северному Килийскому гирлу, но с тем, что расположенные здесь острова переходили во владение СССР. Однако, если в период с осени 1940 и до весны 1941 г. советскими войсками были заняты четыре острова, которые согласно Берлинскому трактату 1878 г. принадлежали Румынии³⁹, то теперь речь шла о том, чтобы Советский Союз владел всеми без исключения островами в зоне Килийского гирла. Максимальный же вариант предусматривал прохождение границы и вовсе не по этому гирлу, а еще южнее: по середине главного фарватера Сулинского, т. е. среднего, гирла Дуная и затем Сулинского канала, оставляя северный берег Советскому Союзу, а южный — Румынии. Оба варианта, даже минимальный, а в еще большей мере максимальный, содержали замысел установления советского контроля над устьем Дуная.

Это была неизменность цели, преследовавшейся еще в 1940 г., когда советская сторона заняла часть островов в Килийском гирле. Тогдашние ее действия, судя по документам, тоже были минимальным вариантом территориального расширения. Показательно, что 23 июня 1940 г., почти накануне предъявленного Румынией требования о радикальном изменениях границы в пользу СССР, Молотов в телеграмме полпреду в Бухаресте А. И. Лаврентьеву, специально напоминая о происходивших в течение XIX в. изменениях границ России на бессарабском участке, указывал, что в устье Дуная пограничная линия проходила не только «по Килийскому рукаву», как было установлено в 1812 и 1878 гг., но одно время, в 1829—1856 гг., границей служил даже «Георгиевский (южный) рукав реки Дунай». Молотов подчеркивал: «На это последнее обстоятельство обращаю Ваше внимание». И в конце многозначительно добавлял, что полпреду «следует более детально ознакомиться» с историей изменения этой границы, «чтобы быть подкованным к обсуждению тех или иных возможных вопросов»⁴⁰. Подобная степень подкованности в тот момент, однако, не пригодилась: в ходе произведенных Советским Союзом несколько дней спустя крупных территориальных приобретений, полностью изменивших советско-румынскую границу, отодвинуть ее на юге до Георгиевского или хотя бы до Сулинского гирла не оказалось возможным, очевидно, прежде всего ввиду тогдашней необходимости оглядываться на Германию. Пришлось ограничиться Килийским гирлом, а там — чуть позже — занятием нескольких островов. Но стремление Москвы к большему контролю над устьем Дуная осталось. И когда уже в совершенно изменившейся ситуации Сталин и Молотов на переговорах с Иде-

ном в декабре 1941 г. выдвинули проблему послевоенного территориального устройства в Европе, в подготовленном советским руководством проекте конфиденциального протокола к предполагавшемуся советско-британскому союзническому договору имелся, среди прочего, следующий пункт: «В целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами»⁴¹. Не ясно, был ли этот проект протокола вручен Идену⁴². Но из документов видно, что в условиях, когда английский министр иностранных дел не проявил вообще готовности обсуждать советские территориальные предложения, Кремль, продолжая еще настаивать на своих требованиях о признании европейских границ СССР 1941 г., предпочел тогда же снять вопрос об устье Дуная⁴³. И, судя по доступным источникам, с тех пор его перед западными союзниками больше не поднимал.

Естественно встает вопрос, как и при каких обстоятельствах в Главном морском штабе возникла в конце лета 1945 г. мысль о внесении в проект будущего мирного договора с Румынией изложенных выше двухвариантных предложений об изменении советско-румынской границы в дунайской дельте и кто был инициатором данной идеи. Исследованный нами архивный материал не содержит сведений на сей счет. Во всяком случае, целиком включив эти предложения в свой «Проект структуры и содержания мирного договора с Румынией» и препроводив их 17 августа 1945 г. Молотову, комиссия Литвинова тем самым фактически высказалась за их принятие. Более того, в упомянутом документе комиссии фигурировал в качестве основного максимальный вариант, минимальный же приводился как своего рода запасной⁴⁴. Проведение границы по максимальному варианту значило, что под советским контролем окажутся оба основных судоходных гирла Дуная — как главное Сулинское, так и расположенное севернее Килийское. А южное, Георгиевское, гирло не имело особого значения для судоходства из-за мелководья и песчаного подводного вала в устье. Контролю над судоходными рукавами должна была также способствовать предусматривавшаяся обоими вариантами передача Советскому Союзу острова Фидониси (Змеиный или Шерпилор), расположенного в Черном море немного к востоку от дельты Дуная⁴⁵. Имелось в виду, что окончательная демаркация той советско-румынской границы, какую установит мирный договор с Румынией, будет произведена совместной комиссией, которую создадут для этого обе страны⁴⁶.

К комплексу вопросов, связанных с разграничением территорий между СССР и Румынией, частично примыкал и пункт, предусматривавший,

чтобы мирный договор обязал Румынию сдать в аренду Советскому Союзу на 50 лет «военную гавань порта Констанца с прилегающей территорией, со всеми имеющимися постройками и оборудованием для базирования кораблей и авиации Союза ССР». Этот пункт содержался в предложениях по военным вопросам, которые поступили в комиссию Литвинова тоже от Главного морского штаба. Они были составлены также в двух вариантах — максимальном и минимальном, но пункт о Констанце имелся в обоих⁴⁷. Подобное стремление получить в длительную аренду территорию военно-морской базы на балканском берегу Черного моря касалось не одной Румынии. В предложениях по военным вопросам, представленных в августе 1945 г. Главным морским штабом в комиссию Литвинова в связи с составлением советского проекта мирного договора с Болгарией, содержался такой же пункт, относившийся к военной гавани болгарского порта Варна⁴⁸. Но в «Проекте структуры и содержания мирного договора с Румынией», посланном Молотову, комиссия вообще оставила незаполненным раздел о военных положениях договора. Она ограничилась лишь тем, что без каких-либо комментариев приложила к проекту все предложения для этого раздела, поступившие от Генерального штаба Красной Армии и Главного морского штаба, включая и пункт об аренде военной гавани порта Констанца⁴⁹.

Очевидно предложения, представленные комиссией Литвинова 17 августа 1945 г., были в основном одобрены Молотовым, причем те, что касались советско-румынской границы, — в полном объеме. Ибо 25 августа Литвинов направил наркому иностранных дел и некоторым другим руководящим работникам НКИД уже сам «Проект мирного договора с Румынией», который базировался на положениях предшествующего документа, а по пограничным вопросам просто их воспроизводил. При этом по поводу пограничной линии в дельте Дуная проект содержал только максимальный вариант Главного морского штаба (граница по Сулинскому гирлу)⁵⁰. В приложенной к проекту мирного договора объяснительной записке Литвинова, также датированной 25 августа, указывалось, что данный вариант «в основном» совпадает «с требованиями наших представителей в Румынии»⁵¹. Поскольку первый после восстановления 6 августа 1945 г. советско-румынских дипломатических отношений посланник СССР в Румынии С. И. Кавтарадзе прибыл в Бухарест лишь 22 августа⁵², под «нашими представителями», стало быть, имелось в виду советское руководство Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Румынии⁵³. В записке Литвинова содержались и краткие комментарии относительно проекти-

руемого изменения границы на закарпатском участке. «Румыния, — писал автор, — будет, конечно, возражать против лишения ее хотя бы небольшой территории на севере, но мы не можем оставить на румынской территории железную дорогу, соединяющую разные части Прикарпатской Украины (так Литвинов продолжал именовать Закарпатье. — Л. Г.). Пограничные таможенные и паспортные правила значительно осложнили бы движение по железной дороге. Если не включить этот участок в состав СССР, то пришлось бы, вероятно, соответственный участок железной дороги физически перенести на территорию Прикарпатской Украины, что связано со значительными расходами»⁵⁴. При подобном подходе в духе советских реалий «границы на замке», причем не только для чужих, но и в не меньшей степени для собственных граждан, функционирование железной дороги с повседневной практикой прохождения по территории довоенных Румынии и Чехословакии, с их иными, несоветскими, порядками оказывалось действительно немыслимым.

В проект мирного договора была включена и специальная статья о Констанце, даже расширенная по сравнению с предложением Главного морского штаба. Она гласила: «В связи с тем, что военно-морские базы Союза ССР на Черном море действиями германских и румынских войск были приведены в состояние, требующее длительных восстановительных работ, Румыния предоставляет Союзу ССР, на правах аренды на 50 лет, военную гавань Констанца с необходимой зоной обеспечения, со всеми находящимися в этой зоне мастерскими, складами, постройками и оборудованием для базирования кораблей Военно-Морского Флота и авиации Союза ССР, а равно и необходимых наземных войск и артиллерии береговой обороны для охраны указанной зоны»⁵⁵. Если при составлении предыдущего документа от 17 августа комиссия Литвинова просто переслала соответствующее предложение Главного морского штаба, как и другие его предложения, руководству НКИД без всяких комментариев, то теперь в объяснительной записке к проекту мирного договора указывалось, что «Комиссия признает вполне обоснованным требование морского ведомства касательно аренды Констанцы». Но при этом Литвинов предупреждал: «Поскольку это требование обуславливается восстановлением наших собственных черноморских портов, придется, может быть, сократить срок аренды»⁵⁶.

Судя по пометам (подчеркиваниям и отчеркиваниям), которые Молотов сделал в текстах как проекта мирного договора, так и объяснительной записи Литвинова от 25 августа, его внимание особенно привлекли как

раз вопросы, касавшиеся изменений границы в пользу СССР на дунайском и закарпатском участках, а также аренды военной гавани в Констанце⁵⁷. Данные вопросы заняли важное место и в ходе происходившей в последующие две недели в Москве дальнейшей работы по подготовке советской стороны к предстоявшему обсуждению мирного договора с Румынией на первой сессии СМИД, которая должна была открыться в Лондоне 11 сентября 1945 г.

Исследование интересующих нас архивных документов НКИД, относящихся к этим двум неделям, серьезно затруднено как фрагментарностью материала, оказавшегося доступным, так и тем, что часть его, к сожалению, лишена точной датировки. Тем не менее сопоставительный анализ содержания документов дает основание полагать, что в течение указанного времени работа по упомянутой выше подготовке к сессии СМИД прошла своего рода две фазы. Сначала основные усилия были направлены на сокращение первоначального, весьма детализированного проекта договора, составленного в комиссии Литвинова. Результатом явился новый вариант, насчитывавший всего 13 статей — втрое меньше, чем тот, что был представлен комиссией 25 августа⁵⁸. Затем — видимо, в первых числах сентября — работа приняла иное направление. Вместо проекта мирного договора стал составляться проект документа под названием «Предложения советской делегации по мирному договору для Румынии», предназначавшийся для обсуждения сессий СМИД. Он состоял из трех видов предложений: в нем, во-первых, перечислялись номера тех статей соглашения о перемирии с Румынией от 12 сентября 1944 г., которые теперь было предложено положить в основу мирного договора; во-вторых, содержались некоторые положения, предназначенные дополнить или скорректировать часть из этих статей; в-третьих, в отдельных случаях указывалось на необходимость введения новых статей, отсутствовавших в соглашении о перемирии⁵⁹. Мы пока не располагаем данными о том, чем было вызвано такое изменение направления работы. Однако из архивных материалов, имевшихся в нашем распоряжении, видно, что оно касалось не только мирного договора с Румынией, но и мирных договоров с Болгарией, Финляндией, Венгрией⁶⁰. Подготовленный в НКИД пакет подобного рода документов по мирным договорам с этими странами, включая и документ по Румынии, вместе с еще рядом материалов по другим вопросам для сессии СМИД был 6 сентября 1945 г. представлен Молотовым на рассмотрение «пятерки» — возглавляемого Сталиным узкого советского руководства (помимо Сталина и Молотова, в него вхо-

дили также А. И. Микоян, Г. М. Маленков, Л. П. Берия), выносившего обычно решения от имени Политбюро ЦК ВКП (б)⁶¹.

В этот промежуток времени, между 25 августа, когда комиссия Литвинова направила Молотову свой «Проект мирного договора с Румынией», и 6 сентября, когда Молотов представил «пятерке» совершенно по-другому составленный проект, озаглавленный «Предложения советской делегации по мирному договору для Румынии», происходили изменения не только размера и формы готовившегося документа, но и содержания по отдельным вопросам. Перемены в содержании касались, в частности, проблем советско-румынской границы и аренды военно-морской базы Констанцы.

В уже названном выше сокращенном (13 статей) варианте проекта мирного договора, который явился результатом первой из упомянутых двух фаз работы, проводившейся после 25 августа, по-прежнему говорилось о проведении границы в дельте Дуная по Сулинскому гирлу и Сулинскому каналу, равно как о переходе к СССР черноморского острова Змеиный (Фидониси). Однако в этот документ не был включен пункт об исправлении в пользу СССР пограничной линии на закарпатском участке. Наоборот, указывалось, что там «граница проходит по линии прежней границы Румынии с Чехословакией (Закарпатская Украина)»⁶². Исчезло из документа и всякое упоминание о предоставлении в аренду Советскому Союзу военной гавани с прилегающей территорией в Констанце. Почти таким же образом обстояло дело и в проекте «Предложений советской делегации по мирному договору для Румынии», представленном 6 сентября «пятерке». С той, однако, разницей, что в нем вообще не упоминалось о существовании закарпатского участка советско-румынской границы, впрочем, возможно, по недосмотру. Просто не учли, что в соглашении о перемирии с Румынией, на статьи которого делались ссылки, не могло быть и речи о таком участке советско-румынской границы, еще не существовавшем в то время, когда подписывалось соглашение. Пункт о границе по Сулинскому гирлу вновь остался, причем теперь это аргументировалось ссылкой на соответствие подобного решения «общепринятой международной норме, согласно которой в том случае, если границей между государствами служит судоходная река, то пограничной между ними линией считается главный судоходный фарватер». Но из данного пункта — возможно, тоже вследствие недосмотра — выпало упоминание об острове Змеиный⁶³.

Помимо изменений, вызванных чьим-то возможным недосмотром, чем же объяснялись те более серьезные, что явно были результатом осознанных решений?

Что касалось требования о базе в Констанце, то точно так же, как его выдвижение было — о чем уже говорилось выше — обусловлено соображениями, связанными не собственно с Румынией, а с более широкими устремлениями советской военно-политической стратегии, отказ от этого требования тоже имел более широкие причины. Они обнаруживаются при сопоставлении представленного комиссией Литвинова 25 августа 1945 г. проекта мирного договора, который содержал статью об аренде базы, и упомянутого сокращенного (к сожалению, недатированного) варианта проекта договора, где такая статья уже отсутствовала. Из сопоставления видно, что она была исключена не сама по себе, а в составе раздела проекта комиссии Литвинова. Указанный раздел полностью состоял из статей о наложении на Румынию обязательств по ограничению ее военного потенциала — численности и категорий вооруженных сил, количества и видов вооружения, мощностей и номенклатуры производства в военной промышленности, закупок зарубежной военной техники, а также включал статью о контроле за всем этим со стороны союзных держав-победительниц⁶⁴. В сокращенном варианте договора отсутствовали все подобного рода статьи⁶⁵. Обращает на себя внимание, что примерно таким же образом обстояло дело и в ходе почти одновременной (с разницей лишь в несколько дней) работы над проектом мирного договора с Болгарией. Если в предложениях комиссии Литвинова предусматривались ограничения военного потенциала Болгарии, то в сокращенный вариант мирного договора, аналогичный такому документу по Румынии, они не вошли⁶⁶. Следовательно, причина была общей для обоих случаев. И содержание исключенных статей делает ее очевидной: наложение военных ограничений на Румынию и Болгарию, которое бы фиксировалось в мирных договорах Объединенных Наций с этими странами, было сочтено нежелательным.

Подобное решение, которое выходило за рамки компетенции НКИД и могло быть принято лишь на самом высоком кремлевском уровне, являлось вполне естественным для советского руководства. В политико-дипломатическом противоборстве по поводу Румынии и Болгарии, проходившем тогда между СССР, с одной стороны, и Англией и США — с другой, Кремль, реально обладавший контролем над обеими балканскими странами, прилагал усилия к упрочению, в том числе и военному,

опекавшихся им тамошних режимов «народной демократии», в которых ключевая роль принадлежала компартиям. Во введении военных ограничений и общего, включающего и западные державы, союзнического контроля за их соблюдением заинтересованность исходила как раз от Лондона и Вашингтона, что было затем подтверждено британскими и американскими предложениями на самой открывшейся 11 сентября сессии СМИД, в том числе и по поводу Румынии⁶⁷. Москва же стремилась, насколько возможно, помешать этому либо, по крайней мере, свести ограничения к минимуму: на той же лондонской сессии СМИД обсуждение данного вопроса применительно к Румынии началось с возражения Молотова против упомянутых предложений Англии и США⁶⁸. Понятно, что при подготовке к сессии советская сторона предпочла тщательно убрать из собственных предложений любые упоминания о возможных военных ограничениях в отношении Румынии и Болгарии. А потому в этих документах больше не было речи о базах в Констанце или Варне.

В процессе выработки советских решений по вопросу о базах принимались во внимание и проблемы, касавшиеся политики западных союзников в отношении Италии. 1 сентября Литвинов в записке Молотову по поводу мирного договора с Болгарией утверждал, что Англия и США способны выдвинуть возражения против получения Советским Союзом баз в Болгарии и Румынии, но не смогут этого сделать, если, в свою очередь, будут добиваться для себя баз в Италии⁶⁹. У проблемы, затронутой Литвиновым, была, однако, и другая, отнюдь не менее значимая сторона, оставшаяся за пределами высказанного им соображения: выдвижением требований о базах Москва аналогичным образом лишалась бы возможности возражать против получения Англией и США баз в Италии. А последнее было крайне нежелательно для Кремля. Еще в ходе войны, особенно ближе к ее завершению, одной из составных частей советской политической стратегии стала нацеленность на послевоенное использование Италии в качестве страны, интересы которой в Средиземноморье служили бы определенного рода противовесом британским устремлениям в этом регионе⁷⁰. Этим замыслам совершенно противоречило бы создание баз западных союзников на итальянской территории. Платить такую цену за аренду баз в Румынии и Болгарии было не в интересах Москвы. Исследованные документы не позволяют пока судить о том, насколько это играло роль при принятии решения не выдвигать для включения в мирные договоры требования о такой аренде. Но обращает на себя внимание, что в той же записке Литвинова Молотову от 1 сентября 1945 г. высказыва-

лась мысль об использовании, если нужно, иного способа получения базы в Варне: путем соглашения между СССР и Болгарией уже после заключения мирного договора⁷¹. Литвинов не пояснял, почему он не предусматривает такой возможности и в отношении базы в Констанце. Однако вполне вероятно, что на более высоком советском уровне подобную возможность допускали.

Что касалось отказа от первоначального намерения внести в мирный договор с Румынией пункт об изменении в пользу СССР советско-румынской границы на закарпатском участке, то о причинах такого шага позволяет судить архивный документ под заголовком «Заседание 6 сентября 1945 года в ЦК ВКП (б)», имеющийся в рукописи и двух машинописных перепечатках⁷². В нем самом не обозначено, о каком конкретно заседании идет речь и кто его участники. Но из сопоставления названного документа с журналом посещений кремлевского кабинета Сталина становится понятно, что это запись решений, принятых собравшейся у Сталина «пятеркой» при рассмотрении тех самых упомянутых выше материалов НКИД, в том числе о мирном договоре с Румынией, которые раньше в тот день были представлены Молотовым в связи с сессией СМИД. В заседании, длившемся чуть больше полутора часов — с 20.00 до 21.35., участвовали все члены «пятерки», а также Вышинский, Деканозов и заведующий Вторым европейским отделом НКИД К. В. Новиков⁷³. Последний, будучи назначен заместителем руководителя и секретарем советской делегации на предстоявшей сессии СМИД, как раз и записывал решения, принимавшиеся на заседании⁷⁴. Фрагменты этой записи, относящиеся к вопросу о границе между СССР и Румынией, уже были объектом внимания и цитирования — в переводе на румынский язык — в упоминавшейся нами работе Покивайловой и Кипера. Однако ее авторы не располагали материалами, из которых было бы понятно, о каком заседании шла речь и каковы предыстория и обстоятельства обсуждения на нем проблемы советско-румынской границы. И в итоге сами констатировали, что лишены дополнительных сведений, позволяющих вписать этот документ в контекст конкретного развития советской политики по поводу границы⁷⁵.

Запись Новикова свидетельствует о том, что вопрос о желательных для Москвы изменениях советско-румынской границы рассматривался на заседании первым. Было принято решение, подтверждающее необходимость того, чтобы в дельте Дуная граница «проходила по фарватеру Сулинского канала». Но это сопровождалось выводом, что не следует ста-

вить данный вопрос перед СМИД, а причины такого вывода не указывались⁷⁶. И до сих пор не известны документы, в которых бы эти причины излагались. Возможно, что-то на сей счет мог пояснить материал специально по поводу советско-румынской границы, представленный 3 сентября Молотову Деканозовым и заведующим Отделом балканских стран НКИД А. А. Лаврищевым. Но хотя архивное дело, в котором содержится этот документ, открыто для исследователей, сам он, будучи обозначен в оглавлении, тем не менее все еще недоступен для ознакомления⁷⁷. Можно лишь предполагать, что в Москве предпочли не ставить вопрос об установлении границы в дельте Дуная по Сулинскому рукаву, поскольку опасались отказа западных партнеров согласиться на такой вариант пограничной линии. В принятом «пятеркой» 6 сентября решении был указан иной путь, видимо, показавшийся Кремлю более надежным: о границе по Сулинскому рукаву «договориться непосредственно с румынским правительством». А для максимально успешного достижения подобной договоренности было намечено то, что в самом решении характеризовалось как «компенсация» с советской стороны. Компенсация состояла из двух частей. Во-первых, не требовать присоединения «к УССР», т. е. к Советскому Союзу, «гор[ода] Сигет и проходящей через него железной дороги». Во-вторых, «уступить Румынии район Герца», уже неоднократно упоминавшийся нами выше. Правда, предусматривалось, чтобы за СССР остался тот участок района, по которому проходила еще более важная, чем в закарпатском случае, железнодорожная линия (она шла с севера, от Львова, через Черновцы и далее на юго-восток, к Унгенам и затем к Кишиневу)⁷⁸.

Первая из названных частей компенсации объясняет причину того, почему из советских проектов, готовившихся к сессии СМИД, еще на рубеже августа—сентября было исключено предложение о переносе отрезка советско-румынской границы в закарпатском секторе южнее, вплоть до Сигета. Очевидно уже тогда в советском руководстве пришли к мнению, что одновременное выдвижение требований и по поводу района Сигета, и о границе по Сулинскому гирлу может оказаться чрезмерным и лишь затруднит достижение каждого из желаемых результатов. И потому предпочли не гнаться за двумя зайцами, ограничившись только одним в виде сулинского варианта дунайской границы, заполучить который представлялось Кремлю более важным. Такого рода решение, в принципе, следовательно, уже намеченное, получило затем, на заседании 6 сентября, окончательное подтверждение. Вторая часть компенсации, призванная сильнее, дополнительно, ублаготворить румынскую сторону и тем самым

надежнее обеспечить устранение сложностей в достижении договоренности о границе по Сулинскому рукаву, убедительно свидетельствовала о том, сколь значимым для советского руководства было установление именно этой пограничной линии в дельте Дуная. Вместе с тем у решения возвратить Румынию, хотя бы частично, район Герца был и другой аспект. Если в условиях середины 1940 — начала 1941 г. Москва все просьбы Бухареста о возвращении указанной территории категорически отвергала, поскольку считала ее принадлежность Советскому Союзу важной в военном отношении⁷⁹, то в ситуации 1945 г., когда Румыния целиком попала в зону советского контроля, обладание данным районом утрачивало прежний смысл.

Решение, принятое в кабинете Сталина 6 сентября, явилось основой советской позиции на сессии СМИД, состоявшейся 11 сентября — 2 октября 1945 г. в Лондоне. Из упоминавшегося проекта «Предложений советской делегации по мирному договору для Румынии» был целиком вычеркнут пункт о пограничной линии по Сулинскому рукаву⁸⁰. После такой редактуры документ в переводе на английский язык вручили 12 сентября другим делегациям в СМИД⁸¹. В качестве основы того, как в мирном договоре следует обозначить советско-румынскую границу, врученное советское предложение указывало на статью 4 соглашения о перемирии с Румынией. Напомним, что в этой статье говорилось лишь о восстановлении границы, «установленной советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 года», без каких-либо упоминаний о возможной коррекции пограничной линии. Делегации Англии и США, которые вместе с советской стороной составляли тройку тех, кому принадлежала главная роль в заключении мирного договора с Румынией, в своих документах, представленных на сессии СМИД соответственно 17 и 19 сентября 1945 г., солидаризировались с названной формулой, принятой ими еще в 1944 г.⁸² На одном из экземпляров перевода на русский язык британского документа от 17 сентября, изучавшегося советской делегацией, на полях против пункта о советско-румынской границе было с удовлетворением помечено: «Как у нас»⁸³.

Однако в том же британском документе указывалось на ожидание английской стороны, что при решении вопроса о советско-румынской границе, как и в случаях с другими границами, которые затрагивались мирным урегулированием, «будет приложена карта, показывающая точную линию границы»⁸⁴. И это вызвало озабоченность членов делегации СССР. При чтении перевода документа на русский язык слова «будет

приложена карта» подчеркнули карандашом, а на полях поставили вопросительный знак⁸⁵. В записке «Замечания по британскому меморандуму о мирном договоре для Румынии», которая 19 сентября была представлена руководству делегации Лаврищевым и юридическим экспертом НКИД И. С. Перетерским (они находились среди лиц, сопровождавших делегацию), специально отмечался британский тезис о карте и указывалось: «Однако, демаркация советско-румынской границы еще не проведена и, следовательно, в настоящее время не может быть приложена точная карта»⁸⁶. Хотя авторы записи не упоминали о причинах такого положения, проблема как раз заключалась в том, что, вопреки советской формуле о границе по «соглашению» от 28 июня 1940 г., пограничная линия, установленная тогда, на самом деле не имела необходимого правового оформления. И советская сторона, стремившаяся затушевать это обстоятельство, ввиду британского требования относительно карты попала в довольно непростую ситуацию. Но еще важнее было другое: требование англичан грозило осложнениями и ввиду того, что принятое 6 сентября на заседании у Сталина решение о проведении изменений советско-румынской границы, не ставя данный вопрос перед западными союзниками, а договорившись непосредственно с правительством Румынии, оказалось отнюдь не легко и, что особенно существенно, вовсе не быстро осуществимым.

Согласно записи Новикова, на этом заседании «пятерки» фигурировал, помимо упомянутого решения, отдельно пункт по поводу его реализации: «О переговорах с Гроза по вопросу советско-румынской границы по фарватеру Сулинского канала»⁸⁷. Но никакой постановляющей части, т. е. указания на то, кто и когда проведет подобные переговоры с премьер-министром Румынии П. Гроза, в записи данного пункта не зафиксировано.

Как раз в то время, 4–13 сентября 1945 г., в Москве находилась румынская правительственная делегация, которую возглавлял Гроза. Из различных советских источников видно, что он тогда несколько раз встречался с руководящими деятелями СССР, включая Сталина и Молотова, но в тех же источниках нет сведений о содержании бесед, которые при этом велись с румынским премьером, за исключением одной его беседы с Вышинским⁸⁸. Во всяком случае, в документах, о которых идет речь, отсутствуют данные о том, затрагивалась ли при этом проблема советско-румынской границы (известно лишь, что в упомянутой беседе с Вышинским она не затрагивалась). В работе Покивайловой и Кипера говорилось, что таких свидетельств не обнаружено и в румынских источниках,

в том числе архивных⁸⁹. Однако те же авторы приводят содержание информации, изложенной 29 января 1947 г. видным румынским коммунистическим деятелем Э. Боднэрашем послу СССР в Румынии С. И. Кавтадзе в беседе с ним. Сообщая о позиции, которую в тот момент, в январе 1947 г., занял Гроза по вопросу о советско-румынской границе, Боднэраш отмечал, что премьер-министр Румынии, в частности, ссылается на беседу со Сталиным по данному вопросу. Покивайрова и Кипер сопроводили это замечанием, что имеется, конечно, в виду беседа в сентябре 1945 г.⁹⁰ Замечание справедливо, ибо после своего тогдашнего визита в Москву Гроза встретился в следующий раз со Сталиным только в феврале 1948 г. Переданные Боднэрашем сведения о содержании того, что сказал Гроза, свидетельствуют в пользу вывода, что намеченные на заседании «пятерки» 6 сентября 1945 г. переговоры с румынским премьером о границе по Сулинскому рукаву состоялись, и провел их сам кремлевский хозяин.

Принимая во внимание, что в ходе своего пребывания в Москве в сентябре 1945 г. Гроза во время двух из трех до сих пор известных встреч, состоявшихся у него со Сталиным, был на них вместе со всей румынской делегацией, а переговоры по поводу границы должны были носить сугубо конфиденциальный характер, вероятнее всего, что они состоялись вечером 6 сентября, когда Гроза посетил кабинет Сталина в Кремле один, без других членов делегации. Согласно журналу посещений, это произошло спустя 25 минут после завершения в том же кабинете упомянутого выше заседания «пятерки», на котором и были приняты решения о советской позиции по поводу границы и о проведении на сей счет переговоров с главой правительства Румынии⁹¹. Видимо, распоряжение срочно привезти его в Кремль последовало сразу же за принятием упомянутых решений. Гроза провел в кабинете Сталина свыше двух часов — с 22.00 до 00.07. С советской стороны были Сталин и Молотов⁹². Мы пока не располагаем ни записями их беседы, ни какими-либо иными материалами, в которых бы имелись сведения о ее содержании и результатах. Ни о ней, ни вообще о вопросах, касавшихся границы между СССР и Румынией, ничего не говорилось как в публичном комюнике по итогам визита румынской правительственный делегации в Москву, так и в закрытых решениях Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 и 12 сентября 1945 г. в связи с выдвинутыми румынской стороной во время визита просьбами экономического и политического характера⁹³. Гроза, докладывая на заседании правительства Румынии 14 сентября 1945 г., сразу же по возвращении делегации из СССР, о переговорах в Москве, тоже не упомянул об этой

беседе и о каком-либо обсуждении проблемы советско-румынской границы⁹⁴. Правда, известен один архивный документ, который, возможно, отчасти служит косвенным свидетельством того, каким оказался результат переговоров руководства СССР с премьер-министром Румынии по поводу предложений Кремля об изменении границы.

Речь идет о письме-ноте от имени Молотова на имя вице-премьера и министра иностранных дел Румынии Г. Тэтэреску. В документе говорилось:

«Уважаемый г-н Министр,

В связи с предстоящим обсуждением мирного договора с Румынией Советское Правительство считает желательным урегулировать с Румынским Правительством вопрос о советско-румынской границе.

Как известно, в 1940 году не была достигнута договоренность в Смешанной Советско-Румынской Комиссии относительно прохождения границы в устье Дуная. Советское Правительство видит справедливое решение этого вопроса в проведении пограничной линии в устье Дуная по Килийскому гирлу и по его южным рукавам.

Подлежит также урегулированию вопрос о новом участке советско-румынской границы в районе Закарпатской Украины.

Ввиду того, что железная дорога, соединяющая западную и восточную части Закарпатской Украины, в районе города Сигет проходит по румынской территории у самой советско-румынской границы, создается много экономических и других трудностей в Закарпатской Украине. Советское Правительство считает целесообразным исправить в этом районе границу таким образом, чтобы вся железная дорога Тачево — Рахово находилась на территории Советского Союза. Такое исправление границы будет означать перенесение ее на 4—6 км на юг на участке шириной (так в документе, но по смыслу нужно — длиной, т. е. вдоль железной дороги. — Л. Г.) примерно 50 километров.

Советское Правительство имеет при этом в виду, что город Сигет должен остаться в пределах Румынии.

Советское Правительство считает своевременным образование Смешанной Советско-Румынской Комиссии для демаркации государственной границы между СССР и Румынией.

Я буду признателен Вам, г-н Министр, за сообщение точки зрения Румынского Правительства относительно вышеизложенного.

Примите, г-н Министр, уверения в моем высоком к Вам уважении.

В. Молотов»⁹⁵.

Этот документ находится среди архивных материалов НКИД, относящихся к осени 1945 г., но не датирован. Он представляет собой первый экземпляр машинописи, однако не имеет собственноручной подписи Молотова. Документ уже приводился в работе Покивайловой и Кипера, частично путем цитирования (разумеется, в переводе на румынский язык), а частично в изложении⁹⁶. При этом ее авторы не только отметили отсутствие в документе датировки, но и обозначили его как проект. Это справедливо постольку, поскольку слово «Проект» написано карандашом на верху его первой страницы. Однако, не располагая рядом других необходимых материалов, касавшихся позиции СССР по вопросу о границе с Румынией, названные авторы оказались лишены возможности как сопоставления документа, о котором идет речь, с этими материалами, так и анализа самого текста документа на предмет выяснения его датировки и места в развитии советской позиции. Между тем рассмотрение данного документа под этим углом зрения обнаруживает немало любопытного и весьма существенного.

Сначала о том, что касается его датировки. Как мы видим, в документе говорилось о необходимости проведения пограничной линии по Килийскому гирлу и «его южным рукавам» (последнее, вероятно, должно было означать, что все острова отходят к советской стороне). Но такой текст не мог быть составлен, пока Москва стояла на позиции, что пограничная линия в дельте Дуная должна идти по Сулинскому рукаву. А из всего рассмотренного нами выше совершенно очевидно, что именно сулинский вариант был основой советской позиции как до заседания «пятерки», состоявшегося в кабинете Сталина 6 сентября 1945 г., так и на самом заседании, определив решения последнего. Вместе с тем в анализируемом документе говорится, что желательность урегулирования вопроса о границе путем договоренности с румынским правительством связана «с предстоящим обсуждением мирного договора с Румынией». А обсуждение договора на сессии СМИД в Лондоне началось 20 сентября, на ее 14-м заседании⁹⁷. Если учесть и одно, и другое, то получается, что документ, составленный как послание Молотова на имя Тэтэреску, мог появиться лишь в течение двухнедельного промежутка, отделявшего окончание заседания «пятерки» 6 сентября от 14-го заседания лондонской сессии СМИД 20 сентября.

Далее, что касается перемены советской позиции и возможных причин этого, отраженных в документе, о котором идет речь. Как мы видим, в нем, по сравнению с упомянутым решением «пятерки», совершенно по-

другому выглядит позиция Кремля по поводу границы не только в дельте Дуная, но и в районе Сигета и районе Герца. В отношении района Сигета произошел фактически возврат к первоначальному требованию, сформулированному еще в августе комиссией Литвинова. Поскольку отказ на рубеже августа — сентября от этого требования был обусловлен стремлением обеспечить согласие правительства Румынии на установление границы в дельте Дуная по Сулинскому рукаву, возврат позиции о районе Сигета трудно оценить иначе, нежели показатель неудачи расчетов Кремля на то, чтобы реализовать сулинский вариант путем договоренности с румынской стороной. В пользу такого заключения говорит и исчезновение из анализируемого документа упоминания о той предусмотренной решением от 6 сентября советской уступке в районе Герца, которая также была призвана облегчить получение румынского согласия с границей по Сулинскому рукаву. Выходит, в основе всего этого поворота на 180 градусов по сравнению с позицией, утвержденной на заседании «пятерки» 6 сентября, была обнаружившаяся, как видно, уже после заседания неосуществимость или, по крайней мере, очень серьезная затруднительность осуществления принятого на нем плана, нацеленного на сулинский вариант.

Что же могло возникнуть такого, в результате чего кремлевский план оказался перечеркнут? Логически возможностей было всего две. Первая: советское руководство получило сведения, что проведение границы по Сулинскому гирлу встретит категорические возражения западных союзников и способно стать препятствием к заключению мирного договора с Румынией. Вторая: в результате обсуждения с премьер-министром Румынии советских предложений, которые были сформулированы «пятеркой» 6 сентября, Сталин пришел к выводу, что реализация сулинского варианта чревата слишком нежелательными осложнениями с румынской стороны. Первая возможность выглядит совсем маловероятной, ибо на сей счет нет никаких сведений не только в тех советских (теперь российских) документах, которые до сих пор стали доступными, но и в гораздо более доступных западных источниках. К тому же как раз в связи с обсуждением лондонской сессией СМИД мирных договоров с Румынией и Болгарией Сталин занял позицию крайней жесткости в отношении США и Англии, вплоть до готовности отказаться от совместной выработки мирных договоров и фактически блокировать работу сессии⁹⁸. В итоге ее работа и закончилась, как известно, срывом. Куда более правдоподобной выглядит вторая из упомянутых возможностей. Вполне вероятно, что в ответ на изложенное ему Сталиным советское намерение провести гра-

нице по Сулинскому рукаву Гроза привел такие серьезные аргументы об опасности воздействия подобного шага на осложнение внутриполитической ситуации в Румынии, которые убедили кремлевского хозяина в необходимости пересмотреть принятное «пятеркой» решение. Но это лишь предположение, а подлинное выяснение происходившего возможно только на основе исследования необходимых источников. И пока их в нашем распоряжении нет, остается гадать, что именно явилось действительной причиной, обусловившей радикальную смену советской позиции и появление составленной от имени Молотова ноты на имя Тэтэреску.

Встает вопрос и о том, отправлена ли была нота министру иностранных дел Румынии. Помимо отмеченного Покивайловой и Кипером обозначения документа как проекта, в верху его первой страницы имеются еще две пометы. Одна — «СМ», сделанная красным карандашом, часто ставилась Молотовым на материалах, им прочитанных. Другая помета — «сооб». Она сделана простым карандашом, но иным, нежели тот, каким выше помечено «Проект»⁹⁹. Стало быть, ее написало не то лицо, кому принадлежит обозначение документа как проекта, и она, вероятно, появилась позже. Скорее всего, она означала «сообщено». Но кому сообщено? Тэтэреску, тем самым перестав быть только проектом? Или — если нота составлялась уже после того, как Молотов 8 сентября отбыл из Москвы в Лондон, — помета означает, что текст сообщен в Москву для санкционирования Сталиным? Ведь за последним, естественно, было решающее слово как по поводу содержания документа, его формулировок, так и относительно того, направлять ли такую ноту румынскому министру. Пока все это вопросы без ответа. Сведениями о дальнейшей судьбе названного документа мы не располагаем. Нет их и в работе Покивайловой и Кипера.

Вместе с тем из довольно фрагментарных данных, приведенных этими исследователями, следует, что в 1946—1947 гг., в ходе выработки мирного договора с Румынией и подготовки к его подписанию, Тэтэреску был осведомлен о позиции СССР относительно пограничной линии по Килийскому гирлу и даже озабочен тем, чтобы добиться возвращения Румынии расположенных там островов, занятых советской стороной¹⁰⁰. Однако в тех же данных нет и намека, что он знал о намерении Москвы сдвинуть к югу пограничную линию в районе Сигета. Это, скорее, должно свидетельствовать о том, что такой ноты за подписью Молотова, как упомянутая выше, он не получал. К подобному выводу подталкивает также со-поставление содержания ноты с приведенным в работе Покивайловой

и Кипера сообщением Боднэраша послу Кавтарадзе 29 января 1947 г., уже отмечавшимся нами. В том тексте ноты, о котором идет речь, напомним, не было ни слова о районе Герца, между тем как Гроза говорил о перспективе возвращения Румынии этого района, ссылаясь на беседу со Сталиным, а о такой ноте и не упоминал. Наконец, нет никаких сведений о каком-либо румынском ответе, который должен был бы последовать, если бы подготовленная нота была осенью 1945 г. послана в адрес Тэтэреску.

Пока достоверно известно только то, что в ходе начавшегося с сентября 1945 г. процесса выработки мирного договора с Румынией, завершившегося его подписанием в феврале 1947 г., проблемы, касавшиеся советско-румынской границы, вообще не фигурировали открыто в отношениях между державами-победительницами и никак не решались между СССР и Румынией. В мирном договоре была вновь употреблена советская формула, воспринятая западными союзниками, — о границе «в соответствии с Советско-Румынским Соглашением от 28 июня 1940 года», дополненная применительно к закарпатскому участку ссылкой на «Советско-Чехословацкое Соглашение от 29 июня 1945 года» (на самом деле это был договор, а не соглашение)¹⁰¹. Об изменении пограничной линии в районе Сигета речи не было. В дельте Дуная границу на приложенной к договору карте обозначили по Килийскому гирлу, но сама карта, представленная советской стороной, была столь мелкой, а пограничная линия нанесена столь жирно, что, глядя на это изображение, довольно трудно понять, какой из сторон принадлежат какие острова¹⁰².

В таком состоянии дело оставалось до 3 февраля 1948 г., когда состоялся прием Сталиным румынской правительственной делегации, прибывшей в Москву для подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Румынией. Во время приема Молотов поставил перед делегацией вопрос о необходимости того, чтобы одновременно с упомянутым договором, чье подписание было намечено на следующий день, был подписан и протокол о границе, который бы, в том числе, уточнил пограничную линию в дельте Дуная, указав на принадлежность Советскому Союзу пять островов, расположенных в Килийском гирле. Вопрос о том, чтобы перенести южнее отрезок границы на закарпатском участке, не поднимался. Гроза, возглавлявший румынскую делегацию, выразил согласие по поводу островов, заявив, что по сравнению с ними дружба с СССР важнее¹⁰³. 4 февраля, вместе с договором, был подписан Протокол об уточнении прохождения линии государственной границы между СССР и Румынской Народной Республикой. В нем фиксировалась

та граница, которая была установлена в 1940 г., за исключением закарпатского участка, где она указывалась по линии бывшей румыно-чехословацкой границы, и участка в дельте Дуная, где она была проведена по Килийскому гирлу таким образом, что советская сторона получила пять островов, а румынская — три. Советской территорией объявлялся также черноморский остров Змеиный (Шерпилор)¹⁰⁴.

Таков оказался финал калькуляций по поводу советско-румынской границы, столь активно рассматривавшихся в Москве в конце лета — осенью 1945 г.

Автор признателен коллегам по Институту славяноведения РАН В. Н. Виноградову и Т. А. Покивайловой за помощь в переводах с румынского языка на русский.

П р и м е ч а н и я

¹ В разработке этой проблематики особо значима документальная публикация, подготовленная в основном Т. М. Исламовым и Т. А. Покивайловой: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг.: Документы российских архивов / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000. Из исследовательских работ, частично или полностью посвященных данной теме, см., например: Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / Ред. колл. В. Н. Виноградов, Т. М. Исламов, Ю. С. Новопашин. М., 1994; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004 (глава 9: «Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы». Автор — А. С. Стыкалин); Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 года // Новая и новейшая история. 2006. № 2.

² Pokivailova T. A., Chiper I. Granițele sunt negociate și ... impuse // Magazin istoric. 2000. №. 12.

³ Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIV: 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., 2000. Док. 328. С. 503.

⁴ Там же. Док. 328. С. 505—506; Док. 334. С. 518—523; Док. 335. С. 527—529; Док. 339. С. 534—537; Док. 340. С. 538—539.

⁵ Там же. Док. 328. С. 503.

⁶ См.: Советско-румынские отношения 1917—1941: Документы и материалы (далее — СРО). Т. II: 1935—1941. Док. 163. С. 310—315; Док. 165. С. 315—317.

Док. 166. С. 318; Док. 169. С. 323—327; Док. 170. С. 327—328; Док. 171. С. 329. Советское руководство, хотевшее в 1940 г. на основе той же аргументации потребовать присоединения к СССР всей Буковины, было вынуждено тогда ограничиться лишь северной частью этой области ввиду возражений со стороны Германии (Там же. Док. 160. С. 303—304; Док. 161. С. 307—308; ДВП. Т. XXIII: 1940 — 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995. Примеч. на с. 376).

Об имеющихся в современной историографии различиях в оценке международно-правового характера и реальных мотивов советской акции, предпринятой в июне 1940 г. в отношении Румынии, в частности см.: *Гибисанский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 487—489.*

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 5; СРО. Т. II. Док. 174. С. 331; Док. 177. С. 334—335. Док. 178. С. 336.

⁸ ДВП. Т. XXIV. Док. 334. С. 523.

⁹ См., например: ДВП. Т. XXIV. Док. 328. С. 505—507; Док. 334. С. 519—523; Док. 335. С. 527—529; Док. 339. С. 536—537; Док. 340. С. 538—539; СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из архива внешней политики Российской Федерации. Т. I: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. / Сост. Г. П. Кынин, Й. Лайфер. М., 1996. Док. 21. С. 149—150; Док. 22. С. 151; Док. 23. С. 152—154, 156, 158; Док. 24. С. 159; Док. 25. С. 161.

¹⁰ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII: 1939—1943 гг. М., 1973. Док. 238. С. 351. Эти территориальные изменения обозначались в советском заявлении формулировкой «факт произшедшего уже воссоединения украинцев и белорусов в недрах своих национальных государств».

¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. Док. № 60. С. 149; Док. № 62. С. 164—165, 167; Док. № 63. С. 168—169.

¹² СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 55. С. 245.

¹³ Там же. Док. 59. С. 268.

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. II: 1 января — 31 декабря 1944 г. М., 1946. С. 105, 174—175.

¹⁷ См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. Т. 2: 1944—1945. М., 1983. Док. 49. С. 70; Док. 53. С. 74; Док. 58. С. 81; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. Т. 2: 1944—1945. М., 1984. Док. 39. С. 75; Док. 43. С. 79; Док. 44. С. 81—82 (см. также: Примеч. 25. С. 524); Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. I: 1944—1948 гг. М.—Новосибирск, 1997. Док. № 10. С. 55; Новиков И. В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938—1947 годах. М., 1989. С. 248—249.

¹⁸ См., например: СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 23. С. 158; Док. 59. С. 268; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 105, 175. На более ранней стадии, в частности на переговорах с Иденом в Москве в декабре 1941 г., ссылки на соглашение или договор с Румынией, в котором бы фиксировалась граница, установленная в 1940 г., отсутствовали.

¹⁹ СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 23. С. 158; Док. 59. С. 268.

²⁰ СРО. Т. II. Док. 163. С. 310—311.

²¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. X: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1937 года и 21 июня 1941 года. М., 1955. Док. № 386. С. 29 (Приложение к ноте Советского правительства Румынскому правительству от 26 июня 1940 г.). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в донесении посланника Давидеску в МИД Румынии указывался иной масштаб упомянутой карты — 1 : 1 800 000 (См.: СРО. Т. II. Док. 178. С. 336). В нашем распоряжении не было данных, которые бы объясняли, чем вызвано это различие сведений о масштабе карты, фигурировавшей в качестве приложения к советскому ультиматуму.

²² СРО. Т. II. Док. 163. С. 314.

²³ Там же.

²⁴ См.: Там же. Док. 166. С. 318; Док. 177. С. 335; Док. 178. С. 336. В доступных советских архивных материалах есть правленый Молотовым документ с более подробным описанием упомянутой линии. Он был озаглавлен «Описание новой советско-румынской границы на территории Буковины», но включал и сведения о границе, относившиеся к району на севере Молдовы (См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 5). Однако остается неизвестным, зачитывал ли Молотов румынскому посланнику данные из этого или какого-то другого документа.

²⁵ См. примеч. 21.

²⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 48; СРО. Т. II. Док. 214. С. 395; Док. 216. С. 396—397; Док. 249. С. 473; Док. 254. С. 488—489. Соответствующие положения Берлинского трактата 1878 г. см.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерешенко,

Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Раздел III. Док. 44. С. 166.

²⁷ СРО. Т. II. Док. 167. С. 318—319; Док. 169. С. 323.

²⁸ Там же. Док. 169—173. С. 323—331.

²⁹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 359 (глава VII: «Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий». Автор — М. Д. Ерешенко).

³⁰ См.: СРО. Т. II. Док. 174. С. 331; Док. 177. С. 334—335; Док. 178. С. 336; Док. 183. С. 339; Док. 194. С. 358; Док. 195. С. 359—360; Док. 205. С. 373; Док. 209. С. 385; Док. 214. С. 395; Док. 216. С. 396—397; Док. 223. С. 409—410; Док. 243. С. 464; Док. 246. С. 467; Док. 247. С. 468—469; Док. 249. С. 472—473; Док. 250. С. 474—475; Док. 254. С. 488—489; Док. 255. С. 489—490; Док. 258. С. 492—493; Док. 260. С. 497; В. Н. Виноградов, М. Д. Ерешенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Раздел VII. Док. 31. С. 373—374.

³¹ Pokivailova T. A., Chiper I. Op. cit. P. 16.

³² Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. Док. 12. С. 63.

³³ Pokivailova T. A., Chiper I. Op. cit. P. 16.

³⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 206.

³⁵ Эти документы см.: АВП РФ. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 1—12.

³⁶ Там же. Л. 1, 3.

³⁷ Содержание обоих вариантов см.: Там же. Л. 3—4.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ СРО. Т. II. Док. 249. С. 473.

⁴⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 219. С. 368—369.

⁴¹ СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 13. С. 137.

⁴² Там же. С. 136 (прим.).

⁴³ В новом, измененном варианте проекта того же конфиденциального протокола, срочно подготовленном советской стороной еще в ходе продолжавшихся переговоров с Иденом, пункт об устье Дуная отсутствовал. См.: СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 14. С. 139—141.

⁴⁴ Минимальный вариант не только приводился после максимального, но даже был заключен в скобки. См.: АВП РФ. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 3.

⁴⁵ Там же. Л. 3, 4.

⁴⁶ Там же. Л. 4.

⁴⁷ Там же. Л. 10, 12.

⁴⁸ Там же. Д. 40. Л. 34, 40.

⁴⁹ Там же. Д. 43. Л. 1, 4, 8—12.

⁵⁰ Весь проект мирного договора: Там же. Л. 13—31; о советско-румынской границе — Л. 14.

⁵¹ Там же. Л. 32.

⁵² См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. III: 1 января — 3 сентября 1945 г. М., 1947. С. 358—359, 736, 745. Почти одновременно с прибытием Кавтарадзе ранг дипломатических представительств, которыми обменялись СССР и Румыния, был повышен до уровня посольств, и Кавтарадзе, соответственно, стал послом.

⁵³ Председатель СКК маршал Р. Я. Малиновский числился на этом посту лишь номинально и находился в то время на Дальнем Востоке, будучи командующим Забайкальским фронтом в войне против Японии. Руководство СКК на самом деле состояло из заместителя председателя СКК генерал-полковника И. З. Сусайкова, начальника штаба СКК генерал-лейтенанта В. П. Виноградова, помощника председателя СКК контр-адмирала В. Л. Богденко и политического советника А. П. Павлова.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 32.

⁵⁵ Там же. Л. 19.

⁵⁶ Там же. Л. 32—33.

⁵⁷ Там же. Л. 19, 32.

⁵⁸ Там же. Л. 35—39.

⁵⁹ Там же. П. 1. Д. 1. Л. 12.

⁶⁰ Там же. Л. 11, 13; Д. 6. Л. 46; П. 7. Д. 40. Л. 66—69.

⁶¹ Там же. П. 1. Д. 1. Л. 1—13.

⁶² Там же. П. 7. Д. 43. Л. 35—36.

⁶³ См. примеч. 59.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 15—20.

⁶⁵ См. примеч. 58.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 40. Л. 34—35, 42—45.

⁶⁷ Там же. Д. 43. Л. 45, 51, 60—61, 66.

⁶⁸ Там же. П. 1. Д. 5. Л. 42 об.—43 (см. также: Д. 7. Л. 88—89).

⁶⁹ Там же. П. 7. Д. 40. Л. 41. Литвинов одновременно отмечал, что, в отличие от требования по поводу базы в Констанце, требование по поводу Варны вызы-

вает у возглавляемой им комиссии сомнение. Ибо, если «требование в отношении Констанцы может мотивироваться разрушением наших черноморских портов военными действиями, в которых участвовали румынские войска, то такая мотивировка в отношении Варны отпадает, ибо Болгария с нами не воевала» (Там же. Л. 40–41).

⁷⁰ В частности, см.: *Pons S. L'impossibile egemonia: l'URSS, il PCI e le origini della guerra fredda (1943–1948)*. Roma, 1999 (особенно Capitolo 3 «L'URSS, l'Italia e il PCI alla fine della seconda guerra mondiale»).

⁷¹ АВП РФ. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 7. Д. 40. Л. 41.

⁷² Рукопись документа — АВП РФ. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 20–25; машинописная перепечатка с различными пометами и небольшой карандашной правкой — Там же. Л. 17–19; машинописная перепечатка с исправленного текста — Там же. Л. 14–16.

⁷³ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. подг. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 4. С. 111. Поскольку в журнале посещений кабинета Сталина при перечислении участников заседания не зафиксированы инициалы Новикова, они отсутствуют и в этой публикации журнала (См.: Там же). Однако в «Алфавитном указателе» к ней ее составители ошибочно пометили, будто участником данного заседания был командующий ВВС Красной Армии А. А. Новиков (См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1998. № 4. С. 133).

⁷⁴ Это удостоверено его подписью под рукописным черновиком и первым, правленым, вариантом перепечатки (См.: АВП РФ. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 19, 25). Любопытно, что, в отличие от обычной тогдашней практики, данные решения «пятерки», как и сам перечень вопросов, рассматривавшихся на заседании, не были включены в оформленные протоколы Политбюро ЦК ВКП (б) и никак там не упомянуты (см.: Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог / Ред. колл. Г. М. Адибеков, К. М. Андерсон (отв. редакторы), Л. А. Роговая. Т. III: 1940–1952. М., 2001. С. 399 и след.).

⁷⁵ *Pokivailova T. A., Chiper I.* Op. cit. P. 17. Авторы называли этот документ неподписаным, из чего следует, что они по какой-то причине видели лишь тот его экземпляр, на котором нет подписи Новикова (в работе отсутствует ссылка на источник, так как в журнале «Magazin istoric», где статья опубликована, такие ссылки не практикуются).

⁷⁶ АВП РФ. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 14 (см. также: Л. 17, 20).

⁷⁷ Там же. П. 7. Д. 43. Л. 72–74. В оглавлении (описи) дела документ обозначен следующим образом: «З. IX. 45 г. Деканозов и Лаврищев — Молотову. Письмо по вопросу о советско-румынской границе».

⁷⁸ См. примеч. 76.

⁷⁹ По данным, недавно приведенным в историографии со ссылкой на российские архивные документы, после того, как 29 июня 1940 г. посланник Румынии впервые поднял перед Молотовым вопрос о неправомерности занятия советскими войсками района Герца, поскольку тот не относится ни к Бессарабии, ни к Северной Буковине, генштаб Красной Армии запросил у штаба войск, осуществлявших операцию по занятию территории, с которой эвакуировались румынские воинские части и учреждения, оценку значения упомянутого района с военной и экономической точек зрения. В полученном генштабом ответе говорилось, что в экономическом отношении район особого значения не имеет, но в военном отношении важен, а потому его необходимо «иметь в наших руках». Этот ответ был 1 июля сообщен генштабом в НКИД. См.: Мельюхов М. Освободительный поход Сталина: Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М., 2006. С. 393.

⁸⁰ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 41. Правка, чей автор не обозначен, касалась и некоторых других пунктов документа. Она сделана простым карандашом и датирована 11 сентября 1945 г. Во многом сходная по характеру правка тем же почерком и таким же карандашом была сделана и по тексту представленного Лаврищевым проекта советских предложений о мирном договоре с Болгарией (Там же. Д. 40. Л. 68). Похоже, что она могла принадлежать Молотову.

⁸¹ Отредактированный русский текст документа см.: Трансильванский вопрос... Док. 82. С. 317–318; перевод на английский язык, разданный на сессии: АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 44.

⁸² Соответствующие фрагменты перевода на русский язык британского документа — Трансильванский вопрос... С. 329. Примеч. 2 (пункт 4), а американского документа — Там же. С. 328. Примеч. 1 (раздел I, пункт 1); те же фрагменты в оригинальном английском тексте британского документа — АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 51, а американского — Там же. Л. 66.

⁸³ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 48.

⁸⁴ Трансильванский вопрос... С. 329. Примеч. 2 (перевод на русский язык); АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 51 (оригинал на английском языке).

⁸⁵ См. примеч. 83.

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 54.

⁸⁷ Там же. П. 1. Д. 1. Л. 16 (см. также: Л. 19, 25).

⁸⁸ Было публично сообщено, что Гроза вместе с членами возглавлявшейся им делегации присутствовал на приеме 4 сентября и обеде 7 сентября у Сталина и на завтраке 6 сентября у Молотова; сообщалось также о том, что его принял 5 сентября председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин (См.:

Правда, 5, 6, 7, 8 IX 1945). Из архивных материалов, опубликованных в последние годы, стало известно, что Гроза посетил Сталина в Кремле 6 сентября (См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 4. С. 111) и был у Вышинского 5 сентября (См.: Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944—1946 гг.): Документы российских архивов. М., 1998. Док. 72. С. 163—164).

⁸⁹ Pokivailova T. A., Chiper I. Op. cit. P. 17.

⁹⁰ Ibid. P. 18.

⁹¹ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 4. С. 111.

⁹² Там же. Кроме Сталина и Молотова, в журнале посещений в качестве присутствовавшего обозначен также Павлов, без указания его инициалов и должности (См.: Там же). Он, видимо, выполнял обязанности переводчика, ибо никто другой, кто мог бы играть эту роль, в записи журнала не упомянут. В «Алфавитном указателе» к публикации журнала посещений ее составители идентифицировали это лицо как В. Н. Павлова, помощника Молотова (См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1998. № 4. С. 137). Причины такой идентификации составителями не указаны. Видимо, они исходили из того, что В. Н. Павлов не раз выступал как переводчик при переговорах Сталина и Молотова с иностранными (англо- и германоязычными) представителями. Однако, во-первых, когда двумя днями раньше, 4 сентября 1945 г., в журнале посещений фиксировался прием Сталиным всей румынской делегации, там тоже был отмечен в качестве присутствовавшего Павлов (и тоже без инициалов и должности), но это вряд ли мог быть В. Н. Павлов в качестве переводчика, ибо, согласно журналу, на приеме специально выполнял обязанности переводчика совсем иной человек (Шкода, владевший румынским языком). А во-вторых, в записи о приеме 4 сентября фамилия Павлова указана между двумя другими фамилиями — заместителя председателя СКК в Румынии Сусайкова и посла СССР в Бухаресте Кавтарадзе (Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 4. С. 110—111). А это значит, что речь шла об их коллеге по работе в Бухаресте А. П. Павлове, политическом советнике СКК, который был членом коллегии НКИД и перед тем длительное время возглавлял Правовой отдел НКИД. Скорее всего, именно он присутствовал и во время беседы Сталина и Молотова с румынским премьером 6 сентября. А. П. Павлов и П. Гроза, судя по некоторым записям их разговоров в Бухаресте, были способны общаться без переводчика (см., например, запись их беседы 9 апреля 1945 г., в которой отсутствует упоминание о переводе и вообще о присутствии какого-либо третьего лица: Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. Док. 56. С. 124—128), из чего должно следовать, что оба владели каким-то одним и тем же языком. Если это так, то, значит, А. П. Павлов мог 6 сентября 1945 г. выполнять роль переводчика.

⁹³ Коммюнике по итогам визита см.: Внешняя политика Советского Союза. 1945 год: Документы и материалы. 4 сентября — 31 декабря 1945 года. М., 1949. С. 32—34; решения Политбюро ЦК ВКП (б) см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1053. Л. 58, 61.

⁹⁴ România: Viața politică în documente, 1945 / Coordonator I. Scurtu. București, 1994. Doc. 81. P. 346—352. На то, что данная тема не фигурировала на этом заседании румынского правительства, уже обращалось внимание исследователей. См.: Pokivailova T. A., Chiper I. Op. cit. P. 17.

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 75—76.

⁹⁶ Pokivailova T. A., Chiper I. Op. cit. P. 17—18.

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 42 об.; Д. 7. Л. 88.

⁹⁸ См.: Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре—декабре 1945 г.) // Источник. 1999. № 2. С. 71—72; АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 26.

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 43. Л. 75.

¹⁰⁰ Pokivailova T. A., Chiper I. Op. cit. P. 18.

¹⁰¹ Внешняя политика Советского Союза. 1947 год: Документы и материалы. Ч. I: Январь—июнь 1947 года. М., 1952. С. 209.

¹⁰² См.: Карта Румынии (Приложение № 1) // Мирный договор с Румынией. М., 1947.

¹⁰³ «В Румынии теплее, чем это нужно для страны»: Прием Сталиным румынской правительственной делегации / Вводн. статья и примеч. И. Орлика // Источник. 2002. № 2. С. 97.

¹⁰⁴ Сборник действующих договоров... Вып. XIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1947 года и 31 декабря 1948 года. М., 1956. Док. 519. С. 266, 268.

Pătrunderea Armatei Roșii pe teritoriul României. Propagandă, mituri, realități

Constante ale orientării societății românești interbelice, antirusismul și antisovietismul au atins apogeul la începutul deceniului cinci, iar iunie 1941 a rămas în memoria colectivă ca unic episod al răzbunării nu numai al unei umilințe naționale, dar și ca unic moment al ridicării împotriva unei vecinătăți distructive. Expresie a mediilor intelectuale orientate mai ales către dreapta și extrema dreaptă, rusofobia s-a manifestat în egală măsură și cu aceeași intensitate în întreaga societate românească. Cauzele își au rădăcinile atât într-o tradiție istorică a imaginii negative a celuilalt, cât mai ales în contextul creat după primul război mondial. Revoluția din Rusia, instaurarea regimului bolșevic, tulburările din Basarabia, cât mai ales refuzul Uniunii Sovietice de a recunoaște apartenența acesteia la statul român, precum și dificultățile diplomației române de a reglementa relațiile cu statul sovietic au contribuit în mod semnificativ la acumularea sentimentelor antirusești și, implicit, antisovietice.

Sursele antirusismului

Guvernele interbelice au întreținut și au cultivat imaginea unei Rusii agresive, cu atât mai periculoasă cu cât ea amenința acum statul național-unitar. În imaginariul colectiv al sfârșitului de ani '30, Rusia reprezenta dușmanul etern, ocupantul dintotdeauna, iar regimul sovietic o amenințare pentru ființa românească. Psihoza antirusească s-a instaurat încă de la începutul anilor '20, când guvernul de la București a fost pus în dificultate de intensitatea demonstrațiilor muncitorești de la Iași. Revoluția din Rusia a creat în România o adevarată isterie a anticomunismului. Pe de altă parte, afluxul masiv al populației de origine evreiască, precum și reglementarea statutului acesteia în cadrele noului stat român, au dus atât la sporirea sentimentelor antisemite, cât și la asimilarea acestei minorități în conștiința publică ca principală promotoare a ideilor comuniste. Impactul pozitiv atât al unirii din 1918, cât și al reformelor care i-au urmat au redus în mod considerabil şansele ca ideile comuniste să găsească ecou în sânul societății românești. Si deși și în cazul românesc războiul a creat noi stări de spirit și a modificat fundamental structura lumii vechi, societatea de după primul război mondial nu era pregătită să accepte un program atât de radical precum cel formulat de stânga în varianta sa comunistă. Dificultățile

create de modernizare au alimentat discursul generației anilor '30, iar anticomunismul s-a situat în centrul contestației. Asocierea dintre evrei și comunism a devenit prin urmare o constantă a discursului elitelor politice și culturale ale vremii. Sursele unei astfel de percepții se regăsesc atât în cultura politică tradițională, dar și în mijloacele de informare care au cultivat și au întreținut isteria iudeo-bolșevismului. Corespondentul în realitate a fost dat de componența etnică a partidului comunist, iar propaganda oficială nu făcute altceva decât să se raporteze la o realitate existentă. Aceasta a fost unul dintre principalele motivele pentru care stânga în varianta sa comunistă nu a putut să evolueze niciodată în România. Scoaterea P.C.d.R. în afara legii (1924) a reprezentat măsura prin care statul român a rezolvat, aparent, problema prezenței extemei stângi în peisajul politic românesc. Cei care au aderat la ideea comunistă au fost puțini și au sfărșit prin a se dezice nu de ideal, ci de modul în care acesta era aplicat. Panait Istrati atras inițial de realizările regimului sovietic și de ideea unei patrii a socialismului și-a exprimat apoi public în a sa *Spovedanie către cei învinși* «drama intimă» pe care a suferit-o în momentul în care a ajuns să cunoască îndeaproape realitățile sovietice¹. Simpatiile pentru Uniunea Sovietică s-au situat, aşadar, în cercurile restrânse ale unci stângi care încerca să supraviețuiască.

Evenimentele din vara anului 1940 au sporit și au amplificat neîncrederea societății românești față de scopurile politicii sovietice. Attitudinea anticomunistă a autorităților a fost adeseori dublată de un discurs antisovietic și antirusesc, fapt evident mai ales în perioada războiului. Sentimentele antirusești și-au găsit un teren vast de exprimare sub mantia anticomunismului și antisemitismului. Attitudinea populației evreiești, după pierderea Basarabiei și a Bucovinei atât în orașele din provincie, cât și în Capitală a nemulțumit populația majoritară. «Simpatia față de Soviete», «propaganda discretă», «răspândirea zvonurilor» au plasat minoritatea evreiască în postura de inamic al statului român. Psihoză sporită și de primele valuri de refugiați, care au situat în centrul represiunii comuniste pe membrii comunității evreiești basarabene. Zvonurile din vara anului 1940 prezintau ca iminentă o revoluție comunistă în regiunea Balcanică: «În acest sens, evreii, cunoscuți ca având legături cu mișcarea comunistă, discută că tendința reală a Uniunii Sovietice este de a extinde revoluția în primul rând în Balcani, unde cadrele sunt pregătite dinainte și unde așteaptă numai prilejul»². La sfârșitul anului 1940, una dintre sintezele SSI caracteriza minoritatea evreiască ca fiind profund atașată ideilor comuniste și implicată în sprijinirea organizațiilor de extremă stângă. Potrivit sintezei, evreii constituiau «elementul cel mai sigur pe care se sprijină activitatea comunistă, și rămân dușmani în permanență ai ordinii și, în general, ai intereselor române»³.

La începutul deceniului cinci, anticomunismul și antisemitismul reprezentau în realitate fațetele aceluiși fenomen. Rusofobia transformată în stereotip a devenit una dintre trăsăturile definitoare ale societății românești, iar războiul nu a făcut altceva decât să amplifice imaginea negativă a rușilor. Înaintarea rapidă a trupelor aliate și revenirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord la România au hrănit speranțele pentru o campanie de scurtă durată. Mihail Sebastian nota în jurnalul său, în iulie 1941, că toți cunoscuții săi erau convinși că războiul se va termina foarte repede: «Lovinescu i-a spus zilele trecute lui Eugen Ionescu că nimeni nu mai poate fi azi anglofil. Rușii trebuie învinși, iar germanii trebuie să rămână învingători. Altfel vom fi conduși de „evrei și pantofari”. [...] Georgică Fotescu mă strigă pe stradă pentru ca să-mi spună (textual) că „până la 1 septembrie nemții termină cu plăcinta astă mare, care e Rusia, și pe urmă propun pacea, pe care englezii nu o mai pot refuza”»⁴. Un raport al Direcției presei din august 1941 consemna că «războiul sfânt al României a edificat opinia publică asupra pericolului comunismului agresiv», iar populația, în special cea rurală, era convinsă că «dușmanii sunt fără Dumnezeu și că acum le-a venit vremea să fie pedepsiți pentru necredința lor»⁵.

Discursul antirusesc s-a construit pornindu-se de la două coordonate: ideologică – lupta pentru distrugerea sistemului bolșevic –, iar o a doua rasistă. Dacă prima dintre ele va rămâne constantă pentru toată perioada războiului, cea de-a doua se va atenua, aproape că va dispărea după Stalingrad, practic din momentul în care strategii propagandei au înțeles că trupele desfășurate pe frontul sovietic aveau nevoie de o foarte bună colaborare cu populația locală. Gestionarea defectuoasă a relațiilor cu minoritățile din Rusia Sovietică a fost una dintre greșelile strategice care a contribuit fără îndoială la eșecul campaniei germane. Zugrăvirii realităților sovietice i-a fost consacrată în epocă o întreagă literatură: broșuri, articole, ziar, expoziții fotografice (în special cu satele din Basarabia distruse sub ocupația sovietică⁶), care au insistat asupra regimului armatei, dispariției elitei militare, consecințelor colectivizării, deportărilor, asasinatelor, arestărilor etc. Spaima față de Rusia a fost întreținută și alimentată de avalanșa de informații care și-au făcut loc atât în presa scrisă, cât și la radio sau în jurnalele cinematografice. Constantin Argetoianu, aflat la moșia sa de la Breasta, nota în memoriile sale că «infernul bolșevic este zugrăvit în culori îngrozitoare». Psihoza antirusescă a alimentat cea mai mare parte a programelor de propagandă. La sfârșitul anului 1942, mareșalul Ion Antonescu ordona ca «motivele care ne impun să luptăm pe Volga în contra bolșevicilor să cadă zilnic ca picătura în sufletele românilor pentru a înginge îndoiala»⁷.

Războiul a avut încă de la început dimensiunea unei cruciade împotriva bolșevismului, fiind de altfel tema centrală a propagandei între 1941–1944. Apără-

rea ordinii europene, cruciada antibolșevică, cruciada pentru apărarea civilizației Occidentale, toate aceste formule erau folosite în toate buletinele informative, conferințe publice, articole de ziare, filme documentare etc. La aniversarea a trei ani de la declanșarea campaniei împotriva Rusiei Sovietice, Ministerul Propagandei recomanda presei să explice rațiunile prezentei României pe frontul de est și să sublinieze caracterul de apărare al războiului: «România reprezintă la Gurile Dunării și în Carpați statul care apără civilizația europeană [...]. Nu suntem mare putere cu răspunderi mondale, de aceea am și plătit toate crizele europene cu teritori și cu sânge»⁸.

La începutul campaniei din răsărit, propaganda a insistat asupra caracterului inferior al popoarelor Uniunii Sovietice. Fotografiile prizonierilor sovietici înfățișau cruzimea, sălbăticia și înapoierea popoarelor slave. Condițiile din Uniunea Sovietică erau deplorabile și se situau sub standardele lumii civilizate. Ministerul Propagandei a dispus, în septembrie 1941, tipărirea unor serii de broșuri populare, unde erau descrise realitățile regimului comunist, situația populației din Rusia Sovietică, insistându-se asupra caracterului distructiv și monstruos al comunismului. Unul dintre numeroasele planuri de propagandă indică temele care urmău să fie prezentate în presa scrisă. În absența unor informații reale, redactorilor li se recomanda să apeleze la imaginea. Prin urmare, o realitate oricum distorsionată era înlocuită la nevoie de ficțiune. Secția Propagandă a Marelui Stat Major indică scrierea de articole despre: «[...] un muncitor ucrainean ajuns să muncească liber sub noi, descrie cum ajunseseră să robotească ca sclavii sub sovietici; un coșmar de 27 de ani...un unchiaș credincios povestește persecuțiile împotriva creștinilor. Iar pentru ilustrarea cu material fotografic: "Un singur european într-un pluton capturat (fotografii cu brute asiatiche) și europeanul, un rus stingher; chipul luptătorului...fotografie expresivă de ostaș român, prim-plan [...]"»⁹.

Dar către finalul anului 1942, Campania din Răsărit și-a pierdut tot mai mult suportul populației. Conștiința eroică se erodase, iar Mareșalul Antonescu își explică acest fenomen ca urmare a lipsei unei educații patriotice solide. Într-o dintre scrisorile anonime trimise mareșalului în noiembrie 1942, războiul era considerat un act absurd, deoarece își pierduse orice «semnificație națională», iar autorul scrisorii lansa una dintre întrebările devenite ulterior obsesive pentru întreaga societate românească: «Ce vom face în cazul în care va învinge Anglia, Rusia și America, aşa cum cu absolută certitudine credem noi?»¹⁰ SSI-ul raporta că un «dor tainic și-a făcut loc în inimile românilor: să vină americani să ne ocupe»¹¹. Starea de îngrijorare din rândul populației s-a accentuat odată cu declanșarea bombardamentelor aliante, cu prăbușirea frontului de est și cu afluența masivă de refugiați din estul țării. «Zvonurile alarmiste lansate de

necugetați» zugrăveau o realitate care nu mai putea fi ascunsă. Populația înțelegea că România pierduse războiul, iar perspectiva unei prezente sovietice pe teritoriul românesc – subliniată în emisiunile BBC – îngrozea mai mult decât orice represiune germană¹². Propaganda britanică a insistat în nenumărate rânduri asupra consecințelor politice și militare ale participării și prelungirii războiului împotriva Uniunii Sovietice. Statutul României în viitoarea ordine internațională era nesigur: «Știrile rusești despre propriile succese vor determina creșterea friciei românilor la maximum. [...] România va intra în panică. Trebuie repetat sloganul: “După Nipru urmează Bugul, după Bug, urmează Nistrul, după Nistru urmează Carpații”. [...]. Dacă România intenționează să opună rezistență înaintării rusești – atunci vor fi masacre și devastări peste tot în țară, soldate cu multe pierderi de vieți și un dezastru politic pentru România».

Sursele externe, rapoartele legațiilor și ambasadelor românești din străinătăte avertizau forurile oficiale asupra importanței Uniunii Sovietice în viitoarea ecuație a păcii și a războiului, fiind sugerată guvernului român abordarea unei atitudini flexibile față de vecinul de la răsărit. Amintim în acest context o notă trimisă de Vespasian Pella, reprezentantul României la Berna, prin care informa Bucureștii că într-una din discuțiile «pline de subînțelesuri» purtate în cercurile oficiale ale Societății Națiunilor s-ar fi afirmat că: «Este surprinzător că în unele state vecine Rusiei se subestimează încă forța morală și materială a sovietelor. În locul unor inutile speranțe și acțiuni în sferele engleze și americane, adică a unor puteri ce nu sunt chemate să decidă asupra frontierelor europene ale unei URSS învingătoare, ar fi de dorit ca factorii politici din statele învecinate Rusiei să caute să câștige în primul rând bunăvoiință și apoi încrederea aceleia pe care realitățile geografice și ale forței o arată ca singura indicată să asigure propășirea și chiar a existența acestor state»¹³.

«Dușmanul din umbră»: partidul comunist

Intrarea Armatei Roșii pe teritoriul României a dus la creșterea importanței partidului comunist, o importanță disproportională însă în raport cu numărul redus de membri. Reorganizarea conducerii partidului (înlăturarea lui Ștefan Foriș și instituirea unui triumvirat format din Emil Bodnăraș, Constantin Pârvulescu și Iosif Rangheț la 5 aprilie 1944) confirmă rolul pe partidul începea să îl aibă în planurile Moscovei. La începutul anului 1944, se raporta Cabinetului Militar că mișcarea comunistă evoluă direct proporțional cu rezultatul luptelor de pe frontul de Est. Nu avem deocamdată informații care să ateste o posibilă legătură între Moscova și gruparea comunistă din România. Echipele parașutate, cu începere din 1943, când linia frontului s-a modificat în favoarea sovieti-

cilor, aveau numai misiuni de sabotaj și de distrugere a punctelor de comunicații – șosele, poduri, căi ferate – nici una dintre ele nefiind investite cu sarcini politice. Singura tentativă a fost înregistrată la începutul anului 1943, când o echipă special pregătită pentru România în școlile cominterniste a eşuat înainte de a ajunge pe teritoriul românesc¹⁴.

Propaganda sovietică a avut ca punct de referință declarația lui Molotov din 2 aprilie 1944, prin care statul român era asigurat că Uniunea Sovietică nu intenționa să anexeze teritoriul sau să schimbe regimul politic din România. Este foarte greu de stabilit care au fost ecouriile acestei declarații în rândul populației românești. Cei trei ani de război, dar mai ales consecințele propagandei oficiale, care a insistat obsesiv asupra pericolului bolșevic, au creat atât la nivelul opiniei publice, cât și al elitelor politice și intelectuale o adevărată psihoză a amenințării rusești. Din perspectiva O.S.S., gestul sovieticilor putea fi interpretat ca reacție la ostilitatea cercurilor politice tradiționale: «Este absolut evident că nucleul claselor de sus și de mijloc din România, care au constituit guvernul român, este profund ostil Rusiei și se teme de ea [...]. Cu o astfel de atitudine predominantă, nu este surprinzător că rușii vor sprijini pe comuniști, ca pe singurul grup în care pot avea încredere». Intrarea Armatei Roșii a fost asociată la nivelul conștiinței publice cu schimbarea ordinii sociale. O bună parte a Moldovei a intrat sub ocupație sovietică. Lilly Marcou consefna în *Jurnalul unui om de stânga* că speranțele celei mai mari părți a populației evreiești erau legate de sosirea Armatei Roșii: «În brațele pline de căldură ale unui căpitan rus a avut loc prima mea întâlnire cu Armata Roșie, cu Stalin și comunismul [...]. Realitate și mit, trăite în același timp; nu le mai puteam distinge, nici despărții»¹⁵.

Conform informațiilor primite de Cabinetul Militar, regiunilor controlate de trupele sovietice li se aplica un tratament diferențiat: spre deosebire de Basarabia, considerată parte a Uniunii Sovietice, Moldova era tratată ca teritoriu ocupat. Păstrarea aparatului administrativ, precum și menținerea libertăților religioase erau interpretate ca parte a unei strategii de câștigare a încrederii populației, fiind dictată evident de «oportunități politice». Încercarea de a câștiga încrederea populației poate fi văzută din perspectiva a cel puțin două considerente: a intereselor de perspectivă – instaurarea unui regim comunist –, dar și imediate, din dorința de evita pierderile în rândul trupelor intrate într-un teritoriu ostil.

Manifestele sovietice, în limbile germană și română, aruncate în mai 1944, îndemnau la răsturnarea guvernului și încetarea războiului: «Români, țara noastră mai poate fi salvată. Încetați de a mai face politica struțului. Priviți realita-

tea în față. Scutuți-vă de hegemonia germană. Treceți la rezistență activă»¹⁶. Erau difuzate apeluri sau ale primarilor din localitățile intrate sub ocupație sovietică, care subliniau comportamentul exemplar al trupelor sovietice: «Din teritoriile românești ocupate de Armata Roșie vă aducem la cunoștință următoarele, rugându-vă cu sfîrșenie a avea toată încrederea că nu vă comunicăm decât adevărul adevărului și ceea ce noi, care am rămas la gospodăriile noastre, le vedem cu ochii. Armata Roșie nu se amestecă în treburile noastre interne. Toate instituțiile și organele administrative funcționează normal [...]. Rușii își caută treburile lor. Scopul lor este să-i izgonească pe nemți din România. Față de noi nu au nici o pretenție. Atunci, dragii noștri pentru ce mai luptați alături de germani?»¹⁷

Unul dintre cele mai elaborate materiale de propagandă sovietică a fost o broșură intitulată *Armata Roșie vine!* În realizarea ei, se pare că s-a implicat și unul dintre cei mai importanți scriitori ai vremii, Mihail Sebastian. Din consultarea *Jurnalului* reiese situația extrem de dificilă pe care scriitorul a avut-o în anii războiului, trăind în permanență, din cauza originii sale evreiești, cu amenințarea deportării sau a închisorii. Sebastian nu-și precizează însă opțiunile politice, dar din perspectiva tratamentului la care a fost supus în tot acest timp venirea Armatei Roșii ar fi putut să însemne eliberarea și revenirea la o normalitate pe care nu o mai credea posibilă. În cuprinsul ei se pot identifica două planuri: pe de o parte, evidențierea politiciei greșite a guvernului Ion Antonescu de a colabora cu Germania și de a participa la războiul de agresiune împotriva Uniunii Sovietice, iar pe de altă parte avansarea partidului comunist ca potențială forță pe scena politică românească. Și în acest caz, intrarea Armatei Roșii pe teritoriul românesc nu trebuia asociată cu un dezastru. Zonele ocupate își păstrau administrația, fără ca oficialii sovietici să intervină: «Opinia publică românească, căreia 20 de ani i s-a vorbit despre "ororile bolșevice", despre "perfidia asiatică a bolșevicilor", stă cu ochiul și urechea atințite către Nordul Moldovei. Ar vrea să audă, să vadă, să știe ce se întâmplă "dincolo"»¹⁸. În ceea ce privește ordinea politică, aceasta urma să fie menținută fără ca sovieticii să intervină: «Destinul nostru politic ne privește pe noi români și numai pe noi»¹⁹. În privința partidului comunist, guvernul era responsabil pentru demonizarea ideii comuniste, iar populația avea ocazia, odată cu intrarea trupelor Armatei Roșii și organizarea teritoriilor ocupate, să se convingă de falsitatea tezelor propagandei oficiale: «Comunismul este o mare operă omenească de creație și construcție, nu de distrugere. Partidul comunist român vrea să îndepărte toate forțele vii ale neamului, toate resursele economice ale țării spre viață și libertate [...] Partidul comunist român nu întelege să oprește credința și de aici

să distrugă bisericile. Libertatea religioasă va fi asigurată». Pe de altă parte, comandamentul sovietic a încercat ca prin ordine stricte și sancțiuni aspre să-și tempereze trupele. Abuzurile – confiscări de bunuri, asasinate, rechiziții forțate – dădeau câstig de cauză propagandei oficiale.

Către sfârșitul anului 1944, Jandarmeria a realizat un tablou al violențelor trupelor sovietice, fiind indicate patru tipuri: 1. jafuri și devastări în masă (regiunile din Estul țării, Dorohoi, Botoșani, Fălticeni, Iași); 2. jafuri și devastări intense (cele din centrul și sud-estul țării, Râmnicu Sărat, Buzău, Tulcea, Constanța); 3. jafuri și devastări mai puțin intense (cele din sud, București, Ploiești, Târgoviște, Câmpulung, Giurgiu, Măgurele, Pitești); 4. jafuri și devastări sporadice (sud-vestul țării, Slatina, Craiova, Târgu Jiu, Deva, Sibiu, Turnu Severin)²⁰. Pe de altă parte, directivele B.B.C. pentru Serviciul România subliniau că administrația românească se instala acolo unde condițiile militare o permiteau și nu trebuiau discutat dacă România se afla sau nu sub ocupație sovietică. Termenul nu trebuia folosit în nici o referire la teritoriul românesc: «Folosiți termenul de “eliberare” numai când vorbiți despre intrarea trupelor rusești în orașele românești din Nordul Transilvaniei»²¹.

Potrivit O.S.S., accentuarea imaginii negative s-a datorat «naturii impetuoașe» a soldaților ruși, iar rusofobia românilor se afla la originea violențelor trupelor sovietice. Unul dintre ofițerii ruși declara că «diferența dintre primirea trupelor ruse, care au venit să-i ajute și să-i elibereze pe români, și cea a pilotilor americanî, care au ucis 10000 de oameni prin bombardamentele lor și au distrus atât de multe case, ne-a spus suficient». Ostilității i s-a răspuns prin ostilitate, desconsiderare și violență. De cealaltă parte, imaginea României se situa pe aceleași coordonate negative. Același ofițer sovietic considera că români sunt «o bandă obișnuită de escroci, sabotori și săntăjași [...] , un popor căruia nu-i place să muncească și unde fiecare mediocritate se crede om politic. Trebuie, aşadar, să-i ținem riguros sub control, până când suntem convinși că avem în România un guvern, în care putem avea încredere și că el vrea să activeze și să-și direcționeze în întregime politica conform liniilor noastre». În plan propagandistic, Uniunea Sovietică a încercat din rațiuni strategice să-și îmbunătățească imaginea în România. Canalele folosite au fost: propria propagandă, partidul comunist și, nu în ultimul rând, aşa cum am văzut, propaganda britanică care a avertizat în permanentă asupra consecințelor intrării Armatei Roșii pe teritoriul românesc.

Așa cum afirmam la început, rusofobia a atins apogeul în deceniul cinci. Pot fi identificate două perioade distincte: războiul și anii imediat următori lui august 1944, în fapt până la abdicarea regelui Mihai, decembrie 1947, când so-

cietatea românească s-a confruntat cu două fenomene strâns legate între ele: prezența militară sovietică, ceea ce a accentuat și mai mult imaginea negativă, din prisma violențelor și a abuzurilor, și încercarea de a se impune un regim comunist. Nu insistăm asupra contextului de după 23 august, evenimentele fiind în general cunoscute. «Frăția» româno-sovietică, devenită ulterior «prietenia» româno-sovietică au fost formule care nu au rezistat probei timpului. Evoluția conducerii comuniste autohtone de începutul și mijlocul anilor '60 au demonstrat fragilitatea unor atitudini pro-sovietice circumstanțiale. Chiar dacă elitele politice tradiționale nu mai existau, totuși noua gardă și-a menținut reflexele tradiționale antirusești. și deși unul din crezurile generației de la 1930 a fost lupta împotriva comunismului, ironia istoriei face ca această generație să fi fost distrusă de un adversar, care în istoria politică a României interbelice aproape că nu și-a făcut simțită prezența.

П р и м е ч а н и я

¹ Panait Istrati. *Spovedanie pentru cei învinși. După șaisprezece luni în U.R.S.S.* Cluj-Napoca. 1990. P. 137.

² *Situația evreilor din România. 1939–1941. P. I. Vol. I (1939–1941).* București, 2003. P. 174. Pentru activitatea comunistă din Basarabia între 1938 și 1940 a se vedea Vitalie Vărătec. *Preliminarii ale răptului Basarabiei și Nordului Bucovinei. 1938–1940. Volum de documente din fostele arhive secrete române.* București, 2000.

³ ANIC. F. P.C.M. – Cabinetul Militar. Dosar nr. 47/1940, f. 6. Sinteză contrainformativă privind starea armatei și a populației civile.

⁴ Mihail Sebastian. *Jurnal, 1935–1944.* București, Humanitas. P. 360.

⁵ ANIC. F. M.P.N. – Presa Internă. Dosar nr. 385/1941, f. 90.

⁶ Amintim două titluri: *Cătușe Roșii și Basarabia și Bucovina sub stăpânire străină.*

⁷ ANIC. F. P.C.M. – Cabinetul Militar. Dosar 124/ 1943, f. 21, 26.

⁸ Ibid. M.P.N. – Propaganda. Dosar 80/1944, f. 10.

⁹ AMR. F. Microfilme. R. P II 12744, cadrul 580.

¹⁰ ANIC. F. Cabinetul Militar. Dosar nr. 363/1942, f. 46. Scrisoare anonimă adresată lui Ion Antonescu.

¹¹ Ibid. F. P.C.M. – S.S.I. Dosar 3/1944. Vol. I, f. 129.

¹² Ibid. F. Cabinetul Militar. Dosar 69/1944, f. 291. Raport contrainformativ din 14 aprilie 1944.

¹³ Telegramă descifrată Bema, 2 noiembrie 1943. AMAE. F. E9. Vol. 318/1943, f. 351.

¹⁴ Tatiana Pokivailova și Ioan Chiper. *Despre relațiile dintre Komintern și comuniștii din România (vara 1941–toamna 1943). Pe marginea unei misiuni eşuate* // Studii și Materiale de Istorie Contemporană. 2003. Vol. II. P. 59–78.

¹⁵ Lilly Marcou. *Sub Stalin și Dej. Jurnalul unui om de stânga*. București, 1998. P. 48, 50.

¹⁶ Buletin informativ din 10 iunie 1944. ANIC. F. IGJ. Dosar nr. 127/1944, f. 84.

¹⁷ Ibid., f. 91.

¹⁸ *Armata Roșie vine*. Editura Comitetului Central al P.C.R. P. 2.

¹⁹ Ibid. P. 11.

²⁰ ANIC. F. I.G.J. Dosar nr. 135/1944, f. 86.

²¹ Ibid. F. Microfilme. Anglia. Rola 403, cadrul 348.

Резюме

Вступление Красной Армии на территорию Румынии

Пропаганда, мифы, действительность

Антируssкие и антисоветские настроения — константы межвоенного румынского общества — достигли своего апогея в начале 1950-х годов, а июнь 1941 г. остался в коллективной памяти как единственный эпизод мести не только за национальное унижение, но и как момент роста протеста в обществе против разрушительного соседства. Антируssская позиция исходила из двух координат: идеологической — отрицание и разрушение большевистской системы, и расистской. Если первая из них оставалась постоянной на протяжении всего военного периода, вторая слабела, а потом и совсем исчезла после Сталинграда.

Можно выделить два разных периода: война и первые годы после 23 августа 1944 г., фактически до отречения от престола короля Михая в декабре 1947 г., когда румынское общество столкнулось с двумя тесно связанными между собой явлениями: советское военное присутствие, усиливавшее отрицательный образ СССР ввиду фактов насилия и произвола, и попытка навязать коммунистический режим.

СССР и союзники на завершающем этапе войны (политика и военная стратегия)

Каждый юбилей окончания Второй мировой войны приносит не только новые источники и новые исследования о войне, но и рождает новые мифы и фальсификации в угоду политической конъюнктуре. Одним из важных направлений в научном познании событий Второй мировой войны является изучение коалиционного характера вооруженной борьбы, изучение целей и роли ее участников в общем ее ходе. Именно здесь много умолчаний и явных фальсификаций, так как на этом основании определялась роль государств в послевоенном мире.

Известно, что политики скрывают свои цели, и чтобы познать истинные, необходимо сопоставить политические акции, дипломатические документы, данные разведки с анализом стратегического планирования, так как военная стратегия, будучи инструментом политики, неизбежно обнажает ее намерения. Вместе с тем успехи и неудачи стратегии определяют изменение политических целей. Взаимосвязь политики и военной стратегии во Второй мировой войне стала предметом изучения, некоторыми результатами которого я хочу поделиться в своем докладе. В полном виде с ними можно ознакомиться в моей книге «Разгром фашизма. СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне (политика и военная стратегия)» (М., 2005).

Мировая война, как ее определяет военно-историческая наука, — это столкновение военных коалиций в различных регионах мира. В XX в. были две мировые войны. Вторая, в отличие от Первой, началась не одновременным вступлением в борьбу противостоящих коалиций, а развертывалась *постепенно*, — происходило последовательное расширение агрессии фашистских государств — Японии, Италии, Германии — с целью завоевания мирового господства. Мир «вползал» в мировую войну, втягиваясь в нее.

Напомню о сущности фашизма, о которой в последние годы умалчивают или искажают ее. Фашизм — это наиболее реакционная террористическая диктатура *буржуазии*, основанная на идеологии расового господства и антисоветизма, несущая геноцид и порабощение другим народам. Блок фашистских государств оформился в ходе агрессивных ак-

ций уже в 1936 г. под названием «Антикоминтерновский пакт», и Вторая мировая война, по определению, тогда же и началась. Западные державы — Англия, Франция, а за ними стояли США — несут историческую ответственность за то, что своей политикой «умиротворения агрессоров» и «канализации агрессии на Восток», т. е. против СССР, дали фашистскому блоку возможность нарастить военную мощь, расширять агрессию и создать угрозу установления мирового господства. Мюнхенский сговор 1938 г. был апогеем этой политики. Нередко забывают, что за расчленением Чехословакии стояли декларации о ненападении Германии с Англией и Францией и разрушение договоров о взаимопомощи с Чехословакией, СССР и Францией.

Польский кризис 1939 г. являлся следствием Мюнхена. Анализ стратегического плана ведения войны англо-французской коалиции весной 1939 г. показывает, что Англия и Франция планировали длительную войну с блоком фашистских государств на всех театрах и без участия СССР. Переговоры в Москве были лишь средством давления на Гитлера. Польша заранее была принесена в жертву в интересах англо-французской коалиции. Объявив Германии войну 3 сентября, Англия и Франция не начали военных действий, оставив без обещанной помощи своего союзника. Они вели «мнимую» войну и продолжали закулисные переговоры с агрессором до 9 апреля 1940 г., когда Германия напала на Норвегию, угрожая Британским островам. Чтобы скрыть это, мировой общественности навязана дата начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 г.

После неожиданного поражения Франции нападение Германии и ее союзников в Европе — Италии, Финляндии, Румынии, Словакии — на СССР поставило мир перед реальной угрозой достижения фашистским блоком мирового господства. Англия была резко ослаблена, а США еще не имели подготовленных вооруженных сил. Именно этот фактор вызвал поворот в политике западных держав по отношению к СССР. Победа под Москвой, как показывает анализ англо-американских документов, окончательно определила их решение о создании антифашистской коалиции вместе с Советским Союзом. Агрессия Японии на Тихом океане вовлекла США в неизвестную вооруженную борьбу.

1 января 1942 г. была создана антифашистская коалиция в составе 26 государств во главе с СССР, США, Великобританией и Китаем. Вторая мировая война перешла в борьбу противостоящих коалиций. 60-летие этого важного исторического события не было отмечено в 2002 г. ни одной радиостанцией, ни одним ТВ, ни в одной газете. Почему? Это умолчание и есть проявление информационной войны против правды истории.

С созданием антифашистской коалиции Вторая мировая война вступила в этап борьбы за коренной перелом в ходе военных действий. Главным противником в коалиционной войне была гитлеровская Германия, а основным фронтом — советско-германский фронт. Весной 1942 г. Великобритания и США подписали договоры с СССР о ведении совместной войны против Германии. Рузвельт и Черчилль дали обещание открыть второй фронт в Европе в 1942 г.

Документы стратегического планирования англо-американских союзников — план генерала Маршалла и др. показывают стратегическую целесообразность и реальную возможность высадки союзников во Франции в 1942 г. и тем более в 1943 г. для быстрейшего окончания войны. Но по политическим соображениям, о чём пишут сами английские и американские историки, союзники не открыли второй фронт ни в 1942 г., ни в 1943 г., пойдя на прямой обман советского руководства. Сроки войны затягивались, жертвы и страдания народов возрастили.

Цель такой политики — максимально ослабить и Германию, и Советский Союз, чтобы подойти к концу войны с наиболее мощными силами и продиктовать свои условия мира в разрушенной Европе. Были при этом и экономические цели. В одном из документов экономического отдела ОКВ в 1942 г. немцы писали, что второй фронт маловероятен, так как «если американцы вступили в войну, то не закончат ее, пока не сделают на ней выгодный бизнес». Это урок истории.

В жестоких битвах на полях России в 1942 и 1943 гг. в результате блестящих побед Красной Армии под Сталинградом и Курском был совершен коренной перелом в коалиционной войне. Наступление союзников в Северной Африке и высадка в Италии завели «периферийную» средиземноморскую стратегию в позиционный тупик. Сокрушение Восточного вала на Днепре открыло путь Красной Армии в Европу для завершения борьбы на территории Германии и ее союзников. После этого англо-американское руководство приняло решение о высадке в Нормандии весной 1944 г., опасаясь, что можно опоздать со вторжением во Францию.

Таковы исторические факты, их нельзя опровергнуть, но можно замолчать, что нередко делают в политических целях на Западе и, к сожалению, западные наемники в России.

В 1944 г. война вступила в завершающий этап. На Тегеранской конференции были согласованы общая политика и стратегия англо-американских союзников и СССР в завершении войны в Европе и последующем разгроме Японии. Политическая цель коалиции — безоговорочная капитуляция Германии и ее союзников в Европе; способ стратегических лей-

ствий — согласованное наступление с востока и запада с высадкой союзников во Франции весной 1944 г.

Зимой и весной 1944 г. Красная Армия вела непрерывные наступательные операции, чем сковала основные силы противостоящей коалиции, и противник понес большие потери. С началом высадки союзников в Нормандии и в течение лета—осени 1944 г. советские вооруженные силы наносили сокрушительные удары по всему огромному советско-германскому фронту. В ходе наступления, в силу стратегической необходимости, советские войска вступали на территорию стран Восточной, Центральной и Южной Европы, освобождая их от фашистов.

Англо-американские войска наступали во Франции. Расчеты союзников, что с уничтожением заговорщиками Гитлера англо-американские войска смогут быстро продвинуться в глубь Германии (план «Рэнкин»), не оправдались. Гитлер выжил, заговор был подавлен. Отведя войска на линию Зигфрида, немцы остановили продвижение союзников.

После сокрушительного разгрома немецкой группы армий «Центр» последовало наступление советских войск на юге и разгром группы армий «Южная Украина» в результате блестящей Ясско-Кишиневской операции. Последующее вступление Румынии в войну на стороне антигитлеровской коалиции существенно ослабило военно-экономические возможности Германии, лишившейся румынской нефти. Румыния стала союзником СССР в борьбе с Германией и Венгрией. 1-я и 4-я румынские армии вошли в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. В сентябре 1944 г. Болгария вступила в войну с Германией и Венгрией, болгарские 1-я, 2-я и 4-я армии вошли в оперативное подчинение командующего 3-м Украинским фронтом. В октябре 1944 г. совместными действиями советских и румынских войск территория Румынии была полностью освобождена.

Затем обе румынские армии участвовали в боях на территории Венгрии и Чехословакии до окончания войны. Болгарские 1-я, 2-я и 4-я армии участвовали совместно с советскими и югославскими войсками в освобождении Югославии, Венгрии и Австрии. Так сложилось боевое содружество вооруженных сил СССР, Румынии, Болгарии, Чехословакии и Польши. Я могу это уверенно заявить, так как многие годы преподавал военную историю в академии Генерального штаба слушателям — старшим офицерам из этих стран, многие из которых были участниками войны, и неплохо знаю их взаимоотношения.

Успехи советских войск на Балканах обострили отношения в антифашистской коалиции, особенно с Черчиллем. Это стремился использовать

Гитлер, решив добиться сепаратного мира с Западом на принципе силы. Внезапная и единственная наступательная операция немцев против англо-американских союзников в Арденнах создала критическую обстановку на Западном фронте. Генерал Паттон записал в эти дни в дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну». По просьбе союзников СССР досрочно начал заключительное наступление на всем советско-германском фронте, стремительно продвигаясь к Берлину. Ялтинская конференция согласовала все вопросы послевоенного мира с учетом интересов всех участников коалиции, военные делегации скоординировали завершающие операции.

Попытка западных спецслужб после Ялты договориться с Гитлером за спиной СССР о сепаратной капитуляции — так называемый «Бернский инцидент» — создала острую напряженность в союзнических отношениях. Ее разрешил Рузвельт в последнем послании Сталину, отправленном 11 апреля. Однако скоропостижная смерть Рузвельта на следующий день, 12 апреля 1945 г., привела к власти Трумэна. Политика США в конце войны изменилась, как и в послевоенные годы.

Взятие Берлина советскими войсками имело историческое значение, определившее главного победителя во Второй мировой войне. Стратегическое превосходство советских вооруженных сил и искусство советских полководцев обусловили полный разгром вермахта и подписание безоговорочной капитуляции в поверженном Берлине.

Анализ политики и стратегии стран — участниц антифашистской коалиции показывает, что *на всех этапах коалиционной войны Советский Союз выполнял ведущую роль в общей борьбе*. Советские вооруженные силы внесли наибольший вклад в борьбу с фашистским блоком. Красная Армия разгромила 507 немецких и 100 дивизий союзников Германии. Это почти в 3,5 раза больше, чем англо-американские на всех фронтах Второй мировой войны. На советско-германском фронте немецко-фашистские войска понесли 73% потерь в людях и 75% боевой техники. Победа достигнута советским оружием. Союзники поставили 10% танков, 12% самолетов и 2% артиллерийских орудий, причем более низкого качества, чем советские.

Отсюда главный вывод. Советский Союз был решающей военной и политической силой, обуславившей победный исход коалиционной войны и освобождение народов мира от угрозы порабощения фашизмом.

Relațiile de comandament româno-sovietice în perioada august 1944 – mai 1945

În perioada cuprinsă între ultimile decenii ale secolului al XIX-lea și prima jumătate a secolului al XX-lea România a participat la următoarele conflicte internaționale: războiul ruso-turc din anii 1877–1878, al doilea război balcanic din anul 1913, Primul Război Mondial – în perioada 1916–1919 și cel de al Doilea Război Mondial – între anii 1941–1945. Semnificativ a fost faptul că toate conflictele amintite și la care statul român a luat parte au fost războaie de coaliție. În aceste coaliții România a avut ca aliați mari puteri ale timpului precum: Rusia (în anii 1877–1878), Franța, Marea Britanie, Rusia și Italia (în anii Primului Război Mondial), Germania și Italia (între anii 1941–1944) și Uniunea Sovietică, Marea Britanie și Statele Unite în ultima parte a celui de al Doilea Război Mondial (perioada 23 august 1944 – 9 mai 1945). În desfășurarea acțiunilor de luptă armata română s-a confruntat cu cele mai puternice armate ale timpului precum: armata turcă, armata germană, armata austro-ungară, armata britanică, armata americană și armata sovietică. În conflictele amintite statul român nu s-a situat niciodată în stare de beligeranță cu Franța și Italia, față de Germania –cu care s-a aflat în stare de război atât în primul război mondial, cât și în al doilea război mondial. Raporturile militare cu statul rus au fost atât de alianță, cât și de conflict. Raporturile de alianță Moscova au fost în războiul din anii 1877–1878, în anii Primului Război Mondial și în perioada 23 august 1944 – 9 mai 1945, iar raporturile de beligeranță între anii 1940–1944.

România a participat la conflictele militare din perioada amintită pentru realizarea scopurilor vitale cerute de existența și afirmarea sa statal-națională și politică: cucerirea independenței de stat, desăvârșirea procesului de făurire a unității naționale, apărarea unității și a integrității teritoriale. Sub acest aspect, aderarea României la alianțele militare constituise, în funcție de evoluția raporturilor de forță dintre marile puteri, în diferitele coaliții geostrategice, a fost întotdeauna în concordanță cu interesele sale naționale fundamentale.

Factorii politici români au depus eforturi însemnate ca angajarea țării în războaiele de coaliție alături de marile puteri ale timpului să se facă pe baza unor convenții militare, cu legitimare și recunoaștere în dreptul internațional. Atitudinea a fost dictată nu doar de asimetria de putere dintre România și pu-

ternicii săi aliați, dar, mai ales, din necesitatea de a apăra interesele românești, care nu întotdeauna au coincis în totalitate cu cele ale partenerilor, întrucât, aşa cum aprecia feldmareșalul german von Moltke: «În toate coalițiile, interesele aliaților coincid numai până la un anumit punct».

Convențiile militare în care au fost consemnate angajamentele politice și militare reciproce dintre România și partenerii săi au stabilit misiunile armatelor române, modul de cooperare cu armatele aliate, relațiile de comandament cu aliații etc. Aceste documente juridice de drept internațional au conferit României un real statut de aliat și au permis promovarea intereselor naționale la conferințele de pace. Dar nu întotdeauna conducea politică și militară a statului român a reușit să asigure participarea armatei naționale la război pe baza unor acorduri/convenții internaționale care să răspundă acestor deziderate.

Participarea României la războiul rusu-turco-român din anii 1877–1878, la cel de al doilea război balcanic (1913) și la Primul Război Mondial, între anii 1916–1919, s-a făcut în baza unor convenții politice și militare care au constituit temeiul juridic al cooperării militare, al raporturilor de comandament dintre armata română și armatele statelor aliate, precum și al statutului rezervat României la conferințele de pace.

Cooperarea militară a României cu forțele Axei s-a făcut pe baza angajamentelor verbale luate la cel mai înalt nivel, a unor convenții încheiate între comandamentele militare române cu cele germane și cu cele italiene, fără a fi semnat un tratat cadru între România cu Germania și Italia asemănător cu cel încheiat în august 1916 între România și forțele Antantei, privitor la privitor la participarea sa la Primul Război Mondial.

Angajarea României la 23 august 1944 alături de Națiunile Unite, la războiul împotriva forțelor Reich-ului nazist, s-a făcut fără existența unei convenții oficiale care să reglementeze colaborarea românească cu noii aliați.

Lovitura de stat de la București a surprins atât pe Aliați, cât și pe germani. La Londra, Comitetul Șefilor de State Majore; întrunit în ziua de 24 august 1944, orele 10,30, a cerut Subcomitetului Reunit al Informațiilor să pregătească «de urgență, un scurt raport al implicațiilor» armistițiului cu România¹. În aceeași zi, A Eden, titularul *Foreign Office*-ului, a adresat un mesaj premierului britanic W.Churchill, în care cerea precizări asupra evenimentelor de la București și poziția viitoare a Marii Britanii privind România. Precizările erau necesare pentru ca *Foreign Office*-ul trebuia să știe dacă se păstra sau nu termenii armistițiului propuși în aprilie 1944 mareșalului Ion Antonescu². Schimbul de telegrame dintre Londra, Moscova și Washington din zilele de 24–26 august 1944 arată că în cele trei capitale nu era o imagine clară asupra evenimentelor din România și se păstra termenii de armistițiu din aprilie 1944.

deși Vășinski aprecia că «întreaga situație ar trebui reexaminată»³. La 26 august 1944, Agenția «TASS» a transmis o notă privind condițiile armistițiului propus României de către Uniunea Sovietică în aprilie 1944, precizând că respectivele condiții au fost respinse de către guvernul Antonescu, dar erau acceptate de către regele României și guvernul generalului Sănătescu numit la 23 august 1944⁴.

Prin declarația publică făcută în seara zilei de 23 august 1944, guvernul român, instalat în urma acestei lovitură de stat de la acea dată, a abordat problema raporturilor cu coaliția Națiunilor Unite și a forțelor sale armate, în particular cu Uniunea Sovietică și Armata Roșie, de pe poziția unui aliat. Instrucțiunile date delegației române care a plecat la Moscova în cursul nopții de 28 spre 29 august 1944 sunt un argument credibil în acest sens⁵. Calculul guvernului român s-a dovedit a fi greșit. Statutul de partener al României în coaliția Națiunilor Unite, pe care guvernul român considera că trebuia să îl aibă, nu a fost acceptat, mai ales de către Uniunea Sovietică. Propunerea făcută de către delegația română la Moscova, cu prilejul semnării Convenției de Armistițiu cu Națiunile Unite din 12 septembrie 1944 de a se elabora un protocol militar a fost respinsă categoric de către V. M. Molotov.: Ministrul de externe al Uniunii Sovietice a spus că acest document va fi întocmit la București, numai cu participarea reprezentanților militari români și sovietici. După 23 august 1944 s-a produs o modificare radicală a statutului juridic internațional al României, mai ales după semnarea Convenției de Armistițiu din 12 septembrie 1944, când țara s-a aflat practic sub regim de ocupație, sănționat prin crearea Comisiei Aliate de Control. În comisia respectivă partea sovietică a fost investită cu prerogative ce anulau în multe privințe autoritatea guvernului român. Inexistența unei convenții militare care să reprezinte temeiul juridic al participării României la război alături de Armata Sovietică a creat probleme atât asupra acțiunii trupelor proprii pe front și raporturilor lor cu comandanțele și trupele sovietice, cât și asupra relațiilor politico-militare la nivel statal⁶.

Obiectivul principal al acțiunii politice și militare românești după 23 august 1944 l-a reprezentat eliberarea părții de nord-vest a țării ocupată de Ungaria prin dictatul de la Viena din 30 august 1940. Marele Stat Major român a ordonat în noaptea de 23 spre 24 august 1944 încetarea oricărui «act de agresiune împotriva forțelor sovietice» și realizarea unui dispozitiv strategic de acoperire de peste 1400 km menit să asigure apărarea granițelor de nord și vest. Operația de acoperire încredințată Armatei 1 române trebuia să asigure concentrarea forțelor românești de pe frontul din Moldova la nord de Carpații Meridionali, în vederea trecerii la ofensivă pentru eliberarea părții de nord-vest a Transilvaniei de sub ocupația maghiară.

Pentru trupele române aflate pe frontul din Moldova s-a creat o situație deosebit de complexă. Conform ordinelor primite de la Marele Stat Major trupele române urmău să trateze forțele sovietice drept aliați încetând, în mod unilateral, orice acțiune de luptă împotriva acestora. În privința cooperării se preciza că unitățile române rămâneau sub comandament național, în sectoare bine definite. Comandamentele române au încercat să stabilească legături cu comandamentele sovietice, pentru a coopera în viitoarele acțiuni de luptă din condiția de «partener aliat și nu de la o situație inferioară, care ar dăuna moralului ofișerilor și trupei»⁷. Comparativ cu noua atitudinea a forțelor române, trupele Armatei Roșii au continuat să adopte o atitudine agresivă. Ordinele în acest sens au fost emise de la Moscova, de către I.V. Stalin și colaboratorii lui apropiati și retransmise trupelor din subordine de generalul Rodion I. Malinovski, comandanțul Frontului 2 ucrainean și generalul Tolbuhin, comandanțul Frontului 3 ucrainean. La 24 august 1944, orele 16, generalul Malinovski a ordonat trupelor din compunerea Frontului 2 ucrainean să nu acorde atenție «față de nici un act al inamicului», să își îndeplinească «strict misiunile de luptă», «să nu primească nici un parlamentar» și să nu intre «în tratative»⁸. În seara aceleiași zile, un ordin semnat de Stalin și mareșalul Timoșenko cerea trupelor fronturilor 2 și 3 ucrainiene să îndeplinească misiunile stabilite de către Cartierul General al Armatei Roșii, «neluând în seamă nici o declarație a românilor despre încetarea acțiunilor militare»⁹. Ordinul preciza atitudinea ce trebuia adoptată de forțele sovietice față de trupele române (dezarmarea acestora, luarea în prizonierat, precum și obligația de a lupta împotriva trupelor germane și ungare). Referitor la cooperarea în luptă, generalul A. I. Antonov, primul locuitor al lui Stalin, preciza, într-un ordin din 2 septembrie 1944, că problema «coordonării acțiunilor trupelor sovietice și române» urma să fie soluționată doar după semnarea Convenției de armistițiu. În baza acestor ordine, timp de aproape două săptămâni, în perioada cuprinsă între 23 august 1944 și prima săptămână a lunii septembrie 1944, trupele române au fost atacate și dezarmate de noul aliat, deși încetase acțiunile de luptă împotriva acestuia. Au fost dezarmați și internați în lagărele sovietice, după 23 august 1944, circa 130000–160000 de militari români (comandamentele sovietice recunosc doar un număr de circa 26 000–40 000 de prizonieri români), iar întreaga flotă de război și comercială română capturată¹⁰.

Deși, din punct de vedere juridic, comandamentul sovietic nu și-a asumat nici un angajament oficial față de armata română de la 23 august până la 12 septembrie 1944, când a fost semnată Convenția de armistițiu, Frontul 2 ucrainean a cerut Marelui Stat Major român încă din 5 septembrie 1944, să pună la dispoziție sa 2–3 divizi pentru acoperire pe Dunăre și forțele din zona Brașov pentru a participa la operațiunea ofensivă spre Cluj. În momentul sem-

nării Convenției de armistițiu dintre Națiunile Unite și România unele din obligațiile cu caracter militar erau deja executate sau chiar depășite. Astfel, art. 1 prevedea participarea României la război alături de Națiunile Unite cu «nu mai puțin de 12 divizii infanterie, împreună cu serviciile tehnice auxiliare»¹¹.

În realitate, în timpul războiului, România a participat cu întregul său potențial militar (peste 1 milion de oameni mobilizați) la luptele duse împotriva trupelor germane: 38 de divizii în perioada 23–31 august 1944, 28 divizii între 1 septembrie și 25 octombrie 1944 și 17 divizii pe teritoriile Ungariei și Cehoslovaciei. Prin prevederile Convenției de Armistițiu s-a oficializat subordonarea armatei române operative de către Armata sovietică, precizându-se că «Operațiile militare din partea forțelor armate române, inclusiv forțele navale și aeriene împotriva Germaniei și Ungariei vor fi purtate sub conducerea generală a Înaltului Comandament aliat (sovietic)»¹².

Prevederile Convenției de armistițiu au pus Ministerul de Război și Marele Stat Major român într-o poziție de inferioritate față de comandamentele aliate, în realitate față de cele sovietice. Marele Stat Major român a depus eforturi stăruitoare pentru a se păstra unitatea organizatorică a armatei române, rezerva-rea unor sectoare de front distinție, evitarea fărâmătării marilor unități și a unor subordonări care să le afecteze unitatea și capacitatea de luptă. În acest scop au fost elaborate «Norme de detaliu pentru colaborarea cu armata sovietică» în care s-a insistat pentru «o deplină înțelegere și ajutor reciproc în vederea celei mai perfecte conlucrări»¹³. Pentru comandamentele române, relațiile cu comandamentele sovietice au constituit nu numai o problemă de prestigiu, ci și o necesitate cerută de eficiență acțiunilor operative, de îndeplinirea misiunilor cu pierderi minime, de crearea condițiilor normale de asigurare logistică.

Concepția sovietică despre utilizarea forțelor române pe front a fost cu totul alta, situație care a îngreunat conducerea trupelor române de către propriile comandamente. Din punct de vedere operativ partea sovietică a cerut integrarea forțelor române de campanie în dispozitivul Frontului 2 ucrainean, ceea ce în realitate a însemnat scoaterea acestora de sub conducerea Marelui Stat Major român, căruia i-au revenit doar sarcini pe linia instrucției, a completării cu efective și a asigurării logistice. În pofida situației dificile creată de comandamentele sovietice, care au pus instanțele militare românești (în special pe cele superioare Marele Stat Major și comandamentele de armată) în situații de inferioritate, necesitatea cooperării pe câmpul de luptă a determinat continuarea eforturilor în vederea realizării unei conlucrări eficiente.

La luptele desfășurate pentru eliberarea părții de vest și nord-vest a României din lunile septembrie–octombrie 1944, au participat trupele Frontului 2 ucrainean cu cinci armate (Armata 7 gardă, Armata 27, Armata 40, Armata 53 și Armata 6 Tc) și o armată aeriană și 22 de divizii românești din

compunerea Armatei 1 române și Armatei 4 române, cărora li s-au adăugat alte unități și mari unități speciale române. Acțiunile de luptă s-au înscris în cadrul operației «Debrețin», care a avut drept scop înfrângerea forțelor germane și ungare din vestul României, din Ucraina Subcarpatică și din estul Ungariei.

Cooperarea de comandament și de luptă româno-sovietică în cadrul operației «Debrețin» a fost eficientă și a dus la îndeplinirea obiectivelor strategice stabilite, în pofida atitudinii rezervate, mai degrabă de suspiciune și desconsiderare față de comandamentele și trupele române pe care au manifestat-o comandamentele societice. Pe timpul acțiunilor de luptă s-a manifestat cu consecvență voința comandamentelor române și a trupelor din subordine de a coopera eficient cu forțele sovietice aliate. În această ordine de idei, șeful Marelui Stat Major român, generalul Gheorghe Mihail îi confirma mareșalului R. I. Malinovski, la începutul lunii octombrie 1944, «dorință de a alunga cât mai repede inamicul spre vest departe de graniță, și de a lua parte cât mai mult la această acțiune»¹⁴. În același timp, șeful Marelui Stat Major român arăta modul arbitrar în care comandamentele de armată sovietice au stabilit misiunile armatelor române, misiuni ce erau în mod evident disproportioante în raport cu capacitatea lor combativă și fără a li asigura mijloace suplimentare de luptă, «absolut nevoie» în tancuri, artillerie, artillerie anticar, avioane etc. Rezultatul intervențiilor făcute de Marele Stat Major român pe lângă comandamentul Frontului 2 ucrainean a fost minim. Mai mult comandamentele sovietice au stabilit și în perioada următoare unităților române misiuni care depășeau capacitatea lor combativă și au intervenit în actul de comandă. Ingerințele aliatului sovietic în actul de comandă românească de pe front au creat stări de tensiune în relațiile de comandament și au produs mari pierderi umane și materiale forțelor române. Exemple elocvente în acest sens sunt drama Diviziei 9 infanterie de la Oarba de Mureș, unde au pierit inutil peste 6 000 de ostași români, a Corpului de cavalerie în zona Mezogyar și Okany, împiedicarea trupelor române de a participa la eliberarea Clujului, destituirea unor generali care au protestat împotriva ingerințelor sovietice (cazul generalului Gheorghe Cialâc). În pofida acestor crize, nu s-a ajuns la defecțiuni pe câmpul de luptă sau la neexecuțarea de ordine, dar o «frăție de arme» în asemenea condiții nu era de conceput¹⁵.

Contra suspiciunii generale pe care comandamentele sovietice a manifestat-o față de trupele române, documentele epocii relevă totuși că au fost situații în care diversi comandanți sovietici au recunoscut calitatea cooperării cu trupele române. Semnificative sunt în acest sens aprecierile generalului I. M. Mangarov, conform cărora «unitățile române care acționează în cadrul Grupului de armate au dat exemple de bărbătie și dârzenie și au îndeplinit cu cinste misiunea înaltă ce li s-a încredințat»¹⁶. Aprecieri astăzi au făcut generalul V. M. Merkulov, comandantul Corpului 50 armată, generalul M. S. Šumilov, comandantul Armatei 7 de gardă etc.

După eliberarea întregului teritoriu național la 25 octombrie 1944, armata română a continuat acțiunile de luptă pe teritoriul Ungariei, în conformitate cu prevederile Convenției de armistițiu din 12 septembrie 1944 și cu înțelegerea necesității de a participa la războiul împotriva Germaniei și Ungariei până la victoria finală. Marile unități din armatele 1 și 4 române au acționat alături de cele ale Frontului 2 ucrainean, în cadrul operațiilor «Debrețin» și «Budapesta», îndeplinind importante misiuni în bătăliile de la Debrețin și Nyregyhaza, în cele de pe Tisa și la vest de Tisa, având o contribuție majoră la anihilarea dispozitivului de apărare ocupat de inamic în nordul și nord-estul Ungariei și la cucerirea Budapestei. Armata 4 română și Corpul 4 armată au luptat în condiții foarte dificile la vest de Debrețin, în capetele de pod de la vest de Tisa, în munții Hegyalja, Bukk și Matra, iar Corpul 7 armată la cucerirea Budapestei. Cooperarea strânsă și eficientă dintre marile unități române și sovietice realizată pe timpul acțiunilor de luptă a contribuit la obținerea unor victorii importante. Pe timpul luptelor din Ungaria, în care trupele române au dat o mare jertfă de sânge și au probat, pe deplin, cinstă și onoare vitejească, s-au înregistrat cele mai grave crize din raporturile de comandament româno-sovietice, precum arestarea abuzivă de către sovietici a generalului Gheorghe Avramescu, comandanțul Armatei 1 române, caz fără precedent în istoria militară modernă, nimicirea Diviziei 4 infanterie române în capul de pod de la Szolnok, scoaterea Corpului 7 armată român din Budapesta, când orașul era aproape cucerit.

Atitudinea comandamentelor sovietice față de trupele române a provocat nemulțumirea și indignarea ofițerilor comandanți români. Generalul Nicolae Șova a considerat scoaterea ostașilor Corpului 7 armată din Budapesta, după 78 de zile de luptă continuă, de la Tisa și până la 2 km de Dunăre, timp în care a pierdut 10708 militari (morti, răniți și dispăruți), adică 20% din efective, o măsură lipsită de onoare. În opinia generalului român, decizia marșalului Malinovski de scoatere a soldaților români de la momentul final al cuceririi Budapestei, capitala unui stat advers, a fost «o îndepărțare nemeritată a lor de la onoarea de a lupta până la lichidarea completă a operațiunilor din Budapesta, considerând că au fost utilizați de aliați numai în momentele grele ale luptei, când ei au dat ajutorul lor neprecupeștit, marcat prin șirul de morminte al camarázilor lor căzuți în aceste lupte și sunt îndepărtați necamaderește atunci când momentul victoriei, al recompensei și al onoarei se apropie»¹⁷.

Faptele petrecute, față de care comandanții români au luat atitudine, au accentuat starea de neîncredere, stare care nu asigura o bună conlucrare între cele două armate. În contextul creat, generalul Nicolae Macici, comandanțul Armatei 1, considera că relațiile de comandament și cooperarea în luptă trebuiau să fie «sincere și fructuoase», să se bazeze pe «încredere reciprocă», pe «respectul armatei și populației noastre din partea trupelor sovietice, inclu-

siv pe repunerea firească în granițele firești», concluzionând că pentru a se ajunge la o bună colaborare «este absolut necesar ca, mai înainte de toate, să ni se acorde încrederea deplină pe care o binemerităm, să fim tratați ca adevărați aliați și să fim puși la adăpost de orice porniri nepotrivite a celor ostași sovietici care obișnuesc să se dedea la jafuri»¹⁸. Aprecierile înaltului ofițer român exprimau în sinteză maniera brutală, suspiciunea, atitudinea ofensatoare a comandamentelor și trupelor sovietice față de soldații și ofițerii români, care, puși în situații critice, uneori umilitoare¹⁹, făceau eforturi fizice și materiale de neimaginat pentru a le depăși, ceea ce l-a determinat pe același general român să raporteze Marelui stat Major că «există indicii că marile unități române sunt sortite distrugерii»²⁰.

Un tratament asemănător cu cel manifestat față de Corpul 7 armată la Budapesta a primit și Divizia 3 munte română din partea comandamentului Corpului 33 armată sovietic. După ce a luptat timp de 12 zile pe direcția Tisa – Miskolc, când a ajuns la periferia marelui oraș ungar, la 20 noiembrie 1944, și se pregătea să dea asaltul final, comandamentul sovietic a lipsit-o de acest drept și onoare, hotărând deplasarea divizie române pe altă direcție. Dramatica nimicire a Diviziei 4 infanterie română în capul de pod de la Szolnok, din 14–20 octombrie 1944, s-a datorat în totalitate gravelor erori făcute de comandamentele sovietice, dar care au aruncat întreaga responsabilitate asupra diviziei române.

Deși trupele române din compunerea Armatei 4 și-au îndeplinit misiunile în aceleași condiții ca trupele Armatei 40 sovietice, la 14 decembrie 1944, comandamentul Frontului 2 ucrainean și-a manifestat nemulțumirea față de comandamentul Armatei 4 române, care a fost acuzată că nu își îndeplinește satisfăcător misiunile de luptă. Generalul Gheorghe Avramescu, comandanțul armatei, a respins ferm acuzațiile sovieticilor considerând că modul lor de comportare «minimalizează însuși efortul de război pe care România îl face astăzi alături de aliați», iar deseori comandamentele române se confruntau cu «expresiuni de nemulțumire, adesea amenințătoare, chiar atunci când realizările operative sunt importante»²¹. Atitudini la fel de demne față de modul ofensator în care erau tratate comandamentele și soldații români au avut generalii Nicolae Macici, Vasile Atanasiu, Gheorghe Cialâc, Edgar Rădulescu și alții. Acuzele formulate de generalul F. F. Jmacenko, comandanțul Armatei 40 sovietice, că «grupuri importante de ofițeri și soldați au trecut de bunăvoie de partea inamicului», iar comandanții au tăinuit «aceste cazuri de trădare» s-au dovedit a fi false. Informația a fost dată de ofițerii de legătură sovietici de pe lângă Armata 4 română. Învinuirile au fost ferm respinse de comandanțul Armatei 4 române, răspunzând că «niciodată ostașii români nu au comis asemenea fapte și nicicând ofițerii nu le-au acoperit și nu le vor acoperi»²².

Luând atitudine față de «lipsa oricărei mențiuni publice din partea Comandamentului suprem sovietic față de armata română», care nu fusese citată sau menționată în vreun comunicat oficial aliat, generalul Gheorghe Avramescu cerea Marclui Stat Major român să facă «tot ce este posibil» pentru ca participarea armatei române la război să fie cât mai cunoscută și recunoscută pe plan internațional²³. Atitudinea demnă și firească a generalului român Gheorghe Avramescu, care și-a apărăt cu fermitate subordonăți față de acuzele neîntemeiate și nedemne ale aliatului sovietic, a constituit motivul real al îndepărțării de la comanda Armatei 1 române și arestarea sa abuzivă de către sovietici.

În conformitate cu prevederile impuse prin Convenția de armistițiu și pe măsura îndeplinirii misiunilor de luptă pe teritoriul Ungariei, armata română a continuat acțiunile militare și pe teritoriul Cehoslovaciei. În operațiile militare din Cehoslovacia, Armata 1 română a avut în compunere corpurile 2 și 6 armată, cu diviziile 3, 6, 9, 11, 18, 21 infanterie, 1 cavalerie și 8 cavalerie purtată, iar Armata 4 română a acționat cu corpurile 4 și 7 armată, formate din diviziile 2, 10, 19 infanterie, 2, 3 munte și 9 cavalerie.

Teatrul de acțiuni militare din Cehoslovacia a avut următoarele caracteristici: teren muntos (cu înălțimi oscilând între 2 600 metri – Munții Tatra, 1 450 metri Munții Metalici Slovaci, 1 591 metri în Munții Fatra Mare și 1 214 metri în Fatra Mică), greu de străbătut, cu o rețea de comunicații redusă, acoperit în proporție de 80% cu păduri, străbătut de patru mari cursuri de apă (Hron, Vah, Nitra și Morava), orientate perpendicular pe direcția de ofensivă. Terenul avantaja apărarea, iar acțiunile de apărare ale inamicului au fost favorizate și de condițiile meteo și de anotimp (zăpadă mare, viscol, ceată, temperaturi scăzute).

În cadrul acțiunilor de luptă din Cehoslovacia, care s-au desfășurat în mai multe etape distinse, armatele 1 și 4 române au acționat astfel: Armata 4 în subordinea Armatei 40 sovietice, iar Armata 1 română a fost subordonată Armatei 53 sovietice.

În prima etapă (18 decembrie 1944 – 12 ianuarie 1945) cele două armate române au acționat în zona frontierei ungaro-slovace, astfel: Armata 4 română în sectorul Sena-Turna, iar Armata 1 română cu Corpul 4 armată (mai puțin Corpul 7 armată aflat în lupte în interiorul Budapestei) pe râul Ipel și în zona sud-vest Lucenec.

În etapa a doua (12 ianuarie 1945 – 28 martie 1945) trupele române din Cehoslovacia au îndeplinit misiuni de luptă extrem de dificile. Armata 4 română a executat în această etapă operațiile ofensive «Roznova» și «Zvolen–Banská Bystrica». În cadrul operațiiei «Roznova» (12 ianuarie – 31 ianuarie 1945),

Armata 4 română a angajat în luptă circa 80000 militari, într-o fașie de ofensivă care a oscilat între 20–60 km și pe o adâncime de 70–80 km. În cursul ofensivei diviziile Armatei 4 române au eliberat peste 160 de localități, pierderile proprii fiind de 5 200 de morți, răniți și dispăruți, aproape 7% din totalul forțelor angajate în luptă²⁴.

Operația «Zvolen–Banska Bystrica» s-a desfășurat între 10 februarie și 25 martie 1945, timp de 43 de zile, într-o fașie de ofensivă largă de 22–25 km și pe o adâncime de 40–50 km. În cadrul operației respective, diviziile române au acționat pe trei direcții: pe valea Hronului, peste crestele Munților Metalici Slovaci și pe axul Ocova – Dolna Micina – Banska Bystrica. Armata 4 română, împreună cu trupele Armatei 40 sovietice, au lichidat poziția de apărare pe care forțele germane o ocupau la est de râul Hron, au eliberat bogata zonă minieră din Munții Metalici Slovaci, precum și importanța zonă industrială dintre Zvolen și Podbrezova, dând astfel o serioasă lovitură potențialului productiv al industriei de război germane²⁵. În ultima etapă a acțiunilor de luptă duse pe teritoriul Cehoslovaciei, Armata 4 română a executat operații ofensive pentru cucerirea munților Fatra Mare și Fatra Mică (între 25 martie și 31 aprilie 1945, ulterior a trecut la urmărirea trupelor germane pe direcția generală Praga).

În timp ce Armata 4 română a executat operațiile «Roznova» «Zvolen–Banska Bystrica», Armat 1 română a primit ordin să atace frontal trupele germane și ungare dispuse în apărare în Munții Javorina. Munții Javorina constituie un masiv muntos-împădurit, cu înălțimi medii de peste 1 000 metri, cu foarte puține căi de acces și situat între râurile Ipel și Hron. Dispozitivul de apărare creat de trupele germane și ungare în munții Javorina era situat perpendicular pe direcția de ofensivă a diviziilor române și constituia principalul pilon de rezistență al sistemului de apărare realizat de Armata 8 germană în Cehoslovacia. Acțiunile de luptă pentru cucerirea Munților Javorina și ieșirea pe râul Hron s-au desfășurat între 29 ianuarie – 18 martie 1945. Armata 1 română a angajat în operație peste 70000 de militari, dintre care mai mult de 16000 au fost pierduți (morți, răniți și dispăruți), ceea ce reprezintă peste 20% din totalul efectivelor²⁶. Victoria obținută în Munții Javorina a dus la lichidarea întregului dispozitiv german de la est de Hron. În continuare Armata 1 română a primit ordin ca, împreună cu Armata 53 sovietică, să dezvolte ofensiva între râurile Hron și Morava. După forțarea râului Hron, la 25 martie 1945, diviziile române au străbătut rapid Munții Nitra (între 2–5 aprilie 1945) și Munții Inovech și au pătruns în valea râului Vah. După reorganizarea dispozitivului de luptă, Armata 1 română a reluat, la 16 aprilie 1945, ofensiva de-a lungul râului Hron și a cucerit la 26 aprilie orașul Uherski Ostroh, important centru de comunicații. În urma cuceririi orașului Brno, la 27 aprilie 1945, Armata 1 română și Armata 53 sovietică au dezvoltat ofensiva spre sud-vest, de-a lungul râului

Morava. Ca urmare a faptului că trupele germane au început retragerea, diviziile Armatei 1 române au trecut la urmărirea inamicului pe direcția Kylon-Kojetin și au cucerit la 4 și 6 mai 1945 orașele Kromeriz și Kojezin. După 8 mai 1945, trupele Armatei 1 române au fost regrupate într-o zonă situată la vest de Brno.

Ca urmare a imixtiunilor sovietice au fost înlocuiți comandanții unor mari unități române, precum: generalul Gheorghe Avramescu cu generalul Nicolae Dăscălescu la comanda Armatei 4 române (la 12 ianuarie 1945), generalul Nicolae Macici cu generalul Vasile Atanasiu la comanda Armatei 1 române (la 16 februarie 1945), generalul Nicole Șova cu generalul Eugen Vărtejeanu la comanda Corpului 7 armată ș.a.

Pe timpul operațiilor de luptă din Cehoslovacia relațiile de comandament dintre armata română și cea sovietică au cunoscut mai multe momente de tensiune, mai ales în timpul luptelor din Munții Javorina. Chiar dacă și-au îndeplinit exemplar misiunile de luptă încredințate, pe cele mai grele direcții de ofensivă și în condiții de climă și anotimp deosebit de dificile, trupele române au fost acuzate pe nedrept de către comandamentele sovietice că nu înaintează în ritm normal. Astfel, pe timpul operației ofensive din Javorina, generalul F. F. Jmcenko, comandantul Armatei 40 sovietice, a acuzat Divizia 3 română că ar fi înaintat doar datorită succeselor diviziilor sovietice care o încadrau. În replică, generalul Nicolae Dăscălescu, comandantul Armatei 4 române, a arătat că Divizia 3 munte română s-a situat permanent în vîrful de atac al dispozitivului ofensiv al Armatei 40 sovietice, în subordinea căruia lupta, iar acuzele formulate nu reflectau realitatea de pe câmpul de luptă²⁷. Nici cooperarea de luptă dintre Armata 1 română și Armata 53 sovietică nu a fost lipsită de momente dificile în cadrul operației ofensive din Munții Javorina.

În ultima parte a acțiunilor de luptă din Cehoslovacia s-a înregistrat o îmbunătățire a cooperării de luptă dintre comandamentele române și cele sovietice. Comandamentele armatelor 40 și 53 sovietice au dat o cantitate mai mare de mijloace de întărire diviziilor și corpuriilor de armată române. Pentru reluarea ofensivei din Munții Javorina, Armata 1 română a fost întărită de către Armata 53 sovietică cu 3 brigăzi de artilerie, 1 brigad antitaanc și 4 regimete de aruncătoare Katiușa²⁸, iar în luptele pentru cucerirea Munților Fatra Mică, Corpul 6 armată român a luat în subordine o unitate sovietică, Sectorul 54 fortificații sovietic. Pentru faptele de arme săvârșite și modul în care și-au îndeplinit misiunile încredințate pe teatru de operații din Cehoslovacia, pentru vitejia și spiritul de sacrificiu arătat pe câmpul de luptă ofișerii și ostașii români, marile unități și unități române din compunerea armatelor 1 și 4 române au fost citate prin mai multe ordine de zi de Comandamentul suprem sovietic²⁹.

La 12 mai 1945, armata română se găsea, cu peste 192 000 de militari, în Cehoslovacia și Austria, încadrați în 16 divizii și alte mari unități de aviație, cai ferate etc. O sintetică trecere în revistă a efortului făcut de armata română pentru victoria împotriva fascismului evidențiază un drum de peste 1 700 km străbătuți prin lupte, cu un ritm mediu de 6,5 km pe zi, cucerirea a 20 muntoase, forțarea a 12 mari cursuri de apă, eliberarea a 3 831 de localități, dintre care 53 de orașe. La aceste acțiuni de luptă au participat 538 536 de militari, dintre care 169 822 au fost morți, răniți și dispăruți. Pierderile provocate armelor germane și ungare au fost de 126 529 de militari uciși sau luati prizonieri³⁰. Între 23 august 1944 și 12 mai 1945, Armata română a participat, alături de trupele Armatei Roșii, la luptele împotriva forțelor germane și ungare, situându-se «în al patrulea rând în ceea ce privește numărul de soldați cu care a participat la distrugerea nazismului»³¹.

Relațiile de comandament româno-sovietice din perioada 23 august 1944 – 12 mai 1945 au fost determinate de statutul juridic internațional al statului român, de faptul că România a fost, *de facto*, stat cobeligerant, dar *de jure*, a fost o țară învinsă, aflată sub ocupație³².

Inexistența unui tratat de alianță sau a unei convenții militare care să reglementeze baza juridică a participării României la războiul împotriva celui de al III-lea Reich a influențat, în mod hotărâtor, relațiile de comandament și cooperarea de luptă româno-sovietică. Convenția de armistițiu din 12 septembrie 1944 a consemnat încetarea stării de război dintre România și coaliția Națiunilor Unite, obligația statului român de a participa cu 12 divizii la războiul împotriva Germaniei, dar nu a consemnat nici o clauză care să permită sau nu noilor aliați ingerințe în cadrul general al armatei române. Absența unor clauze clare din Convenția de armistițiu a asigurat Uniunii Sovietice posibilitatea de a-și impune rolul de principal partener în alianța cu România. Subordonarea armelor române operative de către Frontul 2 ucrainean, la 7 septembrie 1944, s-a făcut în lipsa oricărui tratat/convenție care să precizeze relațiile de comandament, modalitățile de cooperare în luptă, asigurarea logistică etc.

Marele Cartier General sovietic a interpretat prevederile Convenției de armistițiu ca pe o subordonare totală a armatei române scopurilor sale. Ca urmare Frontul 2 ucrainean a tratat armatele 1 și 4 române ca fiind elemente componente ale dispozitivului militar sovietic, anulând caracterul de suveranitate al statului român asupra propriilor trupe. Modul în care comandamentele sovietice și-au subordonat și au întrebuințat în luptă marile unități române (pe direcția loviturii principale, obligate să execute lovituri frontale, în cele mai dificile condiții de teren, fără sprijin adevarat de artillerie, aviație și tancuri) încredințându-le misiuni peste forță lor combativă a diminuat capacitatea de luptă a ace-

stora. Gravele greșeli făcute de comandanțele sovietice au provocat mari pierderi umane trupelor române la Oarba de Mureș, la Szolnok sau în Munții Javorina. Comandanții români de armate și de corpuși au luat atitudine față de modul în care comandanțele sovietice au întrebuințat în luptă marile unități române.

Abuzurile, amenintările³³, intervențiile brutale în actul de comandanță, care au mers până la înlocuire sau chiar arestarea generalului Gheorghe Avramescu, comandantul Armatei 4 române, au lezat prestigiul comandanților români și au încălcăt suveranitatea națională. Aceste atitudini au fost amplificate de idei preconcepute, de excesul de zel al unor generali și ofițeri de legătură sovietici, de diferența dintre sistemul de valori specific organizației militare române față de cel al Armatei Roșii. Neîncrederea și suspiciunea față de comandanțele române, controlul excesiv la care au fost supuse, tendința de a minimiza eforturile și victoriile obținute de marile unități române au constituit factori care nu au stimulat existența unor sentimente de prietenie deosebită față de trupele sovietice.

În pofida vexățiunilor și a încercărilor deosebit de grele la care au fost supuse, comandanțele și trupele române și-au îndeplinit cu hotărâre misiunile de luptă. Având convingerea că «interesul general al patriei cere ca fiecare militar să contribuie la cimentarea legăturilor de sinceră prietenie» între, armata română și armata sovietică, ostașul român, de la general la soldat, a înțeles pe deplin interesul național și l-a slujit cu devotament și sânge³⁴.

П р и м е ч а н и я

¹ Gh. Buzatu, Dana Beldiman. *23 august. 1939–1944 / Ed. Mica Valahie*. București, 2003. P. 176.

² Ibid. P. 191.

³ Ibid. P. 195–196.

⁴ Ibid. P. 210.

⁵ Ioan Chiper. *Instrucțiunile date delegației, în 23 august 1944. Studii și controverse / Coord. Gavriil Preda*. Ploiești, 2005. P. 86.

⁶ Vezi pe larg, V. Fl. Dobrinescu. *România și organizarea postbelică a lumii. 1945–1947*. București, 1988.

⁷ Arhivele Militare Române. F. 248. Dosar nr. 1957, f. 296 (În continuare se va folosi pentru Arhivele Militare Române sigla AMR).

⁸ Alesandru Duțu. *Între Wehrmacht și Armata Roșie*. București, 2000. P. 232.

⁹ Ibid. P. 233.

¹⁰ Istorul Florin Constantiniu apreciază că trupele sovietice au luat prizonieri circa 140 000 de militari români după actul de la 23 august 1944; Vezi, Florin Constantiniu. *O istorie sinceră a poporului român*. București, 2002. P. 417.

¹¹ V. Fl. Dobrinescu. *Op. cit.* P. 61.

¹² 23 august 1944. *Documente*. Vol. 1. București, 1984. P. 66–70.

¹³ AMR. F. 4. Dosar nr. 265, f. 119.

¹⁴ Ibid. Dosar nr. 225, f. 34.

¹⁵ Florin Constantiniu. *Op. cit.* P. 433.

¹⁶ AMR. F. 1. Dosar nr. 267, f. 88.

¹⁷ 23 august 1944. *Documente*. Vol. 3. București, 1985. P. 524–525.

¹⁸ AMR. F. 1. Dosar nr. 228, f. 53.

¹⁹ Florin Constantiniu. *Op. cit.* P. 417.

²⁰ AMR. F. 1. Dosar nr. 228, f. 45.

²¹ Ibid. F. 4. Dosar nr. 228, f. 204–245.

²² Ibid. f. 242–302.

²³ Alesandru Duțu. *Op. cit.* P. 314.

²⁴ *Romania in World War, 1939–1945*. Bucharest, 1997. P. 275.

²⁵ *România în anii celui de al doilea război mondial*. Vol. 3. București, 1989. P. 276–277.

²⁶ Gheorghe Romanescu, Nicolae Ciobanu, Alesandru Duțu. *L'armée roumaine dans la campagne de l'ouest, 1944–1945*. Bucharest, 1991. P. 176–180.

²⁷ Alesandru Duțu. *Op. cit.* P. 326.

²⁸ *România în anii celui de-al război mondial*. Vol. 3. P. 283.

²⁹ Ibid. P. 278, 291, 323.

³⁰ *File din istoria militară a poporului român*. Vol. 11. București, 1983. P. 541.

³¹ Sunday Times. 7 ianuarie 1945.

³² Gheorghe Buzatu. *Din istoria secretră a celui de al război mondial*. Vol. I. București, 1988. P. 328.

³³ Generalul Selesniov, șeful de stat major al Armatei 5 aeriene sovietice, a amenințat aviatorii români din cadrul Corpului Aerian «că cine trece la inamic va avea ca primă consecință împușcarea membrilor familiei respective» (Aurel Pentelescu. *Destinul unui zburător*. București, 2002. P. 206).

³⁴ AMR. F. 949. Dosar nr. 126, f. 164.

Резюме

Румыно-советские отношения на уровне военного командования в августе 1944 – мае 1945 г.

Румыно-советские отношения на уровне военного командования в период с 23 августа 1944 по 12 мая 1945 г. были определены мировым юридическим статусом румынского государства, тем что Румыния была *de facto* союзницей стороной, но *de jure* была побежденной страной, находившейся под оккупацией. Отсутствие союзнического договора или военной конвенции, регламентирующей юридическую базу для участия Румынии в войне против Третьего рейха имело решающее влияние в отношениях на уровне командования и на румыно-советское боевое взаимодействие.

Румыно-советское военное кооперирование на уровне командования в рассматриваемый период было эффективным и обеспечило выполнение установленных стратегических целей, несмотря надержанное отношение, скорее всего, подозрение и пренебрежение со стороны советского военного командования по отношению к румынским командующим и войскам. Во время боевых действий проявилась последовательная воля румынского командования и войск, находящихся в его подчинении, эффективно взаимодействовать с союзническими советскими силами.

Второй Украинский фронт рассматривал 1-ю и 4-ю румынские армии как составные части советского военного расположения сил, сведя тем самым на нет суверенность румынского государства по отношению к собственным войскам. Способ, используемый советским командованием для привлечения в сражениях румынских соединений, снизил их боеспособность. Серьезные ошибки, допущенные советским командованием, привели к большим человеческим потерям румынских войск в Оарба де Муреш, в Сольноке или в горах Яворина.

Румынские командиры армий и армейских корпусов высказывали свое недовольство тем, как советское командование использовало в сражениях румынские воинские соединения. Недоверие и подозрение, проявляемые им в отношении румынских командующих, излишний контроль над ними, тенденция минимизировать усилия и победы, одержанные румынскими воинскими соединениями, явились факторами, которые не стимулировали появление особых дружественных чувств по отношению к советским войскам.

Трансильванский вопрос на завершающем этапе Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны Венгрия и Румыния выступали на стороне гитлеровской Германии в качестве ее союзников. Используя национально-территориальные противоречия между ними, Германия стремилась покрепче привязать к себе обе страны, поочередно обещая им решить трансильванский вопрос каждой в ее пользу. Уже летом 1941 г. румынское правительство неоднократно обращалось в Берлин и Рим с просьбой пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Северной Трансильвании, признать законные права Румынии на эту область и «реинтегрировать ее в состав Румынии». Оно готово было пойти на автономизацию края как первый шаг на пути возвращения Румынии Северной Трансильвании.

В ноябре 1941 г. во время визита в Берлин маршал Ион Антонеску и его заместитель М. Антонеску обратились лично к Гитлеру по данному вопросу. Эта тема постоянно присутствовала и в беседах румынского руководства с германским послом в Бухаресте Манфредом фон Киллингером и советником Г. фон Штельзером¹.

Таким образом, война, в которую добровольно втянулись оба сателлита гитлеровской Германии, снова поставила под вопрос судьбу Трансильвании, точнее обеих ее частей, как оставшейся в Румынии южной, так и отошедшей в августе 1940 г. к Венгрии северной, в равной мере. Отныне все зависело от исхода схватки двух коалиций. В случае победы антигитлеровской коалиции решающее значение для всех стран, расположенных в Средней Европе и на Балканах, приобретало отношение к ним СССР, а также и то, как далеко распространится его влияние. Уже в декабре 1941 г. в ходе переговоров британского министра иностранных дел Антона Идена с И. В. Сталиным, последний, судя по недавно опубликованным документам, дал понять, что считает сферой влияния СССР весь регион Восточной и Центральной Европы, подчеркнув одновременно решимость советского правительства восстановить границы, установленные на момент нападения Германии на Советский Союз.

Как свидетельствует протокольная запись беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с главой британской делегации Иденом 16 декабря 1941 г., советская сторона, выдвигая условия заключения военно-политического договора между СССР и Великобританией, в качестве одного из них предложила заключить в будущем военный союз с Румынией с правом СССР «иметь на ее территории военные воздушные и морские базы». В связи с этим Румыния было заявлено, что «объем самой Румынии должен быть увеличен на Западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает 1,5 млн румын... Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне»². Советской стороной предлагалось передать Румынии те районы Северной Трансильвании, которые населены преимущественно румынами. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в начале Отечественной войны Stalin допускал возможность исправления границ между Венгрией и Румынией, установленных Вторым венским арбитражем³, и передачи последней тех районов, где проживало преимущественно румынское население, обусловив это целым рядом условий: разрыв Румынии с гитлеровской Германией, заключение между СССР и Румынией военного договора, предоставление Советскому Союзу на территории Румынии военных и морских баз, а также другие компенсации в пользу СССР⁴. Однако в данном случае необходимо отметить одно обстоятельство, которое препятствовало разделению Северной Трансильвании между странами по этническому принципу: районы Северной Трансильвании с преобладающим венгерским населением находились не в пограничье, а на значительном расстоянии от границ, установленных Трианонским мирным договором 1920 г., возвращения к которым добивалась Румыния. В ноте СССР от 7 июня 1943 г. содержалась весьма осторожная формулировка. «Советское правительство, — говорилось в ней, — не считает в полной мере обоснованным так называемое арбитражное решение, вынесенное 30 августа 1940 г. под диктовку Германии, отдавшее Венгрии Северную Трансильванию»⁵. По-иному повели себя официальные представители Великобритании. В Лондоне исходили из необходимости рассеять страх мадьяр перед новым Трианоном. «Им (т. е. венграм. — Т. П.) следовало разъяснить, — отмечалось в заявлении Форин офис, направленных в Москву, — что союзники не собирались раздробить Венгрию и не хотят наказывать венгерский народ за глупости его правителей»⁶. В противоположность английскому, советское руководство считало, что за несправоцирован-

ную агрессию и за участие в войне на стороне Гитлера, за те бесчинства, что творила оккупационная венгерская армия на советской территории, ответственность должно нести не только венгерское правительство, «но также и венгерский народ в той или иной степени». Однако по тактическим соображениям, исходя из интересов войны и необходимости поощрения оппозиции и движения сопротивления в Венгрии, Москва готова была смягчить свою позицию в трансильванском вопросе, о чем и свидетельствовала вышеупомянутая нота.

С приближением победоносного завершения Великой Отечественной войны вопрос о послевоенном мирном устройстве в Европе и подготовке проектов будущих мирных договоров с Германией и ее союзниками переходил в плоскость решения реальных задач. В начавшихся переговорах о выходе Румынии из войны и ее разрыве с гитлеровской Германией, которые велись в Стокгольме между СССР и представителями румынского правительства, и в Каире с румынской оппозицией, представленной ее эmissаром князем Барбу Штирбеем, вопрос о Трансильвании выдвигался в качестве одной из приоритетных задач. По сообщению посла СССР в Египте Н. В. Новикова, «румыны придают первостепенное значение возвращению Трансильвании»⁷. На этом вопросе Штирбей останавливался почти при каждой встрече с советским послом. В беседе, состоявшейся 29 марта, Штирбей сказал: «Вопрос о Трансильвании дорог сердцу румын и положительное его разрешение подняло бы дух румынской нации». В следующей беседе с послом он прямо спросил Новикова: «Готово ли Советское правительство дать заверения о возвращении этой области Румынии»⁸.

27 марта 1944 г. Красная Армия, форсировав реку Прут, вступила на территорию Румынии. 2 апреля советское правительство заявило: «Красная Армия в результате успешного продвижения вперед вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей СССР. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной между СССР и Румынией в 1940 г. договоренностями, вероломно нарушенными в 1941 г. румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией»⁹. Как видно из этого документа, советское правительство считало вопрос о Бессарабии и Северной Буковине для себя решенным и не подлежащим обсуждению с румынской стороной. Одновременно в заявлении подчеркивалось, что «вступление советских войск в Румынию диктуется исключительно военной необходимостью

и продолжающимся сопротивлением войск противника», и что оно «не преследует приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя...»¹⁰

12 апреля 1944 г. НКИД СССР передал представителю румынского правительства условия перемирия, которые предусматривали разрыв Румынии с Германией и участие совместно с союзными войсками в борьбе против нее; восстановление советско-румынской границы в соответствии с договором 1940 г., возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией румынскими войсками советской территории, возвращение военнопленных и интернированных, обеспечение союзным войскам свободного передвижения по румынской территории в соответствии с военными потребностями, согласие румынского правительства на аннулирование «Венского арбитража» о Трансильвании и оказание помощи в деле ее освобождения¹¹. В письме посла СССР в Египте Н. В. Новикова отмечалось, что 12 апреля 1944 г. Барбу Штирбей, ознакомившись с условиями перемирия, сказал: «...4 пункт советских условий о перемирии, касающийся Трансильвании, несомненно, будет для румын весьма ободряющим»¹². Иной была позиция Великобритании и США. По словам Н. В. Новикова, «англичане и американцы, как кажется, не были настроены давать Румынии обязательства по вопросу о Трансильвании». В своем донесении посол писал: «8 IV—44 г. лорд Мойн (английский представитель на переговорах в Каире), будучи ознакомлен Новиковым с новыми советскими условиями, выразил сомнение по поводу приемлемости 4-го пункта, заметив, что, пожалуй, сейчас преждевременно давать такие ясные и определенные обязательства румынам. К его мнению присоединился и присутствовавший при беседе Стил — представитель Форейн Офис. Мойн сказал, что он не в состоянии дать на это определенный ответ до консультации с правительством. Американский посол Мак-Вег также не решился дать тов. Новикову официальный ответ до получения инструкции от правительства»¹³.

Тем не менее премьер-министр Великобритании У. Черчилль считал нужным без промедления лично обратиться к Молотову. В письме, датированном 10 апреля 1944 г., Черчилль выразил полное согласие с содержанием советского документа: «Я ознакомился с предлагаемыми Вами условиями перемирия в том виде, как они были показаны лорду Мойну г-ном Новиковым в Каире, мы считаем условия хорошими и разумны-

ми...» Глава британского кабинета сделал при этом два весьма существенных замечания. Одно из них — первое — касалось Трансильвании¹⁴. Речь шла о 4-м пункте советского документа, который звучал следующим образом:

«Советское правительство считает решение Венского арбитража неправильным и согласно на совместные действия с Румынией против венгров и немцев в целях возвращения в сей Трансильвании или большей ее части Румынии (курсив и разрядка мои. — Т. П.)»¹⁵.

У Черчилля предложил дополнить пункт, в котором говорилось о Трансильвании, словами «что подлежит утверждению при мирном урегулировании». Пришлось согласиться с этой поправкой, и 11 апреля из Москвы поступила инструкция Новикову внести в документ формулу английского премьера¹⁶.

Кроме того, окончательное решение территориального вопроса У. Черчилль ставил в зависимость от общего урегулирования. «Когда мы сломим мощь нацистов, — заверял он советского наркома, — нам лучше всего будет иметь перед собой полную географическую карту для того, чтобы решать вопрос об окончательном устройстве Европы». Второе замечание касалось контрольного механизма по реализации условий капитуляции и англо-американского участия в нем. Черчилль дал ясно понять, что не собирается предоставлять СССР полную неограниченную свободу в решении румынского вопроса¹⁷.

Таким образом, в ходе каирских переговоров с румынами вопрос о Трансильвании благодаря настойчивости румынского представителя князя А. Штирбя стал одним из центральных.

Однако вялотекущие переговоры по вопросам о перемирии с Румынией затянулись на несколько месяцев, до августа 1944 г., когда подготовка к наступлению Красной Армии на южном участке советско-германского фронта в районе Кишинев — Яссы была в полном разгаре. К этому времени они вовсе лишились всякой динамики. Советская сторона потеряла к ним интерес из-за нежелания румын согласиться сделать конкретные шаги¹⁸.

Параллельно с переговорами о выходе Румынии из войны советское внешнеполитическое ведомство продолжало разработку основ для будущего послевоенного мирного урегулирования.

Планированием политики СССР в послевоенном мире занималась специальная «Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства», созданная в 1943 г. под руководством заместителя народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинова, ставшая в последующие годы, вплоть до начала Мирной конференции в Париже, подлинной лабораторией по выработке идей в сфере стратегии и тактики советской дипломатии, своего рода «мозговым центром» внешнеполитической деятельности советского государства. Здесь же рождались различные варианты, порою достаточно интересные и оригинальные, решения межгосударственных и межнациональных проблем Восточной и Средней Европы в послевоенный период.

В задачу комиссии входила подготовка предложений для высшего руководства страны по вопросам послевоенного мирного урегулирования. Занималась она также и разработкой принципиальных основ позиций Советского Союза в отношении территориального спора между Венгрией и Румынией, конкретных рекомендаций и вариантов решения межгосударственных проблем.

5 июня 1944 г. в комиссии Литвинова была подготовлена для высшего советского руководства справка «О Трансильвании». Об этом свидетельствует круг лиц, которым была разослана эта справка: тт. И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, А. Вышинскому, В. Деканозову. Ограничимся изложением основных выводов и суждений, содержащихся в заключительной части «Справки»¹⁹.

Исходная позиция выглядит следующим образом: 1. Свои притязания на Трансильванию убедительно обосновывают как Венгрия, так и Румыния. 2. Практически исключено решение, удовлетворительное для обеих сторон. Любое разрешение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств. 3. Совершенно исключается раздел по этническому признаку из-за смешанности расселения, «причем везде мадьярское население по численности значительно уступает румынскому». «Мадьярские секлеры» (т. е. секеи), численностью около полумиллиона, занимают компактную территорию, но она расположена на востоке, вдали от венгерских границ. Ввиду этого «нельзя признать удовлетворительным нынешнее положение», созданное Венским арбитражем. Отсюда следует первый важный вывод: а) «Политически представляется невозможным оставить в силе это решение», во-первых, потому, что оно было принято германо-итальянским блоком, а во-вторых, по-

тому, что в таком случае «в выигрыше осталась бы одна Венгрия»; б) решительно невозможно отдать всю Трансильванию, в том числе и южную, Венгрии и восстановить статус-кво, сложившийся до Первой мировой войны, поскольку она «никогда не проявляла ни малейшей склонности к какому бы то ни было сближению с Советским Союзом, а, наоборот, участвовала во всех антисоветских интригах Польши (!?)» Этот несколько спорный тезис уравновешивается стопроцентно справедливым замечанием, что Венгрия выступила против СССР «без малейшего повода»²⁰.

8 июня 1944 г. состоялось заседание комиссии Литвинова, специально посвященное вопросу о Трансильвании²¹. Как видно из материалов, связанных с подготовкой мирных договоров с Румынией и Венгрией, комиссией рассматривались все возможные варианты решения трансильванской проблемы:

1. Северная Трансильвания, отторгнутая от Румынии в результате решения Второго венского арбитража от 30 августа 1940 г., возвращается Румынии.

2. Северная Трансильвания остается в составе Венгрии.

3. Трансильвания выделяется в самостоятельное государство под патронажем СССР²².

Вместе с тем второй вариант с самого начала являлся неосуществимым, так как и СССР, и его западные союзники признали решение Второго венского арбитража аннулированным, т. е. переход Северной Трансильвании к Венгрии незаконным. Однако формулировка о принадлежности Трансильвании (позже она была закреплена в 19-м пункте Соглашения о перемирии, о том, что «вся или большая часть Трансильвании»²³ должна принадлежать Румынии), давала возможность передачи Венгрии части территории, населенной преимущественно мадьярами.

Молниеносный Ясско-Кишиневский прорыв Красной Армии вывел из войны германского союзника — Румынию. Проявив дальновидность, Румыния сразу же примкнула к Объединенным нациям, и смогла внести свой военный вклад в победу союзников в Европе. 27 августа Москва подтвердила согласованные еще в апреле 1944 г. условия перемирия. (Тогда они обозначались термином «условия капитуляции».) Спустя день, 29 августа, в советскую столицу прибыла румынская официальная делегация. Делегацию возглавил видный деятель Коммунистической партии Лукрецию Пэтрэшкану, что, надо признать, было неплохим тактическим ходом со стороны нового руководства Румынии. Полномочные представители

трех союзных держав тщательно обсуждали каждый из пунктов проекта Соглашения о перемирии. 4 сентября на одном из заседаний союзников обсуждались «Замечания Правительства Его Величества к проекту Советского правительства относительно перемирия для Румынии». Содержание статьи проекта Соглашения англичане предложили выделить и оформить в виде отдельной декларации. Смысл предложения сводился к тому, чтобы отложить решение территориального вопроса до мирной конференции, ибо англичане полагали, что декларация является менее обязывающим документом, чем соглашение. Однако советской делегации и в этом важном вопросе удалось отстоять свою позицию, и проект был принят без изменений. В ночь с 12 на 13 сентября 1944 г. в Москве состоялась церемония подписания Соглашения о перемирии с Румынией, 19 статья которого гласила: «Союзные правительства считают решение Венского Арбитража не существующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании. Советское правительство согласно с тем, чтобы румынские войска в этих целях принимали участие в совместных действиях против Германии и Венгрии»²⁴.

В последующий отрезок времени, от заключения Соглашений о перемирии с Румынией и Венгрией вплоть до мирной конференции в Париже летом 1946 г., сакримальная оговорка в скобках («вся или большая часть» Трансильвании) оказалась в эпицентре дипломатической борьбы, завязавшейся вокруг подготовки мирных договоров с побежденными бывшими гитлеровскими сателлитами — Румынией и Венгрией, в которую включились и великие державы-победительницы.

Формулировка без единого изменения была включена в текст Соглашения о перемирии с Венгрией, как часть 2-й статьи, по которой правительству Венгрии предписывалось вывести свои войска, жандармерию и гражданскую администрацию со всех территорий, приобретенных ею после 31 декабря 1937 г. Официальной церемонии подписания, состоявшегося в Москве 20 января 1945 г., предшествовало двухдневное «совещание, посвященное обсуждению условий перемирия с Венгрией», как квалифицировал эту необычную встречу делегаций трех союзных государств и побежденной Венгрии, открывая заседание председательствующий советский нарком Молотов²⁵. Ни обсуждения текста документа, ни споров и дискуссий не было никаких. В течение двухдневных заседаний зачитывался текст довольно объемного проекта Соглашения на двух языках —

русском и венгерском²⁶. Даже глава делегации США посол Гарриман (в ее состав входил также американский дипломат и будущий историк Джордж Кеннан, тогда советник посольства) не задал ни одного вопроса. Не последовало ни одного замечания или вопроса также со стороны британской делегации, хотя она, как известно из предыдущего изложения, имела свои, особые соображения, отличные от советского подхода, по вопросу о корректировке границы в пользу Венгрии с учетом этнического фактора²⁷.

Тем не менее присоединение Северной Трансильвании к Румынии осенью 1944 г. проходило совсем не так гладко, как предполагали те, кто подписал Соглашение о перемирии. Дело дошло до межэтнических столкновений и даже стычек.

Территория Северной Трансильвании была освобождена в ходе военных операций Красной Армии в сентябре—октябре 1944 г. В военных действиях по освобождению Северной Трансильвании участвовали 4-я и 1-я румынские армии, находившиеся в оперативном подчинении 2-го Украинского фронта. Однако переход к мирной жизни был неожиданно прерван насильственными действиями хлынувших в освобожденные районы из Румынии чиновников и военизированных формирований. Первые тревожные сигналы о беспорядках в трансильванских городах и населенных пунктах, оказавшихся во власти румын, стали поступать еще в октябре 1944 г. К началу ноября беспорядки, вызванные стычками новых хозяев страны с венгерским населением, приняли угрожающий размах.

Опьяниенные успехом в борьбе с традиционным врагом Венгрией националисты, потеряв чувство реальности, принялись жестоко мстить поверженному противнику в лице... мирного мадьярского населения.

Приход в край румынских чиновников, жандармов, полувоенных формирований, ознаменовался кровавыми столкновениями между румынами и мадьярами. Особенно отличились жестокостью отряды так называемой «Гвардии Мани»²⁸. Созданные в начале октября 1944 г. в качестве вспомогательных частей румынской армии, полувоенные добровольческие отряды получили такое название, поскольку имя Мани было своеобразным символом принадлежности Трансильвании Румынии. Уроженец края Юлиу Маниу еще во времена Франца Иосифа Габсбурга был одним из лидеров ирредентистского (сепаратистского) движения трансильванских румын за присоединение области к Румынии, а в октябре 1918 г. возглавил Национальный совет трансильванских румын. Когда преступные

дения гвардейцев, гордо носивших его имя, получили широкую огласку, послужив причиной «новой национальной катастрофы», именно так воспринималось в Бухаресте упразднение румынской администрации в Северной Трансильвании, сам вождь оппозиции и лидер крупнейшей Национальной крестьянской партии (НЦП), разумеется, всячески отмежевался от этих вооруженных румынских националистов. В письмах к высокопоставленным советским лицам он клялся, что не только не имел никакого отношения к «Гвардии Маниу», но не давал своего согласия на это название²⁹.

В октябре 1944 г. в ходе переговоров о предварительных условиях Соглашения о перемирии с Венгрией венгерская делегация, которую возглавлял генерал Г. Фараго, передала советскому генерал-лейтенанту Ф. Ф. Кузнецкову две вербальные ноты от 14 и 23 октября, адресованные трем союзным лержавам, содержащие просьбу «принять необходимые меры к тому, чтобы венгерское население на эвакуированных территориях было спасено от зверств, совершаемых румынами, в особенности членами румынской организации под названием “Волонтеры д-ра Юлиу Маниу”»³⁰.

В официальной румынской версии говорилось о нападениях «венгерских националистов», нередко с применением огнестрельного оружия, на гражданских лиц и чиновников-румын. Между тем в октябрьские дни 1944 г. демократическая печать Румынии была полна сообщениями о жестокостях и насилиях, совершившихся в «освобожденной» Северной Трансильвании фашистскими и полуфашистскими элементами из отрядов «гвардейцев Маниу». Не исключено, конечно, что левая бухарестская пресса, желая дискредитировать вождя оппозиции, пристрастно расписывала лишь эксцессы со стороны «гвардейцев Маниу» и была весьма тенденциозна. На это, в частности, указывает Ульрих Бургер, специалист по румынской истории из ФРГ³¹. И все же достаточно убедительным представляется содержащееся в заявлении А. Я. Вышинского от 12 ноября 1944 г. утверждение: «В Трансильвании появился какой-то отряд, который чинит самоуправные преступные действия, который именует себя отрядом имени Маниу»³².

Более чем вероятно, что не одни только мадьяры подвергались нападениям в ходе столкновений, спровоцированных славными гвардейцами³³. Известно, что в период хортистского владычества в Северной Трансильвании (1940—1944 гг.) десятки румын стали жертвами венгерской оккупации.

ционной армии и венгерской жандармерии. Однако за преступления хортистских властей расплачивалось мирное венгерское население. Даже упомянутый выше современный немецкий историк У. Бургер, оглядываясь назад и основываясь на действительных фактах событий октября—ноября 1944 г., указывает, что в Румынии «ненависть к венгерскому меньшинству была широко распространена»³⁴. Нетрудно догадаться, что последнее отвечало взаимностью.

Руководство компартии Румынии летом 1945 г., уже после того, как обстановка нормализовалась и страсти более или менее улеглись, констатировало, что в эксцессах повинны представители обеих национальностей, заняв благодаря этому соломонову решению достаточно удобную и безопасную для себя позицию, поскольку она предупреждала возможные обвинения со стороны ВКП(б) в недостаточной верности принципам пролетарского интернационализма³⁵. Уже 4 октября 1944 г. на заседании правительства в Бухаресте министр внутренних дел Румынии Н. Пенеску докладывал о насильственных акциях полу военных отрядов «Гвардии Маниу» в отношении мирного венгерского населения. В результате резко обострились межнациональные отношения. Опираясь на статью Соглашения о перемирии, устанавливающую, что в тылу Красной Армии в радиусе 50—100 км от линии фронта действует советская военная администрация, 16 октября 1944 г. советское командование отдало распоряжение румынским властям оставить город Клуж, освобожденный 12 октября 1944 г., что и было сделано³⁶.

12 ноября маршал Родион Малиновский от имени Союзной Контрольной Комиссии дал указание правительству Санатеску немедленно очистить территорию от румынской администрации, которая пришла сюда в октябре 1944 г. вслед за советскими войсками. Маршал заявил, что не намерен терпеть беспорядки в непосредственном тылу своих наступающих армий. В момент издания рапорта Р. Я. Малиновского Северная Трансильвания находилась буквально на пороге гражданской войны, которая неминуемо обернулась бы национальной катастрофой для мадьяр.

Стоит отметить, что еще до обнародования приказа Малиновского от 12 ноября 1944 г. советские офицеры на местах решительно пресекали не только бесчинства пресловутых гвардейцев, но и самоуправство органов власти румынского государства. В ноябре после выдворения румынской администрации советскими военными органами были назначены новые главы местной администрации (префекты), среди которых было также немало мадьяр.

Существует мнение в румынской литературе, отчасти также в западной, что население Северной Трансильвании, в котором преобладал мадьярский элемент, пользовалось большей политической свободой, чем другие области той же Румынии³⁷. Можно сказать, что в данном случае советское руководство проявило способность реагировать на национальную специфику в освобожденной провинции страны.

Разумеется наведение порядка в прифронтовой полосе, каковой осенью 1944 г. была вся территория Трансильвании, являлось безусловной военной необходимостью, так же как и недопущение эксцессов на национальной почве. Однако у советского руководства была и иная цель, перспективная и не столь бескорыстная, достижение которой позволяло Советскому Союзу утвердить свое влияние в Румынии. И, скорее всего, Трансильвания для Москвы была средством, а не целью. Поэтому в речах и заявлениях полномочного представителя Москвы А. Я. Вышинского, прибывшего в Бухарест в этот сложный период, упор делался не на упущения румынских властей в освобожденной Трансильвании, а на неспособность правительства Румынии реализовать условия перемирия³⁸, по просту говоря, управлять страной. Поэтому правительство, неизменно именуемое коммунистической печатью «реакционным», следовало заменить, причем немедленно, демократическим, левым и... руководимым коммунистами. Свержение действующего правительства, замена его прокоммунистическим и было главной целью очередного визита советского замнаркома А. Я. Вышинского в Бухарест в конце февраля — начале марта 1945 г. Этой цели служил также подрыв позиций сильнейшей буржуазной партии Румынии — национал-царанистской во главе с Маниу, сначала в Трансильвании, а затем и в центральных областях. С введением советской военной администрации в крае произошло массовое увольнение прежних руководителей местных учреждений и замена их новыми из коммунистов или сочувствующих им. Эту работу успешно проводило Политуправление 2-го Украинского фронта. После изгнания всей администрации, установленной румынским правительством на территории Северной Трансильвании, где, как известно, «бандами легионеров "Юлия Маниу" вместе с жандармами» проводились грабежи и издевательства над венгерским населением, Политуправление фронта в донесении от 4 декабря 1944 г. Главному политуправлению Красной Армии сообщало: «Нам удалось укомплектовать примарии, префектуры и полицию, поставив во главе их честные демократические элементы (например, в целом ряде сёл)»³⁹.

Действия советских властей в ходе ноябрьского кризиса в Трансильвании ряд зарубежных исследователей трактуют исключительно с точки зрения реализации далеко идущих планов Кремля. Сталин и Молотов, пишет немецкий исследователь У. Бургер, поняли стратегическое значение спорной территории, решив использовать ее для того, чтобы добиться смены правительства в Румынии и ее разрыва с державами «оси»⁴⁰.

В таком же ключе интерпретируется румынскими историками эпизод с изгнанием из Северной Трансильвании румынских чиновников и введением советской военной администрации в ноябре 1944 г. По их мнению, в руках советского руководства край служил своеобразным «залогом», с помощью которого Москва добивалась послушания румынских и венгерских коммунистов⁴¹. Указанный тезис, выделяющий лишь один, пусть действительно важнейший, аспект советской политики в трансильванском вопросе, все же, на наш взгляд, несколько упрощает картину. Об этом можно судить, в частности, и по документам, недавно опубликованным в Бухаресте⁴². Советская политика в Трансильвании отнюдь не исчерпывалась только лишь стремлением Москвы использовать ситуацию в своих целях. Каковы бы ни были мотивы, которыми правительство СССР руководствовалось в то время, оно сыграло безусловно положительную роль в демократизации политического строя Румынии и Венгрии, и своими решительными действиями положило конец бесчинствам в Трансильвании.

Позиция московского дипломатического ведомства по трансильванскому территориальному вопросу была сформулирована 12 ноября 1944 г. в беседе А. Я. Вышинского с премьер-министром Румынии К. Сэнэtesку: «Статья 19 Соглашения (о перемирии с Румынией. — Т. П.) не вызывает никакого сомнения. Здесь говорится, во-первых, что решение Венского Арбитража считается несуществующим и что союзные правительства согласны с тем, чтобы Трансильвания, вся или большая ее часть, былаозвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании. Однако порядок, время, сроки возвращения Трансильвании должны быть установлены особо, и сама передача власти должна проходить организованным порядком, а не односторонне и произвольно»⁴³.

28 ноября 1944 г. генерал-полковник В. П. Виноградов в письме к председателю Совета министров Румынии К. Сэнэtesку указывал, что «время и способ установления румынской администрации на территории Северной Трансильвании должен быть решен посредством переговоров между правительствами Советского Союза и Румынии»⁴⁴.

Между тем Москва нисколько не спешила с переговорами по этому поводу, тем более с передачей румынам Северной Трансильвании. Мотивы очевидны. «Вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен являться *важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство* (курсив мой. — Т. П.) не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и *области проведения им внутренней и внешней политики* (курсив мой. — Т. П.)», — отмечалось в письме наркома иностранных дел РСФСР А. И. Лаврентьева от 26 декабря 1944 г. А. Я. Вышинскому⁴⁵.

Передаче края Румынии решительно воспротивилось также высшее военное руководство СССР. В другом письме к Вышинскому от 31 декабря вышеупомянутый Лаврентьев сообщал: исходя из чисто военных соображений Генеральный штаб Красной Армии пришел к заключению, что «передача в настоящее время Северной Трансильвании для нас невыгодна (подчеркнуто мной. — Т. П.)»⁴⁶. Одной из главных причин, побудивших генштаб занять подобную позицию, было стремление иметь в своих руках эффективный рычаг давления на союзную румынскую армию. «Совместно с Красной Армией сражаются две Румынские армии, которые по заявлению тов. Штеменко, воюют плохо и *стимулом для них сейчас является предстоящая передача Северной Трансильвании* (курсив мой. — Т. П.). Если этого стимула не будет, то румынская армия будет сражаться еще менее эффективно», — говорится в письме А. И. Лаврентьева Вышинскому⁴⁷. Лаврентьев счел необходимым также обратить внимание А. Я. Вышинского на то, что «в записке о Трансильвании, составленной комиссией тов. Литвинова в июле м-ре с. г. (речь идет, вероятно, о справке от 5 июля 1944 г., о которой мы упоминали выше. — Т. П.), не было дано ответа на вопрос о том, какая именно часть Северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области (курсив мой. — Т. П.)»⁴⁸. Этот важнейший для мадьярского меньшинства в Румынии и для венгерской нации в целом вопрос, к сожалению, не получил в дальнейшем развития. Существенно, что он поднимался в конкретной обстановке, когда судьба Северной Трансильвании стала предметом оперативных решений, и что ставился он теми ответственными сотрудниками советского НКИДа, которым пришлось им заниматься конкретно и вплотную. Однако он был обойден вниманием комиссии Литвинова, в многочисленных справках которой по каким-то неизвестным причинам нет ни единой рекомендации насчет

реализации упомянутой нами и неоднократно цитируемой части фразы статьи 19 Соглашения о перемирии. Одну из причин такого «невнимания», можно, предположительно, узреть в неясности, неопределенности, и даже двусмыслинности самой формулировки той части статьи, которая была заключена в скобки (напомним, в скобках говорилось: «Трансильвания, вся или большая ее часть» должна принадлежать Румынии).

Косвенное подтверждение этой гипотезы содержится в одном из пунктов приведенного выше письма, в котором его автор, Лаврентьев, обращает внимание Вышинского на возможность произвольного по существу толкования 19 статьи. Для ясности этого далеко не ясного вопроса приведем пункт рекомендаций советского дипломата полностью: «2. Статью 19-ю Соглашения о перемирии, в которой признается несуществующим Венский Арбитраж, с точки зрения юридической *можно толковать так*, что вся Северная Трансильвания до мирного урегулирования должна быть передана Румынии, *не считаясь с этническим характером этой области*, поскольку этой статьей не признается отторжение Северной Трансильвании от Румынии. Понятно, что *часть уездов Сев. Трансильвании при первой передаче могла бы пока не возвращаться* (курсив мой. — Т. П.), если в этих уездах имелась особая заинтересованность Красной Армии по мотивам военного порядка»⁴⁹. Обращают на себя внимание три момента: во-первых, возможность *различной интерпретации Соглашения о перемирии с Румынией, т. е. международно признанного документа*, во-вторых, прямая рекомендация при решении пограничных проблем *полностью игнорировать этнический принцип*, и не передавать Румынии до заключения мира некоторые уезды «по мотивам военного характера». В-третьих, советская сторона могла бы сослаться, в случае необходимости, на *этнический принцип*, тот самый, который в том же документе отвергался вообще.

Как следует из письма Лаврентьева, накануне Вышинский дал ему указание о подготовке проекта решения Государственного комитета обороны по передаче Румынии Северной Трансильвании. На основании указания высшего советского руководства Генеральный штаб Красной Армии разработал проект предложений по этому вопросу⁵⁰. Можно полагать, что все эти мероприятия были связаны с предстоявшим тогда визитом в Москву румынской делегации во главе с коммунистом Г. Георгиу-Дежем. 4 января на своей даче И. В. Сталин принимал Г. Георгиу-Дежа, Ану Паукер и Г. Апостола. К сожалению, мы не располагаем неко-

торыми принципиально важными документами, в частности записью беседы И. В. Сталина с румынской делегацией, упоминание о которой есть в дневнике Георгия Димитрова. Сталин, как известует из записи Г. Димитрова от 4 января 1945 г., «дал совет румынской делегации, чтобы она убеждала политические силы Румынии, что, если будет создано правительство Национально-демократического фронта, то СССР поможет, чтобы Трансильвания была румынской»⁵¹. Таким образом, восстановление румынской власти в Трансильвании стало центральной проблемой всей внутриполитической жизни страны и ее внешнеполитической деятельности; от того, кому, какой партии, каким политическим силам удастся добиться благоприятного исхода борьбы, в значительной мере зависело решение вопроса о том, каким будем режим в послевоенной Румынии, кто будет находиться у власти в этой стране. Трансильванский вопрос оказался в фокусе острейшего в послевоенной румынской истории политического кризиса. Введение военной администрации в Северной Трансильвании в ноябре 1944 г. «позволило СССР использовать вопрос о принадлежности Трансильвании в качестве инструмента для оказания воздействия на политическую борьбу в Румынии».

Любопытно, что советская сторона до самого последнего момента затягивала решение проблемы. Москва не торопилась отменять советский военный режим в Трансильвании. Установление сроков «введения румынской администрации в Северной Трансильвании», как писали высокопоставленные советские дипломаты, «органически связан со всеми другими вопросами, касающимися выполнения соглашения о перемирии»⁵².

Этим можно объяснить отсутствие полной ясности в вопросе о том, какую именно часть Северной Трансильвании следовало бы отдать Румынии, несмотря на сакримальную 19 статью. «В настоящее время нет материалов, которые могли бы дать определенный ответ, какая именно часть Северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области (курсив мой. — Т. П.)». Так оценивалась ситуация А. И. Лаврентьевым в его письме Вышинскому от 31 декабря 1944 г.⁵³ Сомнения в интерпретации 19 статьи полностью в пользу Румынии возникли не только в связи с событиями в Трансильвании, но и с тем, что в Венгрии к власти пришло угодное Кремлю, сформированное фактически в Москве Временное национальное правительство. Данное обстоятельство меняло по-видимому и подходы правительства СССР к решению грансильванской проблемы, что почувствовали и в Бу-

харесте, и румыны выразились по этому поводу более определенно, чем высокопоставленные московские дипломаты. Напомню, российский нарком Лаврентьев рекомендовал комиссии «специально заняться» трансильванским вопросом. Клужский обком сделал выводы вполне конкретные. «...После ухода румынских властей, естественно, что *после создания демократического правительства в Венгрии, Северная Трансильвания должна быть под руководством этого правительства* (курсив мой. — Т. П.)», — писал Н. Гольдбергер в докладе ЦК РКП, копия которого была направлена в Политотдел СКК в Румынии, а оттуда Вышинскому и В. Зорину⁵⁴.

Но как только стараниями А. Вышинского к власти в Бухаресте пришло угодное Москве правительство, надобность в дальнейшем сохранении советской администрации тотчас же отпала. 5 марта ночью, через день после того, как король отказался утвердить список министров, представленных П. Грозой, последний сообщил королю об обещаниях СССР в случае утверждения его кабинета: возвращение Северной Трансильвании, восстановление румынского контроля над транспортной системой, «мягкое» применение условий перемирия. Обещания эти были подкреплены угрозой Вышинского, что в противном случае он едва ли может отвечать за то, что сохранится «Румыния» как независимое государство⁵⁵.

6 марта 1945 г. под прямым нажимом Вышинского, находившегося в кульминационный момент политического кризиса в румынской столице, король, уступив давлению Москвы, вынужден был утвердить правительство во главе с Петру Гроза, лидером Фронта земледельцев. Уроженец Трансильвании, выпускник Будапештского университета, Гроза поддерживал тесные связи с демократическими кругами Венгрии и Трансильвании; последние, в свою очередь, выступали в его поддержку. Приход к власти П. Гроза, убежденного в том, что Трансильвания должна быть между двумя народами «не стеной», их разделяющей, «а мостом», призванным объединить румын и мадьяр, коренным образом изменил ситуацию. 8 марта новый премьер направил И. В. Сталину телеграмму, в которой сообщил об обязательстве правительства Румынии «позаботиться о защите прав национальностей Трансильвании»⁵⁶. Одновременно выражалась просьба восстановить власть румынского государства на этой территории. Ответ Москвы последовал мгновенно; в телеграмме Сталина, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной Румынское правительство берет на себя ответ-

ственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское правительство постановило ходатайство Румынского правительства удовлетворить»⁵⁷. 9 марта 1945 г. И. В. Сталин, по некоторым сведениям, дал указание командующему 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновскому о допуске в Трансильванию администрации нового румынского правительства.

13 марта 1945 г. в г. Клуже, главном административном и политическом центре региона, состоялось празднование установления румынской политической администрации в Северной Трансильвании, на котором присутствовали новый премьер-министр правительства П. Гроза, король Румынии Михай, советские представители А. Я. Вышинский и генерал-полковник И. З. Сусайков. Английские и американские представители отказались от поездки в г. Клуж, сославшись на то, что ими не были получены санкции от своих правительств, что было расценено руководством исторических партий как демонстрация отрицательного отношения англо-американцев к правительству П. Гроза и действиям советских представителей в Румынии, хотя руководители трансильванских царанистов и либералов, испросив разрешения у П. Грозы на допуск их делегаций на торжества в Клуже, приняли в нем участие⁵⁸.

Левый в тогдашних условиях кабинет Грозы—Тэтэреску, пришедший к власти под энергичным нажимом Москвы и вопреки воле короля, тесненный на политической арене так называемыми историческими партиями, в самом деле нуждался в поддержке извне, и прежде всего в трансильванском вопросе. Как уже указывалось выше, само образование этого правительства стало в известной мере возможным благодаря тому, что управление Северной Трансильванией было передано Советским Союзом Румынии. Хотя бухарестские правители публично восторгались «великодушным актом» советского правительства, на самом деле вопрос далеко еще не был решен. Об этом, кстати, напомнило заявление на пресс-конференции 12 марта 1945 г. государственного секретаря США Стеттиниуса о том, что восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании не меняет ее международного статуса. Не оспаривали этого и советские дипломаты, признававшие, что введение румынской администрации не является обязательным условием для заключения мирного договора⁵⁹.

Можно с уверенностью сказать, что смена кабинета в Бухаресте весной 1945 г., результатом которой было установление в Румынии просоветского режима, сыграла не последнюю роль в окончательном решении трансильванского вопроса в пользу румын, так же как и неблагоприятный с точки зрения Москвы расклад политических сил в Венгрии после выборов, прошедших в ноябре 1945 г., на которых венгерские коммунисты потерпели поражение, а победу одержала оппозиция во главе с Партией мелких сельских хозяев⁶⁰.

Примечания

¹ *Campus E. Din politica externă a României. 1913—1947.* Buc., 1980. P. 561—563.

² СССР и германский вопрос. 1941—1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 127; Ржешевский О. А. К истории англо-советского договора // Вторая мировая война. М., 1995. С. 139—142.

³ См. подробнее: Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999. С. 297—332.

⁴ СССР и германский вопрос. 1941—1949... С. 137.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 08. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 74.

⁶ Там же.

⁷ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. Документы российских архивов. 1940—1946. М., 2000. С. 232.

⁸ Там же.

⁹ Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 395.

¹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. 1 января — 31 декабря 1944 г. М., 1946. С. 105.

¹¹ Там же.

¹² Трансильванский вопрос. С. 232.

¹³ Там же.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 31. Д. 363. Л. 12.

¹⁵ Там же. Ф. 125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. Л. 65.

¹⁶ Там же. Л.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1. 1944—1948 гг. Москва—Новосибирск, 1997. С. 55—58.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 10. Д. 44. Л. 64, 83—90. Опубл.: Трансильванский вопрос. С. 233—237.

²⁰ Трансильванский вопрос. С. 236.

²¹ См. подробнее: *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Трансильванский вопрос. По материалам Комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 года // Новая и новейшая история*. 2006. № 2. С. 58—70.

²² Трансильванский вопрос. С. 238—245.

²³ *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе*. М., 1994. С. 105.

²⁴ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. 1945. Л. 55. Документ опубликован: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 110.

²⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. 1945. Л. 17.

²⁶ Там же. Л. 28—34, 35—41, 42—52.

²⁷ Там же. Л. 27.

²⁸ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944—1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 45.

²⁹ Там же.

³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 98. П. 61. Л. 37, 59.

³¹ См.: *Burger U. Politische Zielsetzungen sowjetischer Nationalitätenpolitik in Nord-siebenbürgen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde*. 1999. Bd. 22. Hft. 1. S. 131.

³² Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. С. 45.

³³ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 42. Л. 11.

³⁴ *Burger U. Op. cit. S. 60.*

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 156.

³⁶ *Burger U. Op. cit. S. 63.*

³⁷ *Ibidem.*

³⁸ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 88.

³⁹ Трансильванский вопрос. С. 226—227.

⁴⁰ *Burger U. Op. cit. S. 52.*

⁴¹ Sâlăgean M. Administratia sovietică în Nordul Transilvanien (noiembrie 1944 — martie 1945). Cluj—Napoca, 2002. P. 39.

⁴² См.: România, marea sacrificii al celui de-al doilea război mondial. Documente / Ed. M. R. Mocanu. Buc., 1994. P. 310—324.

⁴³ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. С. 46.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 186.

⁴⁵ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. С. 65.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Трансильванский вопрос. С. 287.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 287—288.

⁵¹ Димитров Г. Дневник. 9 марта 1933 — 6 февраля 1949. София, 1997. С. 458.

⁵² Трансильванский вопрос. С. 269.

⁵³ Там же. С. 287.

⁵⁴ Там же. С. 271.

⁵⁵ Fülop M. A Sebestyen — missziko // Világörténet. 1987. № 3. 143 old.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34^a. П. 153⁶ Д. 4. Л. 113.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Трансильванский вопрос. С. 299—300.

⁵⁹ Fülop M. Transilvania and the Great Powers — 1945 (Petru Groza and the Hungarian – Rumanian Frontier issue // Danubian Historical Studies. 1988. Vol. 2. № 2. P. 42.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 116. Д. 10. Л. 2.

Боевые действия Красной Армии в Румынии осенью 1944 года и проблема выхода Венгрии из войны

Решающим фактором, предопределившим место Венгрии в Версальской системе международных отношений, явился, как известно, Трианонский мирный договор 1920 г., в соответствии с которым волею держав-победительниц соседним странам были переданы обширные территории (Трансильвания и Банат, Словакия, Хорватия, Воеводина, Закарпатская Украина, Бургенланд), в эпоху дуализма относившиеся к венгерской половине монархии Габсбургов и управлявшиеся в 1867—1918 гг. из Будапешта. Территория нового венгерского государства составила около 30% площади исторического Венгерского королевства (так называемых земель короны «святого Стефана—Иштвана», а также хорватских коронных земель). К 1920 г. здесь проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, обладавшие прежде ограниченной автономией, а также сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности в Южной Словакии и Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ). Так, каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства. Таким образом, несмотря на усилия международных экспертов, представивших участникам Версальской конференции результаты изучения расселения этносов в регионе, установленные границы явно не могли удовлетворить все заинтересованные стороны, что содержало в себе зародыш будущих конфликтов, способных подорвать с трудом достигнутое равновесие сил в Дунайском бассейне. Что же касается Венгрии, неизменно претендовавшей на доминирующие позиции на востоке Центральной Европы, то она по итогам Первой мировой войны понесла наибольшие территориальные потери и была низведена до положения малого государства; соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли ее по площади и по численности населения.

Влияние Трианонского договора на венгерское национальное сознание трудно переоценить. Оно во многом базировалось на представлениях о нерушимости «коронных земель» в их средневековых границах и, как пишет современный венгерский историк Л. Контлер, «было скроено по образцу, вполне соответствовавшему миросощущению граждан среднего по размерам государства с 20—30-миллионным населением» и «испытalo ужас ментальной клаустрофии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн граждан»¹. Неудивительно, что внешняя политика хортистского режима, направленная на ревизию трианонских границ (а пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия), была всецело поддержанна общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии договора 1920 г. имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим инструментом достижения национального единства.

Остававшееся неизменным на протяжении всего межвоенного периода требование пересмотра Трианонского мирного договора предопределило внешнеполитические ориентации хортистского режима, его сближение сначала с фашистской Италией, договор с которой в 1927 г. вывел Венгрию из внешнеполитической изоляции², а затем и с нацистской Германией, стремившейся, как и Венгрия, к ревизии Версальской системы. При содействии Германии и Италии режиму Хорти удалось в 1938—1941 гг. вернуть часть отторгнутых земель, в том числе и Северную Трансильванию, присоединенную к Венгрии волевым решением в результате Второго венского арбитража в августе 1940 г.³ Таким образом, политика сближения с державами «оси» принесла некоторые видимые плоды, хотя и далеко не в полной мере удовлетворившие ревизионистские аппетиты хортистской политической элиты, но все же давшие официальному Будапешту основания продолжать свой прежний курс.

Это не означало, что в окружении регента Миклоша Хорти не было людей, настроенных антигермански. Последовательным сторонником ориентации на Великобританию и США, немало сделавшим в 1942—1944 гг. для наведения мостов с этими странами, был прямой потомок трансильванских князей граф Иштван Бетлен, премьер-министр в 1921—1931 гг. Другой выдающийся политический деятель эпохи Хорти, граф Пал Теле-

ки, воспользовался союзом с Германией для частичной реализации ирредентистских планов — именно в период его второго премьерства (1939—1941 гг.) Северная Трансильвания перешла под венгерскую юрисдикцию. Вместе с тем, будучи убежденным консерватором англофильского толка, граф Телеки не переставал в душе оставаться сторонником западных демократий в их противоборстве с Гитлером. Это почувствовали и некоторые из его зарубежных партнеров. После венгерско-итальянских переговоров, состоявшихся в 1940 г., министр иностранных дел Италии Чиано записал в дневнике: «Телеки не скрывает своих симпатий к западным державам и как чумы боится побед немцев»⁴.

В начале апреля 1941 г., в знак протesta против диктата Германии, требовавшей от Венгрии пропустить через свою территорию соединения вермахта и тем самым склонить ее к участию в войне с Югославией, Телеки застрелился в своей резиденции. Договор о мире и вечной дружбе между Венгрией и Югославией, подписанный незадолго до этого, был нарушен, и Венгрия фактически вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии⁵. После молниеносной балканской кампании вермахта хортистская политическая элита, уверовав в непобедимость германского оружия, сделала ставку на дальнейшее укрепление союза с Третьим рейхом. В конце июня 1941 г., через считанные дни после нападения Германии на СССР, Венгрия также объявляет войну СССР⁶, не поддавшись на соблазнительное предложение советской стороны — уже 23 июня В. М. Молотов пригласил к себе венгерского посла И. Криштофи и заявил ему, что в случае нейтралитета Венгрии Советский Союз в ходе послевоенной мирной конференции будет поддерживать все венгерские требования в отношении Трансильвании⁷.

Ситуация начала меняться в 1942 г., когда стали очевидными не только затяжной характер войны на Восточном фронте, но и непредсказуемость ее конечного результата. Прогермански настроенного Л. Бардошли на посту премьер-министра Венгрии сменил М. Каллаи, вскоре предпринявший первые шаги по установлению контактов с Великобританией и США с целью выяснения возможностей выхода страны из войны. Политика балансирования между Германией и противостоявшими ей западными державами значительно активизировалась с весны 1943 г., после поражений немцев под Сталинградом и разгрома второй венгерской армии на Дону (около 80 тыс. венгерских солдат погибло в январе 1943 г. в ходе наступательной операции Красной Армии), а особенно после битвы под Курском, когда поражение Германии в войне вызывало во всем

мире все меньше сомнений. Надо сказать, что Сталинград привел в действие механизмы тайной дипломатии не только Венгрии, но и других союзников Германии, заставил их искать конкретные пути выхода из войны, прорабатывать разные варианты, выискивать удобный момент, и делать все это иногда в координации друг с другом — можно напомнить, в частности, о поездке Каллаи в Италию в апреле 1943 г., его встречах с графом Чиано и папой римским⁸. В течение 1943 г. как по дипломатическим каналам, так и через разведывательные службы предпринимаются многочисленные попытки выйти в нейтральных странах (Швейцарии, Турции, Швеции, Португалии) на контакт с представителями Великобритании и США и запросить об условиях такого сепаратного мира с этими державами, который гарантировал бы неучастие Красной Армии в оккупации страны силами антигитлеровской коалиции. Советский Союз предполагалось заведомо исключить из переговорного процесса — в Будапеште считали недопустимым, чтобы условия перемирия диктовала Москва⁹. Расчет делался на высадку войск США и Великобритании на Адриатике и их последующее продвижение к центру Европы. Допускалась также возможность переброски по воздуху нескольких англо-американских дивизий¹⁰.

Выход Италии из войны в начале сентября 1943 г. побудил Венгрию еще интенсивнее искать пути сближения с западными державами, что, однако, отнюдь не гарантировало скорого успеха внешнеполитическим начинаниям Каллаи. Представители Великобритании и США долгое время не выражали решимости не только к подписанию, но даже к обсуждению на официальном уровне условий какого-либо сепаратного соглашения с Венгрией, в целом соблюдая договоренности с СССР и настаивая в соответствии с этими договоренностями на переговорном процессе с участием Советского Союза. В основе такой позиции лежало нежелание осложнять из-за Венгрии отношения со Сталиным (в Москве знали о многих из предпринимавшихся хортистами шагов из донесений разведки, а иногда получали информацию и по официальным дипломатическим каналам). Надо сказать, что в Будапеште в 1943 г. несколько преувеличивали противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции, ошибочными оказались и расчеты на то, что СССР в результате тяжелой войны ослабнет настолько, что условия мирного урегулирования будут диктовать исключительно США и Англия; роль советского фактора в послевоенной Европе, таким образом, недооценивалась.

Скептицизму западных демократий в отношении перспектив сотрудничества с хортистской Венгрией способствовало и поначалу не слишком

скрывавшееся в ходе тайных контактов стремление хортистов получить гарантии сохранения политического режима, существовавшего в стране, а также явное нежелание идти на компромисс в вопросе о послевоенных границах Венгрии. Даже после неудач на фронтах Второй мировой войны хортистское правительство не сразу отказалось от идеи восстановления Венгрии в границах до 1918 г., лишь в 1943 г. в Будапеште начинают прорабатываться альтернативные проекты, в том числе о создании Дунайской Федерации, в которой Венгрия играла бы доминирующую роль. Такой план перекликался с относившейся к тому же времени идеей Черчилля о возможном образовании в Центральной Европе федеративного государства, однако вызывал настороженное отношение антифашистских политических элит соседних стран. Так, представитель югославского королевского правительства в Анкаре Шуменкович говорил 7 июля 1943 г. послу СССР в Турции С. А. Виноградову, подчеркивая: новый венгерский план «показывает, что Венгрия этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями»¹¹.

С большей готовностью западные демократии шли на контакт с представителями венгерской оппозиции — например, лауреатом Нобелевской премии 1937 г. по медицине А. Сент-Дьерди, который в 1943 г. в ходе встреч с англо-американскими эмиссарами в Турции не связывал себя официальными установками хортистского режима. Стремясь придать своему правлению более привлекательное лицо и из тактических соображений про демонстрировать западному миру свою способность к демократической эволюции, хортисты вышли на контакт с некоторыми представителями оппозиции и, в частности, склонили к участию в переговорах проживавшего в Стокгольме с чехословакским паспортом и служившего в британском посольстве видного деятеля венгерской социал-демократической эмиграции, наркома обороны Венгерской Советской республики 1919 г. Вильмоша Бема, что, однако, тоже не имело большого эффекта. Бем согласился работать в интересах будущего Венгрии, не скрывая при этом — он продолжает оставаться сторонником кардинального переустройства политической системы страны, что, конечно, делало проблематичным выполнение им какой-либо миссии от имени режима Хорти. Контакты Бема с англичанами были расценены в Будапеште как бесперспективные, поскольку выдвинутое Лондоном и принятое Бемом требование о смене режима сочли неприемлемым. Венгерский дипломат Уллейн-

Ревицкий, готовивший в интересах спасения хортистского режима переговоры Бема с англичанами, получил в мае 1943 г. из Будапешта инструкцию: «Позиция венгерского правительства и на нынешнем решающем этапе войны остается неизменной — самая большая служба, которую вы можете сослужить, заключается в том, чтобы всеми средствами стараться сохранить существующий в стране строй, его руководящие органы, государственный аппарат, чтобы в послевоенное время страна не стала жертвой анархии в бассейне Дуная»¹². С другой стороны, контакты Бема с представителями Форин офис и деятелями британской лейбористской партии, в ходе которых обсуждался вопрос о статусе Венгрии в послевоенной Европе, вызвали неудовольствие как чехословацкого эмигрантского правительства, так и официальной Москвы. В июне 1943 г. Молотов заявил протест послу А. К. Керру в связи с попыткой правительства Великобритании без консультации с союзниками вступить в сношение с враждебным государством. По мнению Кремля, секретные переговоры с участием Бема имели целью помочь венгерскому правительству избежать ответственности за участие в войне в качестве союзника нацистской Германии¹³. В итоге британскому Форин офису пришлось указать на неофициальный характер миссии Бема при том, что лейбористская партия входила в это время в правящую коалицию.

Поездка Бема в Лондон никакими реальными результатами не увенчалась. Тем не менее к концу 1943 г. переговорный процесс с Западом приобретает необратимый ход, Великобритания и США отказываются от бомбардировок венгерской территории, настаивая в свою очередь на том, чтобы со стороны правительства Венгрии были предприняты конкретные действия, свидетельствующие о его решимости порвать с Германией и о его добной воле. Предлагалось, в частности, отзвать венгерские войска с Восточного фронта и перевести их в Хорватию, ближе к расположениям англо-американских войск. Речь шла также о саботаже приказов германского командования и лишь в более отдаленной перспективе о сложении оружия. Как было заявлено представителем английской разведки в Швейцарии венгерскому эмиссару, «от Венгрии ждут таких действий, которые будут полезны для союзников с точки зрения ведения войны, которые могли бы сократить продолжительность войны и содействовать поражению немцев»¹⁴. От того, когда и каким образом Венгрия порвёт с немцами и будет ли она еще до этого своим пассивным сопротивлением мешать вермахту осуществлять военные акции, зависело отношение к ней в будущем. По некоторым свидетельствам, встречаясь в Стамбуле

с венгерским представителем, его американские партнеры по переговорам заявили, что если Венгрия выйдет из войны раньше Румынии, у Будапешта останется больше шансов на сохранение за собой после войны Северной Трансильвании¹⁵. В то же время в ходе переговоров англичане и американцы давали хортистам понять нереальность расчетов на переброску по воздуху на венгерскую территорию нескольких союзнических дивизий: западные державы, по однозначным утверждениям их полномочных представителей, не станут жертвовать жизнями тысяч своих солдат только для того, чтобы защитить Венгрию от русских, а также от посягательств некоторых соседних стран, имевших к официальному Будапешту в той или иной мере обоснованные территориальные претензии. Как известно, в соответствии с планами, предварительно согласованными в 1943 г. в Тегеране, венгерскую территорию должны были временно оккупировать соединения Красной Армии (надежды хортистов на англо-американский десант были тем более утопическими, что в начале 1944 г. войскам союзников пришлось столкнуться в Северной Италии с отчаянным сопротивлением вермахта и наступление к центру Европы застопорилось).

В первые месяцы 1944 г. правительство М. Каллаи в ходе контактов своих эмиссаров с Западом не только декларировало готовность вывести страну из войны, но согласилось и с требованием безоговорочной капитуляции. Вместе с тем, опасаясь превентивной оккупации вермахтом венгерской территории, оно не решалось идти на сколько-нибудь радикальные меры до подхода союзнических армий к венгерской границе и, более того, едва ли было способно на такие меры, поскольку положение в венгерской армии в целом контролировалось немецким командованием. Нерешительная попытка отозвать венгерские войска с Восточного фронта была все же предпринята, но ее не удалось осуществить из-за контроля немцев над транспортными путями. Требование англичан и американцев о предоставлении им всей имевшейся в венгерском генштабе информации о вермахте и его военных планах было в принципе выполнимым, но о любых конкретных шагах в этом направлении сразу стало бы известно спецслужбам Третьего рейха, что повлекло бы за собой резкое обострение венгеро-германских отношений, немцы нашли бы хороший повод для оккупации Венгрии. Тем более рискованным было бы содействие властей организации подпольных, партизанских групп для действий против немецких эшелонов, следующих через территорию Венгрии (западные союзники настаивали и на этом). Каллаи считал возможным только медленный отход от Германии, постепенное сокращение сотрудничества

с ней в военной области и пытался через своих эмиссаров убедить в этом англичан и американцев. Те, однако, не только видели бессилие венгерских властей, но и имели некоторые основания обвинить их в двойной игре, недобросовестной попытке оттянуть время, уклониться от выполнения взятых на себя обязательств. Характерно в связи с этим, что направлявшиеся с особыми поручениями в нейтральные страны венгерские представители, как правило, не имели письменных полномочий на заключение каких-либо соглашений.

Как бы там ни было, угроза выхода Венгрии из войны стала к весне 1944 г. достаточно реальной. Чтобы воспрепятствовать возможной капитуляции стратегически важного союзника, Германия оккупировала Венгрию 19 марта 1944 г. и настояла на замене правительства Каллаи более надежным¹⁶.

Что и говорить, немецкая акция в корне меняла перспективы переговоров хортистской элиты с англо-американцами. Поиски путей перемирия с противниками Третьего рейха прекратились вплоть до падения в Румынии режима Антонеску 23 августа 1944 г. и объявления королем Михаэлем войны Германии. Хорти меняет прогерманский кабинет Д. Стойя на правительство генерала Г. Лакатоша, которое предпринимает новый зондаж относительно условий перемирия со стороны западных держав. 7 сентября на заседании Совета короны у Хорти вопреки противодействию прогерманских политиков было принято решение начать переговоры о перемирии со странами антигитлеровской коалиции¹⁷. Единства мнений в высших эшелонах власти, впрочем, не было, что делало крайне противоречивой проводимую политику. Так, 11 сентября правительство снова высказалось за продолжение войны с Германией. Не будучи уверенными в успехе, инициаторы разрыва с Третьим рейхом опасались вынесения вопроса на обсуждение парламента.

В начале осени 1944 г. антигермански настроенные венгерские политики по-прежнему сохраняли надежду на возможность выброски англо-американских войск на Адриатике (близ Риеки) и их последующего наступления в направлении Венгрии. Для того, чтобы выиграть время для реализации этого плана, венгры собирались просить военное командование западных держав обратиться к советскому командованию с предложением временно приостановить наступление Красной Армии на Венгрию в целях создания условий для перегруппировки венгерских войск и их переориентации на войну с Германией (было подготовлено также письмо Хорти к папе римскому с просьбой о посильном содействии вы-

полнению вынашивавшихся в Будапеште планов). Между тем предварительный совместный англо-американский проект условий для заключения перемирия с Венгрией был разработан еще в августе. В сентябре венгерским эмиссарам в Италии было со всей определенностью заявлено со стороны Великобритании и США, что перемирие с Венгрией возможно лишь на основе безоговорочной капитуляции, причем любое предложение о капитуляции должно быть адресовано всем трем главным союзникам, и если венгерское правительство искренне желает заключить перемирие, оно должно назначить представителя или миссию с соответствующими полномочиями для подписания такого перемирия¹⁸. Вступая в контакт с западными дипломатами, эмиссары Хорти пытались изложить свои условия выхода Венгрии из войны. Прежде всего они стремились добиться гарантий, что существующий режим будет сохранен. В составленный венгерской стороной проект перемирия был внесен также пункт о том, что военные действия Красной Армии должны быть прекращены на существующей на данный момент линии фронта. По замыслу хортистов, это позволило бы избежать советской оккупации страны.

Осознав в ходе встреч с англо-американскими представителями всю иллюзорность надежд на то, что советскую оккупацию удастся предотвратить, агенты Хорти и Лакатоша не переставали при этом настаивать на участии в освобождении Венгрии от нацистов соединений западных держав, чтобы страна не оказалась исключительно под советским контролем. Однако дипломатические круги и военное командование стран — союзниц СССР, исходя из прежнего опыта, не вполне верили в серьезность искренность намерений хортистов. Для этого были и новые основания: венгерский эмиссар Надай, прибывший в Италию, не получил официальных полномочий на ведение переговоров о перемирии, лишь информировал о венгерских условиях перемирия. В свою очередь, венгерские политические круги в Северной Трансильвании, находившейся ближе к линии фронта, все настойчивее требовали от Будапешта установления прямых контактов с советским командованием в целях предотвращения бесмысленного кровопролития. После заключения 12 сентября перемирия с Румынией они все более опасались, что промедление с перемирием Венгрии сводит к нулю все шансы на сохранение в ее составе Северной Трансильвании. Но в Будапеште не спешили договариваться с Москвой, рассчитывая, что удастся задержать части Красной Армии в Карпатах, где была выстроена мощная линия обороны. В этих условиях трансильван-

ские венгерские политики продумывают возможности самостоятельного выхода на контакт с советским командованием.

В конце концов осознав нереальность расчетов на противоречие между СССР и Западом, хортисты начиная с 25 сентября устанавливают контакты с советским командованием. 26 сентября в Москву через Словакию была доставлена неофициальная делегация в целях зондажа позиции СССР, а 1 октября прибыла официальная делегация во главе с генералом Г. Фараго, привезшая письмо Хорти Сталину, в котором говорилось о готовности Венгрии к перемирию¹⁹. Письменными полномочиями делегация вначале опять-таки не обладала. Позже Хорти по телеграфу дал знать, что полномочия на подписание соглашения о перемирии будут даны только после того, как станут известны условия перемирия. В конце концов 10 октября Хорти телеграммой уведомил о том, что делегация получила полномочия на заключение перемирия, а 11 октября согласился с условиями, продиктованными Москвой²⁰. Венгерский регент пошел на контакт с СССР не только после долгих колебаний (хотя Красная Армия уже непосредственно подошла к границам Венгрии), но лишь после того, как сторонники более решительных действий подбросили ему сфальсифицированный документ — пришедшее якобы из Словакии обращение командира одного из партизанских соединений с изложением условий перемирия, продиктованных Советским Союзом. Условия в этом документе предлагались, надо сказать, более чем щадящие: в нем не было требований об объявлении войны Германии, гарантировалось сохранение существующей администрации, было обещано проведение плебисцита на всей территории Трансильвании, результаты которого должны быть учтены на мирной конференции.

Делегация во главе с Фараго в ходе переговоров, проходивших в Москве, пыталась уклониться от объявления войны Германии, в то же время не уставала настаивать на сохранении в Венгрии действующего административного устройства, выразила также пожелание, чтобы румынские войска не переходили границы, образованной вследствие Второго венского арбитража 1940 г.; аналогичные по характеру требования касались также югославских и словацких войск. Советская сторона, в свою очередь, требовала от Венгрии немедленного объявления войны Германии по примеру Румынии, участия в боевых действиях против немецких войск, эвакуации в течение 10 суток венгерских войск и чиновников в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 г. Обсуждение растянулось на несколько дней, что свидетельствовало о сохранившейся

с венгерской стороны тактике выжидания! Позже Хорти признал в мемуарах: «От последнего, решающего шага я воздерживался. Просьба о перемирии всегда горька, но то, что англичане и американцы адресовали нас исключительно к русским, поистине означало трагедию для нас»²¹. В конце концов, получив телеграммой согласие от Хорти, 11 октября венгерская делегация поставила подпись под документом о предварительных условиях перемирия. Советские условия были приняты. Вместе с тем регент и его окружение просили советское командование приостановить наступление Красной Армии на будапештском направлении, чтобы дать возможность отвести венгерские войска к столице для укрепления позиций правительства, и до тех пор отсрочить объявление войны Германии. Команда о приостановке действий советских войск была дана²². Прогермански настроенная часть генералитета и государственного аппарата всячески саботировала попытки выведения Венгрии из войны²³. К тому же гитлеровские спецслужбы произвели аресты антигермански настроенных генералов и офицеров. Вопреки соглашению венгерская сторона не только не отвела свои части к столице, но, использовав передышку, предприняла активные боевые действия против советских войск в районе Сольнока. Близ Будапешта, на подъезде к городу, были убиты два красноармейских парламентера. В свою очередь, сам регент и его ближайшее окружение, хотя и приняли ряд мер по подготовке выхода страны из войны²⁴, вместе с тем, опасаясь путча, до самого конца оттягивали требование о начале боевых действий против вермахта. Русским трудно понять, что в сознании венгерского офицерского корпуса объявление войны немцам встретит по меньшей мере недоумение, якобы заявил Хорти при обсуждении предъявленных условий перемирия²⁵. В зачитанной по радио 15 октября прокламации о выходе страны из войны и разрыве союза с Германией также ничего не было сказано о начале боевых действий против Третьего рейха, а за прокламацией вообще не последовал конкретный приказ воинским частям. Тактика выжидания проявилась и в том, что венгерский офицер, направленный в расположение 4-го Украинского фронта для переговоров о согласовании действий советской и венгерской армий, не обладал необходимой информацией о дислокации венгерских войск²⁶. В Москве создавалось впечатление, что венгерские лидеры по-прежнему стремятся затянуть сроки разрыва с Германией, хотя здравый смысл, казалось бы, требовал немедленных действий, чтобы не дать немцам времени для превентивных мер. Можно согласиться с венгерским дипломатом Д. Барца, писавшим: «Для Венгрии настоящей катастрофой стало то, что

все предпринимавшиеся в ходе войны внешнеполитические акции из-за несовершенства исполнения, примитивизма, не только захлебнулись, но повлекли за собой беды. При более квалифицированном, энергичном и последовательном исполнении планов можно было бы осуществить их успешно (об этом свидетельствует пример Румынии)»²⁷.

15 октября в Будапеште был совершен государственный переворот, Хорти был отстранен от власти, а пришедший ему на смену лидер партии нилалистов Салаш оставался верен Германии до самого конца. Из-за нилалистского путча события развернулись по наихудшему сценарию. Шанс был упущен, подписание перемирия с Венгрией было отсрочено на три месяца. К этому времени в Венгрии было сформировано под контролем Москвы новое правительство, в котором тон задавали левые силы; сфера его действия расширялась по мере продвижения Красной Армии по территории страны²⁸.

Таким образом, румынский прецедент так и не побудил венгерское правительство к своевременному разрыву с Третьим рейхом и организованному взаимодействию с частями Красной Армии. В отличие от короля Михая и его окружения в Румынии, предпринявших 23 августа 1944 г. решающий шаг, порвав с Германией и объявив ей войну, Хорти в силу объективных, но прежде всего субъективных причин оказался неспособен на столь же решительные действия, он всячески оттягивал объявление войны Германии и заключение перемирия с СССР. Это стоило сотен тысяч жизней: при освобождении Венгрии погибло не менее 140 тыс. советских солдат, огромны были потери и среди венгерского населения, в том числе мирного. Положение Венгрии, последнего, наиболее верного сателлита Германии, не могло не сказаться на отношении к ней держав-победительниц при рассмотрении в ходе Парижской мирной конференции вопроса о статусе Венгрии в новой системе международных отношений и послевоенных границах страны²⁹, хотя едва ли было бы правильным придавать этому фактору решающее значение. Нам представляется, что первонаучальная готовность западных держав пойти на некоторую корректировку в пользу Венгрии ее границ с Румынией сменилась в начале 1946 г. охлаждением не в силу дурной репутации Венгрии как «последнего сателлита» нацистской Германии, а из-за разочарования во внутриполитической ситуации в Венгрии, где убедительная победа Партии мелких хозяев на выборах в ноябре 1945 г. отнюдь не переломила вектора развития, не стала препятствием на пути советизации страны³⁰.

П р и м е ч а н и я

¹ Контер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 424.

² См.: Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии, ноябрь 1918 — апрель 1927 г. М., 1981.

³ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938—1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и с населением свыше 1 млн человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании Второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании Третьего рейха и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (край Воеводина) площадью около 12 тыс. кв. км.

⁴ Подробнее о внешней политике Венгрии в этот период см.: Стыкалин А. С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944—1948 / Отв. редактор В. В. Марьина. М., 2004. С. 358—442. Из новых работ о П. Телеки см.: Ablonczy B. Teleki Pal. Bp., 2005.

⁵ Стремление правительства графа П. Телеки (1939—1941 гг.) к расширению внешнеполитических маневров в условиях продолжающейся Второй мировой войны привело к заключению 12 декабря 1940 г. договора Венгрии с королевской Югославией о «постоянном мире и вечной дружбе». Тем не менее 28 марта 1941 г. под нажимом немецкой дипломатии и собственного генералитета Хорти дает согласие на проход немецких войск через территорию Венгрии в Югославию. 30 марта в Будапеште было подписано венгеро-германское соглашение о совместных военных действиях против Югославии. Принимая во внимание договор с Белградом, венгерское правительство свое непосредственное участие в военной акции обставило определенными условиями — венгерская армия могла пересечь границу с Югославией лишь в случае распада югославского государства, нападения Югославии первой на Венгрию, а также в случае, если будет подвергнута угрозе жизнь этнических венгров, проживавших в Югославии. Наступление немецкой армии в направлении Югославии было начато 2 апреля. На следующий день премьер-министр граф П. Телеки, возражавший против участия Венгрии в кампании, застрелился в своем рабочем кабинете. 6 апреля части вермахта вторгаются в Югославию. В Венгрии в этот день происходит мобилизация войск, но на границе принимаются лишь меры оборонительного характера. 7 апреля в условиях начавшейся войны с Германией югославские ВВС подвергли бомбардировке

венгерские города Печ и Сегед, что дало Венгрии один из поводов для непосредственного вмешательства в конфликт. 11 апреля, после объявления «независимой» Хорватии и начавшейся эвакуации югославской администрации и отступления войск из Воеводины, венгерская армия переходит границу, занимает г. Суботицу и в течение четырех дней овладевает землями, ранее входившими в состав исторического Венгерского королевства, в том числе г. Нови-Садом. Тем самым Венгрия вступила во Вторую мировую войну.

⁶ Поводом для объявления войны СССР послужил не до конца проясненный эпизод — бомбардировка г. Кашиша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией.

⁷ Fulop É. A királyi Romania és Erdély, 1944—1947 // Historia (Bp.). 1994. № 2. 29.old.

⁸ См. мемуары Каллай: Kallay N. Hungarian Premier. A Personal Account of a Nation's Struggle in the Second World War. New York, 1954. Венгерское издание: Kallay M. Magyar miniszterelnöke voltam. 1942—1944. I—II. Bp., 1991.

⁹ Один из венгерских эмиссаров, направленных в Швейцарию, был уполномочен заявить своим партнерам по тайным переговорам, что «ввиду отсутствия взаимного доверия между Венгрией и СССР» венгерское правительство предпочитает не вести переговоры с русскими. См.: Попов Е. В. В лабиринте секретных операций (За кулисами официальной дипломатии). Будапешт, 2004. С. 65 (автор этой малодоступной книги, сочетающей в себе мемуары и исследование, — офицер спецслужб, осенью 1944 г. переводчик, работавший с венгерской делегацией, прибывшей в Москву на переговоры о перемирии). Только в начале весны 1944 г., когда Красная Армия подошла близко к венгерским границам, делаются первые робкие попытки установить в Турции контакты с советской дипломатией и разведкой, главным образом для того, чтобы больше узнать о советских планах в отношении Венгрии.

¹⁰ Уже в середине 1943 г. по инициативе начальника генштаба венгерской армии генерала Сомбатхей начинается разработка плана действий венгерских войск в целях содействия выброске в Венгрию англо-американского десанта. В соответствии с этим планом предполагалось задержать Красную Армию в Карпатах вплоть до прихода в Венгрию войск западных союзников. Работу по составлению плана приходилось скрывать от прогермански настроенной части генералитета. Кстати сказать, в военных ведомствах США и особенно Великобритании поначалу не исключали планов выброски десанта в Венгрии или близ южной венгерской границы в целях решения важнейших стратегических задач, стоявших на центральноевропейском направлении. Такая перспектива рассматривалась и в генштабе вермахта, заставляя заниматься проработкой контрмер.

¹¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946. Документы / Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000. С. 193.

¹² Цит. по: Попов Е. В. Указ. соч. С. 26.

¹³ См.: Juhasz G. Magyar-brit titkos targyalasok 1943-ban. Вр., 1988. Советская сторона в принципе не исключала возможности контактов антигитлеровской коали-

ции с оппозиционными силами во враждебных странах, однако при этом, как считали в Москве, никак не следовало поступаться важнейшими требованиями (безоговорочная капитуляция, возврат захваченных территорий, возмещение причиненных войной убытков, наказание виновников войны).

¹⁴ Цит. по: *Попов Е. В.* Указ. соч. С. 58. В мае 1943 г. в ходе встреч в Лондоне с британскими официальными лицами В. Бему было заявлено, что заключение перемирия Венгрии с союзниками возможно лишь при ее готовности взять на себя ряд обязательств (не посыпать войска на Восточный фронт; в случае вторжения с юга англо-американских войск открыть им границу и не оказывать сопротивления; обеспечивать Великобританию информацией о военных планах Германии).

¹⁵ См.: Там же. С. 56.

¹⁶ 18 марта 1944 г. Хорти встречался с Гитлером близ австрийского города Зальцбурга. Фюрер, знаяший о попытках премьер-министра М. Каллаи навести мосты в контактах с западными державами, в ходе встречи угрожал, что отнимет у Венгрии приобретенные начиная с 1938 г. земли, разрешит румынским и словацким войскам оккупировать их. Регент отказался подписать письмо с приглашением немецких войск и в то же время согласился образовать правительство, угодное Берлину. На следующий день началось вторжение немецких соединений в Венгрию. В отсутствии Хорти, еще не вернувшегося из Зальцбурга, Каллаи, убедившись в нежелании венгерского генералитета оказать сопротивление вермахту, отдал приказ о сложении оружия, в тот же день снял с себя полномочия премьер-министра и, опасаясь ареста, укрылся в турецком посольстве. Подробнее см.: *Ranki Gy.* 1944. marcius 19. Magyar nemet megszallas. Br., 1968; *Kallay M.* Magyar miniszterelnöke voltam. 1942–1944.

¹⁷ Контакты эмиссаров нового правительства с представителями западных держав имели место еще до этого.

¹⁸ Подробнее см.: *Попов Е. В.* Указ. соч. С. 187.

¹⁹ Текст письма см.: Трансильванский вопрос. С. 251–252.

²⁰ См.: Предварительные условия перемирия, принятые V дслегацией Венгрии 11 октября 1944 г. // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. /Отв. редактор Г. П. Мурашко. Москва—Новосибирск, 1997. С. 75–76.

²¹ *Horthy M. Emleferataim.* Br., 1993.

²² К 15 октября части Красной Армии подошли к реке Тиса.

²³ См. представление заместителя начальника Генштаба Красной Армии генерала армии А. И. Антонова главе венгерской миссии генерал-полковнику Г. Фараго по поводу невыполнения принятых на себя Венгрией предварительных условий перемирия. 14 октября 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. I. 1944–1948. Документы / Отв. редактор Т. В. Волокитина. М., 1999. С. 103–104.

²⁴ Был подготовлен, в частности, сигнал для командующих двух венгерских армий, по которому они должны были прекратить военные действия против Красной Армии, установить связь с советским командованием, а затем выступить против немцев.

²⁵ Надо иметь в виду, что многие офицеры хотя и были верны Хорти, но страх перед советской оккупацией заставлял их воевать на стороне Германии. В то же время на сторону Красной Армии перешли влиятельнейшие представители генералитета — начальник генштаба Я. Вереш и командующий первой армией Б. Миклош, позже глава первого послевоенного правительства Венгрии.

²⁶ Через считанные часы было проявлено больше готовности к переговорам, к командующему фронтом маршалу Р. Я. Малиновскому собирались направить офицера с необходимыми картами, однако было уже поздно, в стране произошел государственный переворот.

²⁷ Цит. по: *Попов Е. В. Указ. соч. С. 159.*

²⁸ В обсуждении вопросов, связанных с формированием нового венгерского правительства, участвовала и делегация во главе с генералом Г. Фараго, направленная Хорти. См.: Из дневника В. М. Молотова. Прием членов венгерской делегации 6 декабря 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1. С. 110—113. В контактах с Москвой хортисты по-прежнему настаивали на максимальном сохранении новым правительством преемственности прежнему режиму.

²⁹ Парижский мирный договор 1947 г. с незначительными корректировками (не в пользу Венгрии!) подтвердил границы страны, установленные Трианонским договором.

³⁰ Подробнее см.: *Стыкалин А. С. Указ. соч. С. 358—442.*

Arbitrajul sovietic în conflictele etnicoteritoriale din Europa Orientală. Cazul minorității maghiare din Cehoslovacia. 1944–1947

Instaurarea totalitarismului comunist în Europa Orientală a fost un proces ce s-a desfășurat pe două planuri inseparabile: instaurarea comunismului în țările regiunii și formarea «lagărului», mai întâi «antiimperialist și democratic», mai apoi «socialist».

Prezența militară sovietică și includerea țărilor Europei Orientale în sfera de control politic și militar a URSS a fost determinantă pentru venirea la putere a partidelor comuniste. Chiar și în țări ca Albania și Iugoslavia (Armata Roșie a participat la eliberarea părții de nord est a țării în toamna anului 1944), prezența trupelor sovietice și conturarea zonei sovietice de influență a asigurat un climat militar și politic favorabil instaurării regimurilor comuniste, fără a mai vorbi de sprijinul diplomatic pe care URSS l-a oferit acestor țări în stabilizarea propriei situații internaționale și recunoașterea lor «de jure».

Cu toate acestea, la baza zonei de influență sovietice nu a stat numai forța. Comuniștii din țările Europei Orientale au văzut în URSS singura garanție și sprijin pentru stabilizarea situației politice, economice și militare și întărirea situației interne și internaționale a regimurilor nou instaurate. La rândul său, URSS considera noile regimuri «democrat populare», primordial, garanția extinderii influenței politice a Moscovei în zonă, iar în plan secundar, o cale de export a sistemului social din URSS în afara granițelor sale inițiale.

În același timp, în formarea blocului, pe care în perioada inițială Stalin și o parte a liderilor comuniști locali îl proiectaseră ca o uniune a popoarelor slave*, URSS vedea o formă de a se opune oricărui tip de imperialism, nu atât în situația concretă a anilor 1944–1945, atunci când nu mai exista o amenințare eurioeană, cât mai ales în perspectivă.

Partidele comuniste au preluat, însă, o parte din moștenirea politică a vechilor regimuri, inclusiv diferențele teritoriale și conflictele interetnice. Pentru a nu pune în pericol echilibrul fragil al sistemului emergent, Stalin introduce instituția arbitrajului sovietic, pe care îl exercită în funcție de interesele sale teritoriale și politice imediate și de perspectivă.

* În acest sens sunt relevante demersurile liderilor sovietici de formare a Congresului Panslav cu sediul la Belgrad. De altfel, ideea panslavismului militant, ca unică garanție împotriva revitalizării imperialismului german, apare destul de clar în discursurile publice și declarațiile private ale președintelui cehoslovac E. Beneš din perioada 1944–1945.

În perioada 1944–1948, Uniunea Sovietică se confruntă în Europa Orientală cu trei tipuri de conflicte. Teritoriale, aşa cum erau cele între Polonia și Cehoslovacia, între Ungaria și România. Etnice, aşa cum era cel între Ungaria și Cehoslovacia, și de putere, aşa cum a fost cel care a opus Iugoslavia aproape tuturor țărilor din vecinătatea sa, acesta degenerând ulterior într-un conflict între Moscova și Belgrad.

Toate acestea vor constitui adevărate teste pentru capacitatea URSS de a gestiona tensiunile și conflictele din Europa Orientală. Obiectivul urmărit, în etapa finală a războiului, a fost acela de a impune țărilor satelit o disciplină de fier în politica externă și internă, prin repartizarea inegală a sprijinului sovietic, în funcție de contextul politic intern, de moment, din fiecare țară angajată în conflict. În acest mod, Uniunea Sovietică a generat în interiorul Europei Orientale o adevărată competiție a socialismului și a obediенței, liderii comuniști locali căutând astfel să-și atragă sprijinul Moscovei nu numai în chestiunile de politică internă dar și în cele de politică externă, văzută ca o modalitate eficientă și rapidă de legitimare a unor regimuri în cele mai multe cazuri lipsite de popularitate.

Legitimate acum de participarea la coalitia antifascista, țări ca Iugoslavia, Cehoslovacia și Polonia au preluat intregă «zestre» de pretentii teritoriale față de vecini, experiența razboiului ducând la o adevarata resurgentă a factorului etnic. Simplificare structurii etnice și extinderea teritoriului din considerente de securitate sau ratiuni economice au devenit obiectivele principale ale acestor state, decise să se asigure ca experiența dezintegrării nu se va mai repeta.

Uniunea Sovietică a folosit cu eficiență instituția recompensei teritoriale pentru a fideliza viitorii aliați-sateliti. În Polonia și Cehoslovacia, acordarea unor importante compensații teritoriale pe seama Germaniei învinse și sprijinul dat de URSS în acțiunile de purificare etnică au jucat un rol foarte important în obținerea suportului popular pentru guvernul comunist, în cazul Poloniei, sau în alimentarea politiciei prosovietice a guvernului socialist-național al președintelui Beneš-în Cehoslovacia.

Odată acutizate diferențele dintre statele zonei, URSS a încercat să canteze disputa în sfera relațiilor bilaterale. Era în fapt o modalitate de a evita lăuarea unei decizii finale care ar fi putut afecta fundamentele sistemului regional emergent. Presiunile explicite nu au fost folosite de către URSS decât în cazuri extreme, atunci când lipsa unui consens politic la nivelul Europei Orientale ar fi fost de natură să pună în pericol influența sovietică și să atragă amestecul «legitim» al puterilor occidentale.

Europa Orientală era scena unor conflicte și diferențe multiple, situație tipică pentru perioadele imediat postbelice. Asemănătoare unor cercuri concen-trice, tensiunile se făceau simțite, mai ales, în interiorul statelor multinaționale. Cel mai potrivit exemplu este Cehoslovacia, unde elitele politice ale celor două națiuni majore încercau să găsească un compromis, cedând cât mai puțin din

suveranitatea câștigată în timpul războiului, în cazul slovacilor, sau recăpătată după eliberare, în cazul cehilor.

In acest context, germanii și maghiarii, în mod traditional fiind percepute ca minorități nelioiale patriei gazda, au devenit parte a platformei comune la care au aderat atât partizanii pragocentrismului cat și susținătorii autonomiei slovace din Consiliul Național Slovac.

Perpetuarea diferențelor dintre țările Europei Orientale a fost și o tactică sovietică de menținere a unei situații politice care cerea implicarea în regiune a unei puteri majore în rolul de arbitru. În acest scop, relațiile dintre reprezentanții statelor, mai ales atunci când aceștia nu erau comuniști, au fost dublate de cele dintre cei ai partidelor comuniste, nu de puține ori, Stalin transmitând mesaje divergente pe cele două canale.

Din perspectiva politiciei sale regionale, URSS apare, în această perioadă, mai degrabă ca un mediator interesat și mai puțin ca un stat-jandarm.

Anul 1947 aduce cu sine modificarea viziunii sovietice. Conferința de constituire a Kominformului din septembrie 1947, dincolo de însemnatatea sa ideologică, a constituit semnalul stabilirii statu-quo-ului etnico-teritorial din Europa Orientală, primordială devenind sovietizarea completă a satelitilor și formarea unei alianțe de natură să acționeze unitar la provocările venite din Occident. Resimtind acut pericolul american reprezentat de «Planul Marshall» și temându-se de efectele politicii externe proactive a imprevizibilului aliat iugoslav, Uniunea Sovietică a început să prezeze părțile aflate în conflict pentru semnarea unor intelegeri, care nu au facut decât să-i nemultumeasca pe toți cei implicați.

Cehoslovacia era terenul unor multiple conflicte, unele cu o lungă istorie, altele apărute ca urmare a războiului. Existența statului slovac pe parcursul celui de-al doilea război mondial a deschis apetitul elitelor politice și intelectuale de aici pentru o existență cel puțin autonomă, dacă nu independentă. Conflictul latent între cele două popoare, avea să fie pus în evidență de disputa privind principiile ce urmau să stea la baza viitorului stat comun al cehilor și slovacilor¹.

Despartite de diferendul privind structura instituțională a statului cehoslovac, reprezentanții politici ai celor două popoare au reușit să ajungă la înțelegere asupra problemei etnice. Cu sprijinul Uniunii Sovietice, atât slovacii cât și cehii au susținut ideea aşezării principiului etnic la baza viitorului stat comun. Statul cehoslovac urma să fie o uniune a celor trei națiuni slave: cehii, slovacii și rusinii. Minoritățile germană și maghiară care sprijiniseră entuziasmat dezmembrarea Cehoslovaciei nu își găseau loc în noua construcție politică.

Din considerante diplomatice, dar și din dorința de a exploata o oportunitate menită să permită interferența guvernului central în administrarea teritoriilor slovace, administrația centrală opta pentru deportarea imediată a maghiarilor sosiți după 1938 (cca. 300 000–400 000 după aproximarea ministrului de interne

cehoslovac) și concentrarea maghiarilor și a germanilor în lagăre de muncă, unde urmău să fie triați în funcție de faptele săvârșite în timpul războiului.

Autoritățile cehoslovace au căutat să «legalizeze» deportarea populației maghiare din Slovacia și să-și atragă sprijinul ferm al URSS în această problemă. La 9 ianuarie 1945, în timpul întâlnirii între ambasadorul cehoslovac la Moscova, Z. Firlinger, și V. Zorin, cel dintâi a subliniat faptul că guvernul său dorește ca dreptul Cehoslovaciei să deporteze populația maghiară și obligația de a-i primi pe deportați să fie fixate în textul convenției de armistițiu cu Ungaria². Chiar dacă s-a declarat în principiu de acord cu cererea cehoslovacilor, promîțând sprijinul activ, în timpul negocierii condițiilor de armistițiu cu Ungaria, diplomația sovietică nu a exercitat presiunile necesare, prevederea cerută nefiind introdusă în textul convenției.

Pe drumul de întoarcere în Slovacia, la 21 martie 1945, președintele Beneš a făcut o escală la Moscova, unde a expus liderilor sovietici proiectele sale postbelice. Programul politico-economic al președintelui Beneš, orientat în totalitate către Moscova și bazat pe recunoașterea «legalității» anexării Ucrainei Transcarpatice³ la URSS, nu putea să nu îi cointereseze pe sovietici în sprijinirea demersului de formare a «statului național al cehilor și slovacilor».

În explicațiile oferite lui Molotov cu privire la vizionarea nouului guvern de la Praga în ceea ce privește problema minorităților germană și maghiară din Cehoslovacia, Beneš a subsumat concepția statului etnic politicii generale de

² Atitudinea președintelui în legătură cu Ucraina Transcarpatică (Ruthenia Transcarpatică) a fost mai degrabă o sancționare *post factum* a unei stări de fapt. În octombrie 1944, Armata Roșie a intrat în Ucraina Transcarpatică, declarând regiunea teatru de operațiuni. Ceea ce pareă a fi o chestiune de importanță militară limitată s-a dovedit a fi un act politic. Atunci când, pe 29 octombrie 1944 guvernul cehoslovac de la Londra a luat hotărârea trimiterii unei delegații la fața locului pentru a prelua administrarea regiunii, așa cum prevedea tratatul cehoslovaco-sovietic din decembrie 1943, a găsit aici o administrație sovietică care împărtise deja teritoriul în două părți. Zona urbanizată și industrializată (S-V) fusese trecută sub control sovietic, iar cea slab dezvoltată și depopulată (SE) a fost oferită, formal, spre administrație delegației cehoslovace sosite de la Londra. La scurt timp, administrația militară sovietică, condusă de L. Z. Mehlis, a început să desființeze structurile administrative din zona de S-E, care și-au declarat afilierea la guvernul cehoslovac, «alegând» noi comitete populare formate și conduse de comuniști. În noiembrie, în orașele și satele regiunii au fost organizate o serie de adunări în timpul cărora au fost adresate «cereri» către guvernul sovietic pentru a permite «realipirea» Ucrainei Transcarpatice la Ucraina sovietică. La 26 noiembrie 1944, în orașul Mrecaveni a avut loc congresul comitetelor populare care a adoptat manifestul de «realipire a Ucrainei Transcarpatice la Ucraina Sovietică». Immediat după acest eveniment, la începutul lunii decembrie, Adunarea Populară a Ucrainei Transcarpatice a adoptat un decret în care se arăta că rupe legăturile cu Cancelaria Împăternicitorilor Guvernamentalni, subordonată guvernului din exil. La presiunile diplomatice sovietice, care căuta să-l asigure pe Beneš că mișcările nu sunt inspirate de la Moscova, deci, legitime, la 8 decembrie 1944, guvernul cehoslovac a ordonat retragerea comisiei din Ucraina Transcarpatică. Tot ceea ce a cerut Beneš în schimb discretiei, pentru a nu comunica occidentalilor diferențele cu noul aliat de la Răsărit, a fost garanția că astfel de «mișcări populare» nu se vor repeta și în Slovacia.

securitate a Cehoslovaciei, bazată pe comunitatea țărilor slave. Referindu-se la necesitatea unei granițe comune între Cehoslovacia și URSS, Beneš s-a arătat bucuros că dincolo de Carpați va fi URSS, aceasta urmând a fi și vecinul Ungariei, pentru că, «peste 10–15 ani, Occidentul poate fi împotriva URSS și trebuie să fim pregătiți pentru asta».

În legătură cu necesitate strămutării maghiarilor și germanilor din Cehoslovacia, Beneš a lansat cifra de cca. 2 milioane pentru germani (din cele aproximativ 4 milioane) și cea de 400000 pentru unguri (dintr-un total de cca. 600 000). Motivul invocat era acela că menținerea unui număr atât de mare de alogeni în noua Cehoslovacie ar duce la izbucnirea unui război civil, în condițiile creșterii antipatiei generale față de aceste etnii «neloiale»³.

La a doua întâlnire, din 24 martie, Molotov i-a cerut liderului cehoslovac să-și întărească, într-o scrisoare adresată lui Stalin, declarațiile anterioare cu privire la acordul intrării Ucrainei Transcarpatice în componența URSS. În schimbul acceptării, Beneš i-a solicitat lui Molotov ajutorul trupelor sovietice de ocupație din Slovacia în urgentarea evacuării administrației maghiare din regiunea Kosice și în general a ungurilor veniți în zona anexată de Ungaria, ca parte integrantă din planul mai larg de «optimizare» a componenței etnice a statului cehoslovac.

Discriminarea și deportarea ungurilor ajunsese să afecteze structurile Partidului Comunist Slovac, care avea un număr considerabil de membri de origine maghiară.

Potrivit unui raport trimis la Moscova lui Dimitrov, în iunie 1945, la acea vreme șeful Sectorului de Politică Externă a CC al PCS (b), situația era explozivă. Partidul comunist se alăturașe politicii de epurare etnică a nouui stat prin blocarea intrării în partid a maghiarilor. Mai mult decât atât, liderii de partid din zonele cu populație majoritar maghiară, de obicei ei însăși maghiari, confruntați cu valul de naționalism, se refugiaseră în Ungaria. Situația tindea să scape de sub control, partidul comunist pierzându-și individualitatea politică, mai mult, subminându-și propriile structuri prin înlăturarea membrilor alogeni, în fapt agenții principali ai politicii nationale sovietice.

Concluzia raportului sovietic era univocă: «Drept urmare a aplicării metodelor incorecte în politica națională, în Slovacia se intensifică acțiunile reacționarilor care se manifestă sub acoperirea patriotismului slovac»⁴.

Calculul politic era evident și fusese expus lui Zorin de către premierul cehoslovac, Z. Firlinger, încă de la jumătatea lunii aprilie 1945. Se dorea evacuarea unei mari părți a maghiarilor din Slovacia, iar acest lucru trebuia făcut cât mai repede înainte ca aliații occidentali să transforme campania de epurări etnice într-o problemă politică internațională. În fața unor astfel de rațiuni, nici stagiul considerabil în partidul comunist cehoslovac nu reprezenta garanția

unui tratament preferențial. Aceasta cu atât mai mult cu cât Stalin îi încuraja pe cehoslovaci în demersurile lor, mai ales după ce fostul ambasador la Moscova și agent de influență al sovieticilor, Z. Firlinger, a fost numit prim-ministru.

La sfârșitul lunii iunie 1945, în timpul vizitei la Moscova a delegației guvernamentale cehoslovace, Stalin a renunțat la orice rețineri în problema deportării maghiarilor și germanilor din teritoriile cehoslovace, spunându-i lui Firlinger că URSS nu îi va împiedica în nici un fel pe cehoslovaci în planurile lor⁵.

La presiunile sovieticilor, care au impus Ungariei «modelul sovieto-polonez» de tranșare a problemelor demografice, la 27 februarie 1946, Cehoslovacia și Ungaria au semnat un acord care prevedea un schimb masiv de populație. Din Ungaria urmău să fie transferați în Cehoslovacia aproximativ 100 000 de cehi și slovaci, iar din Cehoslovacia un număr egal de maghiari.

Ungaria a căutat să întârzie punerea în aplicare a acordului, inclusiv prin șicanarea celor doritori să se mute în Cehoslovacia sau prin condamnarea publică a documentului. Astfel, la scurt timp după semnare, ministrul de externe al Ungariei a calificat tratatul ca fiind «cel mai inuman act din istorie», determinând protestul oficial al Pragăi.

Deși au semnat un acord, nici una dintre părți nu era hotărâtă să îl respecte. Cehoslovacia vedea în semnare primul pas în expulzarea majorității maghiarilor din Slovacia, iar Ungaria îl considera un acord implicit al guvernului de la Praga pentru un schimb de populație echivalent.

În consecință, atât Praga, cât și Budapesta au încercat, succesiv, să atragă medierea Moscovei, transferându-i lui Stalin obligația de a decide în această chestiune. Situația creată era cu atât mai specială pentru Kremlin, cu cât în nici una dintre cele două țări la putere nu se afla un guvern comunist, ceea ce făcea ca în economia deciziei să primeze interesele strategice și nu considerentele ideologice. În acest caz, Cehoslovacia lui Beneš avea o poziție mult mai bună, pentru că era deja intrată în sfera de interes strategic a URSS încă din 1943, de la semnarea tratatului de alianță și asistență mutuală. La aceasta se adăuga și indiferența manifestată de Stalin pentru cauza maghiară, putându-se vorbi chiar despre o oarecare antipatie ce își avea sursa în loialitatea Ungariei față de Germania.

Vizita delegației maghiare la Moscova, de la începutul lui aprilie 1946, a fost consacrată aproape în întregime încercărilor de a promova la Moscova cauza maghiarimii din Cehoslovacia și România. Pe 9 aprilie, la întâlnirea cu Molotov, ministrul maghiar de externe, J. Gyongyossy, arăta că cei «450 000 de unguri din Cehoslovacia sunt amenințați cu expulzarea sau cu strămutarea în alte regiuni ale țării», Ungaria nefiind capabilă să primească un număr atât de mare de refugiați din motive economice și politice⁶.

Elemente noi în poziția maghiară au apărut în timpul întâlnirii dintre o delegație de la Budapesta și Stalin pe 10 aprilie. De această dată, ajutați și de comuniștii F. Nagy și E. Gero, maghiarii au fost foarte hotărâți în legătură cu politica națională a Cehoslovaciei, spunând despre aceasta că «dorește lichidarea minorităților naționale cu mijloace necunoscute până acum».

Nagy a lansat două variante de rezolvare a problemei maghiare, cerând sovieticiilor să insiste pe lângă Cehoslovacia ca în tratatul de pace să fie inclusă o prevedere prin care aceasta se obliga să asigure minorității maghiare toate drepturile «legitime». O a doua posibilitate de rezolvare a diferendului avea și o componentă teritorială. Potrivit planului înaintat, guvernul de la Praga urma să cedeze Budapestei regiunile de graniță locuite de comunități maghiare compacte, pentru ca Ungaria să poată primi pe teritoriul său cvasitotalitatea comunității maghiare din Cehoslovacia. În sprijinul ideii se aducea argumentul raportului dezechilibrat dintre slovacii ce doreau să părăsească Ungaria și maghiarii din Slovacia ce urmau să fie deportați, adică 50 000 față de 600 000. Ambele propunerii ar fi satisfăcut pe deplin Ungaria⁷.

Reacția lui Stalin a fost mai mult decât reținută. El a sugerat ungurilor să pună în practică ideea schimbului inegal de populație, oferind ca exemplu acordurile semnate de Polonia cu Ucraina și Lituania, unde raportul a fost de 200 000 la 2 000 în favoarea polonezilor⁸. Contrarugumentul lui Stalin a fost acela că, din punctul de vedere al politicii naționale, primirea celor 600 000 de unguri din Cehoslovacia este de dorit rămânerii lor în această țară, atâtă vreme cât erau lipsiți de drepturile specifice minorităților, ce ar fi dus la deznaționalizarea lor.

Stalin a promis totuși delegației maghiare că va încerca să-l determine pe cehoslovaci să acorde minorităților naționale drepturile cuvenite, insistând că ideea schimbului de populație este cea mai potrivită pentru situația politică actuală.

Vizita la Moscova a fost percepță de liderii maghiari ca un succes diplomatic. La câteva zile după întrevaderea cu Stalin, într-o conferință ținută în fața activului de partid din Budapesta, consacrată poziției partidului în problema fixării granițelor, J. Revay arăta că, spre deosebire de «puterile anglo-saxone», care au sfătuit Ungaria să nu ridice pretenții teritoriale față de Cehoslovacia, din partea lui Stalin s-au primit încurajări⁹.

Întârzierea punerii în aplicare a acordului i-a determinat și pe cehoslovaci să apeleze la sovietici, cerând Moscovei să exerce presiuni diplomatice asupra Budapestei și anunțându-i pe sovietici că reprezentanții Cehoslovaciei vor internaționaliza problema.

Încă din 30 aprilie 1946, la Paris, în discuția cu Molotov, reprezentantul Cehoslovaciei, V. Haidu, a atras atenția că guvernul de la Praga nu vede altă ieșire decât ridicarea problemei în timpul conferinței de pace. La acest impas se ajunse în urma vizitei la Budapesta a secretarului de stat Klementis, în timpul căreia poziția guvernului maghiar fusese exprimată fără echivoc; Ungaria nu va primi populația maghiară din Cehoslovacia decât dacă aceasta va fi hotărârea Conferinței de Pace.

Drept răspuns, Molotov a sugerat Pragăi să nu pună semn de egalitate între schimbul de populație cu Germania și cel cu Ungaria, cerându-le cehoslovacilor să găsească o soluție de compromis împreună cu ungurii¹⁰.

Una dintre ultimele încercări ale maghiarilor de a-i atrage pe sovietici de partea lor s-a petrecut în culisele Conferinței de Pace de la Paris, la 20 august 1946. Într-o discuție particulară cu Molotov, ministrul maghiar de externe, J. Gyongyossy, a reiterat cele două propunerile de rezolvare a conflictului. De această dată răspunsul lui Molotov a fost mai puțin diplomatic, Gyongyossy fiind anunțat că guvernul sovietic va susține propunerile cehoslovace. Relevantă pentru poziția maghiară în această criză este afirmația lui Gyongyossy că Budapesta a semnat acordul cu privire la schimbul de populație doar pentru a infirma statisticile cehoslovace care susțineau că pe teritoriul Ungariei trăiesc 300 000 de slovaci, în timp ce maghiarii vorbeau doar despre 103 000¹¹.

Pe parcursul anilor 1946–1947, autoritățile de la Praga și Bratislava au luat o serie de măsuri pentru strămutarea forțată a populației maghiare în Vestul și Nord-Vestul Cehiei. Sub pretextul decretelor prezidențiale vizând obligativitatea muncii, în aceste regiuni au fost înființate colonii de muncă populate, în majoritatea lor, cu etnici maghiari. Conform documentelor sovietice, aproximativ 50 000 de unguri au fost strămutați și angajați, în acea perioadă, în diverse activități de reconstrucție pe teritoriul Cehiei¹².

Runda finală de negocieri între reprezentanții PCC și cei ai PCU a avut loc între 24 și 25 iunie 1948. În urma insistențelor sovietice, cele două părți au ajuns la un acord care prevedea acordarea cetățeniei ungurilor din Slovacia și slovacilor din Ungaria, înființarea de școli slovace și maghiare în cele două țări, repunerea în proprietate, până la 50 ha, a celor expropriati, permiterea reîntoarcerii la locurile de baștină din Slovacia a maghiarilor deportați în Cehia, apariția unor ziare în limba maghiară și permisiunea ca ungurii să poată accede în PCC și în sindicate. Toate aceste drepturi reparatorii nu erau acordate colaboraționiștilor și membrilor grupărilor religioase radicale¹³.

Departate de a fi dovada lipsei implicării Uniunii Sovietice în administrarea conflictelor și diferendelor apărute între țările Europei Orientale, poziția oficia-

lă sovietică, de susținere a poziției cehoslovace, a fost, mai degrabă, o modalitate de admonestare a guvernului maghiar nemocomunist. De altfel, în toate diferențele care au opus Ungaria Cehoslovaciei sau României, ultimele două au avut căștig de cauză, realizarea obiectivelor lor fiind în acord cu interesele sovietice din zonă. În consecință, atât acordarea Ardealului de Nord României, cât și politica de purificare etnică dusă de Cehoslovacia au putut avea loc numai cu bunăvoie Uniunii Sovietice, ale cărei interese nu erau legate de existența unei Ungarie puternice.

Implicitarea Moscovei de partea Pragăi, Bucureștilor sau Varșoviei în conflictele pe care acestea le-au avut cu Ungaria sau în legătură cu teritoriile Germaniei ocupate ne apare ca parte a unei strategii politice ce viza întărirea viitorilor piloni ai politiciei externe sovietice în Europa Orientală. Chiar și în aceste cazuri, cu toate că a permis până la un moment dat strămutarea ungurilor și germanilor din Polonia și Cehoslovacia, pentru a căstiga sprijinul populației locale, după întărirea regimurilor comuniste din Polonia și Cehoslovacia, URSS a exercitat presiuni în vederea încetării acestor practici.

П р и м е ч а н и я

¹ V. V. Marina. *Cehoslovakia: ot mnogonationalnogo k dvunationalnomu gosudarstvu. 1944–1948 godi* // *Slavianovedenie*. № 5. 2001.

² G. P. Muraško. *Vostocinaia Evropa v dokumentah rossiiskih arhivov 1944–1953*. Moskva–Novosibirsk, 1997. Vol I. 1944–1948. P. 134.

³ Ibid. P. 174–183.

⁴ Ibid. P. 225.

⁵ Ibid. P. 232.

⁶ Ibid. P. 402–406.

⁷ Ibid. P. 407–419.

⁸ Ibidem.

⁹ *Arhivele Naționale, Fond CC al PCR, Secția Relații Externe 1921–1949*, Vol. 1. D. 6/1946. P. 1–9.

¹⁰ Ibid. P. 428–433.

¹¹ G. P. Muraško. *Vostocinaia Evropa v dokumentah...* P. 514–519.

¹² T. V. Volokitina. *Sovetskii faktor v Vostocinoi Evrope. 1944–1953*. Moskva, 1999. P. 412.

¹³ G. P. Muraško. *Vostocinaia Evropa v dokumentah...* P. 910–911.

Резюме

Советский арбитраж в национально-территориальных конфликтах в Восточной Европе. Дело венгерского меньшинства в Чехословакии. 1944–1947 годы

Официальная советская позиция поддержки чехословацкой стороны явилаась скорее всего способом порицания некоммунистического венгерского правительства. Между прочим во всех спорах, в которых Венгрию противопоставляли Чехословакии или Румынии, последние две были в выигрыше, ибо осуществление их целей отвечало советским интересам в регионе. В результате передача Северной Трансильвании Румынии, а также проводимая Чехословакией этническая чистка были возможны лишь при благосклонном отношении Советского Союза, интересы которого не были связаны с существованием сильной Венгрии.

Участие Москвы на стороне Праги, Бухареста и Варшавы в конфликтах этих стран с Венгрией или в связи с вопросом территорий оккупированной Германией, можно рассматривать как часть политической стратегии, преследовавшей цель укрепления будущих пилиров советской внешней политики в Восточной Европе. Даже и в этих случаях, несмотря на то, что до определенного момента допускалось переселение венгров и немцев из Польши и Чехословакии с тем, чтобы завоевать поддержку местного населения, СССР стал оказывать давление в целях прекращения подобной практики.

Л. Н. Денисова

Русская крестьянка в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов

Трагической и героической страницей вошла Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в историю Советского Союза. Ни все кинофильмы о войне, даже лучшие из них, как эпопея «Освобождение», «Судьба человека», ни стихи, даже такие, как знаменитые симоновские «Жди меня, и я вернусь», облетевшие все фронты и ставшие поистине народными, ни литература («А зори здесь тихие...» Б. Васильева, «Горячий снег» Ю. Бондарева или «Навеки — девятнадцатилетние» Г. Бакланова) не могут в полной мере заменить цельного исторического повествования, где бы была правдиво отражена история подвига русской женщины — вдохновителя побед, участницы боевых действий, великой труженицы тыла и хранительницы семейного очага. Символом ее великого подвига в тяжелейшие годы борьбы, труда и страданий могли быть знаменитые роденовские руки, по-русски же об этих натруженных руках написано так: «На руки их посмотрите... В ревматических наростах по суставам, обвитые клубками вен! Эти руки поставят в тупик любую гадалку, ни линии жизни на них нет, ни линии смерти — съедены линии зароговевшими мозолями, стерты, попутаны, переиначены. Как деревня летопись, расскажут все-все эти руки умеющему думать, чувствовать, благодарить. Поклонитесь, люди, этим рукам!»

Сообщение Совинформбюро о начале войны подвело черту под эпохой, существовавшей до 22 июня 1941 г. Мирные заботы остались в другой, казалось, уже чужой, до нереальности далекой жизни. Дыхание войны чувствовалось не только в районах, сразу же оказавшихся в зоне военных действий, но и в глубоком тылу. Мужчины уходили на фронт. Деревня отдала армии цвет своей молодежи — механизаторов в возрасте до 25 лет, имеющих технические навыки и пополнивших моторизованные части армии. Ушли на фронт и прославленные председатели колхозов, к примеру Посмитный, такие знаменитые комбайнеры, как Борин. В селах оставались старики, подростки и женщины. Российской деревне досталась тяжелая бабья доля, и она разделила ее сполна.

До войны на временно оккупированной территории проживало 88 млн человек, т. е. 45% населения Советского Союза, причем примерно две трети жителей Белоруссии и Украины, захваченных гитлеровцами, проживали в селах. Из-за стремительности наступлений эвакуировать удалось лишь часть крестьян. В оккупированных районах осталось до 47% посевных площадей страны и 45% поголовья скота. Мучительно долго тянулось для крестьян время немецкой оккупации, и столь радостной стала осуществлявшаяся надежда освобождения. Однако многие села были сожжены дотла, а иные и вместе с их жителями: село Козары на Черниговщине, Кода в Киевской области, Селец в Белоруссии, известная всему миру Хатынь...

Исход войны решался не только на полях сражений, но и на хлебных полях, на фабриках и заводах. Победа ковалась и теми, кто был за штурвалом комбайна, рулем машины, стоял у станка. Это нашло и стихотворное выражение:

Из одного металла льют
Медаль за бой,
Медаль за труд.

Велика заслуга крестьянства в решении продовольственной проблемы в тяжелое лихолетье войны. На фронт шли эшелоны с войсками и техникой, а колхозницы спасали общественное имущество и скот, рискуя оказаться в плену или поплатиться жизнью, под бомбежками перегоняли трактора, комбайны, стада колхозных коров по нескольку сот, овец до тысячи. И все это опираясь лишь в основном на собственные силы, не имея дополнительной техники, пройдя километры пути. «Мы шли четыре месяца и четыре дня, вспоминала доярка прифронтового колхоза, — мы уходили из деревни, вели скот, когда фронт был в 50 километрах, оглянулись — деревня горит. А на нас картечь с самолетов...» И несмотря на трудности пути и преследование фашистов, в 1941 г. за пределы Украины эвакуировали 65% крупного рогатого скота и свыше 90% овец. Труднее пришлось с эвакуацией техники, но и здесь проявлялись чудеса героизма. Знаменитая на всю страну Прасковья Ангелина, первая женщина трактористка, вывела свою механизированную бригаду со Ставрополья в Западный Казахстан, и уже в первый год работы они выполнили больше двух годовых норм, урожайность в колхозе имени Буденного повысилась вдвое.

В 1941 г. на колхозных полях страны развернулась битва за хлеб. Лозунг «В труде как в бою!» получил в войну буквальное выражение: колхозницы попадали под обстрелы и бомбёжки, хлеб вывозили под вражеским огнем, нередко раненые продолжали работать, а бывало и погибали во время уборки урожая. Особенно не хватало механизаторов, а в это время две трети механизаторских кадров на полях страны — это женщины, в краткие сроки овладевшие мужской специальностью, остальные колхозницы вручную убирали хлеб. Колхозницы сутками оставались в поле, лошади не выдерживали и их меняли каждую смену, а крестьянки, недосыпая, не доедая, находили в себе силы работать по 12—18 часов. Люди не ждали технику, а косами и серпами убирали урожай, нужный армии. По ночам возили с поля снопы и обмолачивали, а в полночь отправляли подводы с хлебом на заготовительные пункты, чтобы к утру опять быть в поле.

Героический труд колхозников увенчался успехом — в тыловых районах урожай в основном был убран. План заготовок 1941 г. выполнили на 80%. Эта победа не была отражена на карте сражений, но она внесла важнейший вклад в общую большую победу народа. Как ни тяжел был 1941-й сельскохозяйственный год, но 1942 и 1943 гг., когда под оккупацией оказались главные районы зерновых, а также технических культур, подсолнечника, стали испытанием для деревни. Катастрофически не хватало сельскохозяйственной техники всех видов, горючего, запасных частей, энергоресурсов, и особое значение приобрел ручной труд. Но людские ресурсы резко сократились: количество трудоспособных мужчин-колхозников уменьшилось за 1941 г. на три миллиона, 1942 — еще на 2,3 млн, 1943 — еще на 800 тысяч, и к концу 1943 г. в колхозах осталось менее трети трудоспособных мужчин по сравнению с 1940 г. Мужчины уходили в армию, в промышленность.

Исключительную роль в колхозном производстве сыграла женщина-колхозница, которая одновременно несла на себе и все трудности деревенского быта и ответственность за стариков и детей своей семьи и своей деревни. Простая русская крестьянка становится не только звеньевой и механизатором, вместо ушедших на фронт и работавших на оборонных предприятиях мужчин, но и бригадиром, заведующей фермой, директором МТС и председателем колхоза. В СССР к 1944 г. среди председателей колхозов каждый десятый — женщина, свыше половины бухгалтеров и счетоводов также крестьянки, они занимали до 40% должностей бригадиров и заведовали животноводческими фермами. В 1943 г. на руководящую работу было выдвинуто 400 тыс. женщин. Многие крестьянки, тра-

диционно занимавшиеся домом и простым колхозным трудом, в годы войны решаются пойти обучаться на механизаторов, счетоводов, бухгалтеров и возглавляют основные участки сельскохозяйственного производства. Так, Дарья Гармаш в 1941 г. формирует женскую тракторную бригаду, а после войны становится директором МТС и избирается депутатом Верховного Совета СССР. До войны колхозницы были лишь дополнительным источником пополнения механизаторских кадров, но с ее началом становятся главным резервом массовых кадров МТС; они стали и основной категорией учащихся в школах ФЗУ, школах механизации и курсах возждения. Из подготовленных за войну свыше 2 млн механизаторов 1,5 млн — женщины. В послевоенные годы мужчины потеснили крестьянок на всех руководящих и механизаторских должностях без учета образования и опыта работы и, как сказал Никита Сергеевич Хрущев, выступая на заседании актива в 1961 г., как руководить так мужчина, а как работать так женщина, которую в зале среди руководства можно только в бинокль разглядеть.

В военное время крестьянку можно было увидеть за рулем трактора и штурвалом комбайна, в мастерской за токарным станком и в МТС за починкой машины, она пахала землю, пасла скот, переносила тяжелые мешки, нередко ночевала в поле, а после трудового дня, при керосиновой лампе или лучине, писала письма на фронт, мастерила кисеты или вязала теплые вещи бойцам.

Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила,
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым,
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим...

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой, и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Эти строки Михаила Исаковского простыми словами выражают высокую дань простой женской судьбе простой крестьянки, каких были миллионы, всем им и каждой из них.

О тяжелых буднях войны вспоминали долгие годы и после Победы: «Телятам каждому надо насыпать корм, воды поднести, пойло ему руками подаешь, вся обольешься, пока несешь. Навоз убирали сами, носили на поля как удобрение, все вручную. Копали картошку из-под снега, сдавали государству, на полях ничего не оставляли. Сами питались плохо, у кого — что». Трудно было и женщинам-механизаторам. Ремонтных мастерских было мало, оборудования не хватало, часто ремонтировали трактора и комбайны на морозе, оставленные в поле еще осенью машины и в холод, и стужу и пургу разыскивали и волоком тащили к мастерским для ремонта. Тракторы не были приспособлены для женщин — сиденья жесткие, ноги не доставали до педалей управления, приходилось придумывать приспособления. И это при том, что трактористки — молодые девушки 15–18 лет, обучавшиеся нередко прямо в поле во время сенокоса или уборки урожая. Женский энтузиазм и самоотверженность не знали предела; в соревнованиях с мужскими бригадами они одерживали верх, перевыполняя планы по выработке и экономии горючего. А когда не хватало машин, лошадей, коров и волов, женщины впряженлись и пахали, как они говорили «на себе». Одна из крестьянок рассказывала: «И пахать во время войны приходилось на себе. Восемь—девять женщин впряженутся друг к дружке поближе поровнее и тянут. Упряжка-то пошире, чем на лошадях. От упряжки палки тянутся, а к ним плуг привязан. И еще одна женщина или парнишка за плугом идет». Рабочей силы не хватало хронически, женщины работали на износ, забывая о здоровье, помня лишь о возможности своего участия и внесения вклада в победу. Вклад этот был неизмеримым, и каждая из них ковала большую победу для всех граждан своей страны. А в это время приходили и похоронки, сложенные тресугольничком несчастья, и вся деревня подолгу горевала в опустевших избах и ждала и надеялась на скорую и выстраданную Победу.

Ответом врагу колхозницы считали многократное увеличение норм труда, перевыполнение планов и личных заданий, они знали, что от их труда зависит снабжение армии и городов, где были их близкие — мужья, сыновья, родственники. «Сердцем мы каждый день в бою», — говорили крестьянки. И конечно, высокие государственные поставки осуществлялись и за счет резкого ограничения собственного потребления продуктов питания. Деревня жила на трудодни, и хотя были определены нормы выдачи на него деньгами и продуктами, даже в официальных документах эти нормы были уменьшены вдвое по сравнению с довоенным временем, но и, понятно, многим колхозникам этого не хватало. Жили в основном

за счет личных подсобных хозяйств и того, что выращивали на огородах. Еще в 1940 г. был введен восьмичасовой рабочий день, семидневная рабочая неделя, запрет на самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, а с началом войны рабочий день был удлинен, отменены отпуска. В 1939 г. для колхозников был введен обязательный минимум трудодней, увеличенный в военное время; невыработавший подлежал по приговору народного суда к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев с удержанием оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. В период войны, когда основной трудовой силой деревни стала женщина, а это 80% трудоспособных сельчан, колхозники выработали трудодней вдвое больше обязательного минимума, а также работали у себя на подворье, чтобы обеспечить семью, стариков и детей.

Сельскохозяйственные заготовки были не единственной формой помощи крестьянства государству в деле завоевания общей победы. Немалые средства шли из деревни через распространение облигаций военных займов, колхозницы расставались с любимыми украшениями, старинными ценностями. В Марийской автономии женщины-крестьянки сдавали национальные украшения из старинных серебряных монет старой чеканки; только в одном из колхозов Туркмении в фонд обороны поступило 80 кг серебра. «Нам не нужно нарядов, — говорили женщины, — когда Родина в опасности». В конце 1942 г. такого рода помощь Родине получила особый размах и приняла наиболее популярную и близкую для людей форму: сбор средств для выпуска на заводах военной техники. Это движение возникло в деревне в разгар Сталинградской битвы. Инициаторами выступили колхозники Тамбовской и Саратовской областей, где предложили на колхозных собраниях ко дню Октября собрать деньги на строительство самолета. В октябре 1942 г. собранные только за один день в колхозе «Сигнал революции» Саратовской области 170 тыс. рублей были внесены на сборку боевой машины, которая затем была передана Герою Советского Союза летчику, бывшему колхознику с Урала Шишкину. Такие самолеты собирались авиазаводами на средства не только колхозников названных областей, бригада знаменитой Прасковьи Ангелиной также перечислила средства на строительство боевой техники. Длинными осенними вечерами женщины, собравшись после трудового дня на посиделки, вязали, кроили, шили. В некоторых колхозах возникли даже специальные мастерские по изготовлению теплых вещей, выделке овчины. Только за три месяца 1941 г., когда суровой зимой морозы достигали 45 градусов, на

фронт было отправлено 1,2 млн пар валенок, более 2 млн овчин, 2,2 млн пар шерстяных перчаток и рукавиц, свыше 2 млн полушибков. Колхозники одной лишь Саратовской области собрали столько одежды, белья, валяной обуви, щерсти и кож, что этого могло хватить на 15 пехотных дивизий. А с фронта шли письма-благодарности за заботу земляков, полные тепла, любви и надежды на скорое возвращение домой. Приняла участие в сборе средств для фронта православная Церковь, ее прихожане, а это прежде всего крестьянки, собирали средства, на которые построены машины для танковой колонны имени Дмитрия Донского, санитарные поезда, самолеты.

Унесшая миллионы жизней Великая Отечественная война завершилась победой всего советского народа, одержанной и на полях сражений и в тылу, на поле жатвы. Деревня ждала и выстрадала эту Великую Победу. Возвращались домой фронтовики, из эвакуации приезжали разлученныевойной семьи. Начиналась новая мирная долгожданная жизнь. Но в этой жизни так немного оказалось счастья и радости. Отыграли на улицах гармошки, спели веселые частушки вернувшимся немногим оставшимся в живых фронтовикам, и начались тяжелые послевоенные будни, которые вновь были переложены на плечи вдовых, поседевших за лихолетье крестьянок. Популярная во все колхозные времена частушка зазвучала по-новому:

Вот и кончилась война.
Я осталася одна.
Я и лошадь, я и бык.
Я и баба и мужик.

Ожидание радикальных перемен затянулось. По-прежнему действовал установленный жесткий минимум выработки трудодней, за невыполнение которого грозило выселение из родных мест, лишение огорода. По-прежнему на трудодни ничего не выдавали. По-прежнему уже в мирное время главной заповедью хлебороба, провозглашенной И. Сталиным, было выполнение заготовок для государства, для всех граждан страны за счет колхозников, а именно колхозниц, которых по-прежнему было большинство в опустевшей деревне. По-прежнему колхозники были лишены законного права передвижения по своей стране, поскольку не имели на руках паспортов, не имели они и социальных гарантий: пенсионного обеспечения и услуг социального страхования в виде больничного листа

по болезни, беременности и родам, уходу за больным ребенком. Опять ожидание перемен, уже в мирное время, затянувшееся на десятилетия. При отсутствии, как правило, в деревнях детских садов и яслей матери либо брали детей на работу в коровник или в поле, либо мать пробегала по 5—10 километров покормить детей, в том числе и грудных, и проверять, что они делали весь день без нее и без присмотра старших. Трудности работы множились на трудности быта: школ не хватало, магазины были за несколько километров (10—15), куда крестьянки ходили за повседневным товаром: хлебом, спичками, солью, мылом, часто ночуя в пути. Медицинские учреждения были далеко не в каждой даже большой деревне, и крестьянки вынуждены были добираться за несколько километров на лошади или пешком с больными детьми за помощью к врачам или медицинским сестрам. Указ 1936 г., запретивший аборты, и указ 1944 г., по которому только зарегистрированный брак обеспечивал права и обязанности супружеских, а значит ущемлял права так называемых незаконнорожденных детей, которых в послевоенное время было до четверти среди новорожденных, не столь сильно ударили по деревне, где традиционно внебрачная связь осуждалась, а аборт считался грехом, тем не менее приводили к трагическим последствиям в результате криминального аборта и серьезным психологическим срывам в семьях, где дети были лишены возможности в свидетельстве о рождении иметь запись об отце вместо унизительного прочерка.

Еще не окрепшая после войны деревня в первые послевоенные годы подверглась тяжелому испытанию: на нее обрушился голод 1946—1947 гг. От засухи 1946 г. пострадали Центральное Черноземье, Украина, Молдавия, Нечерноземье, Среднее и Нижнее Поволжье, что не поколебало установку правительства на проведение продразверстки, на введение более строгого, чем в войну, ограничения народного потребления хлеба и других видов продовольствия. Положение людей осложнялось неурожаем картофеля и овощей. Из голодающих областей жители писали родственникам, что жить им нечем: нет ни хлеба, ни картошки, что они начали отекать от голода и погибают. С помощью экстренно созданной инспекции по урожайности контроль за колхозами и совхозами был усилен до такой степени, что хозяйствам приходилось сдавать в счет поставок семенное зерно. Продажа хлеба на колхозных рынках запрещалась до полного выполнения государственных поставок. Введенные в городах продовольственные карточки на деревню не распространялись.

После засухи и хлебозаготовок 1946 г. во многих колхозах страны оплата трудодней колхозникам не производилась или носила формальный характер. В целом по СССР до 80% колхозов выдавали на трудодень менее 1 кг зерна, а 8% — вообще не производили оплату зерном. Расчет с колхозниками по зерну в 1946 г. был ниже, чем в военном 1943 г. — самом тяжелом для сельского хозяйства. Не лучшее обстояло дело с выдачей денег: треть колхозов выдавали на трудодни не более 60 копеек, а еще треть — ни копейки. В колхозах России, Украины, Белоруссии, Молдавии выдача по трудодням основных продуктов питания была намного ниже общесоюзного уровня. За средними показателями скрывались хозяйства, в которых заработанное зерно, картофель, деньги людям вообще не выдавались. В РСФСР в 1946 г. это 13% их общей численности.

Голод охватил не только районы, подвергшиеся засухе, но и большинство других, опустошенных государственными заготовками. Из оприходованного колхозами зерна в УССР в 1946—1947 гг. было сдано и продано государству свыше половины. В 1936 г. этот показатель был равен 44% и в последующие 1930—1940-е годы колебался в пределах 30—43%. Примерно треть зерна засыпалась в фонды колхоза, и остальное (в 1946 г. — 14%, в 1947 г. — 16%) выдавалось трактористам и колхозникам. Это был самый низкий показатель за предвоенные годы! Для минимального пропитания колхозной семьи этого было недостаточно. Голодало около 100 млн человек. Голод не кончился в 1947 г. Не такой сильный, как раньше, он продолжал уносить человеческие жизни во многих регионах в 1948 и даже в 1949 г. В Советском Союзе с 1946 по 1948 г. от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2 млн человек.

Начало массового голода пришлось на осень 1946 г. По соглашению между правительствами СССР и США от 15 октября 1945 г. были продолжены поставки товаров по ленд-лизу, но СССР продукты питания в этот список не включил. При этом, замалчивая масштабы голода, в 1946—1947 гг. он оказывал помощь Маньчжурии, Югославии и другим странам.

Голод уходил в течение трех лет. Традиционной была его география, схожая с 1932—1933 гг. Абсолютный, близкий к голодомору, характер он приобрел в некоторых зерновых районах Черноземного Центра, Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа, юга Украины и Молдавии. Слабее воздействие голода отмечалось в соседних с ними регионах. В других местах наблюдался скрытый голод с постоянным недоеданием.

Государство почти бесплатно получало от колхозов и совхозов продовольствие, а помонь голодающим выдавалась в виде ссуды с процентами.

Поддерживая колхозников, председатели выдавали им продукты независимо от выработанных трудодней. Тысячи председателей колхозов понесли уголовную ответственность за выдачу хлеба на трудодни колхозникам и за невыполнение плана поставок хлеба государству. В СССР в 1946 г. было привлечено к суду свыше 12 тыс. председателей колхозов (по России 5,5 тыс.), в 1947 г. — около 7 тыс., в 1948 г. — 1,7 тысячи.

Естественным следствием голода, репрессий, миграции и бедности являлось нищенство. С лета 1946 г. из районов засухи голодное нищенство распространялось по всей территории страны. На положение нищущих чаще всего переходили жители деревни: вдовы, одинокие старики, инвалиды войны и труда, дети. Деревенское нищенство возросло в 4—8 раз. В 1946—1947 гг. число нищих в СССР доходило до 2—3 млн человек. Послевоенная деревня с трудом восстанавливалась, но из деревни же государство черпало и экспортную квоту, дававшую возможность возрождать народное хозяйство. В условиях тяжелого послевоенного времени, обрушившегося голода колхозники были вынуждены прежде всего выполнять все обязательства перед государством. И деревня, крестьянство с этими задачами справлялись, отказывая себе.

Русская крестьянка вчера, сегодня и завтра — это символ российской деревни. Загадочная русская душа — это женская крестьянская судьба; крестьянка — сильная и волевая в труде, привлекательная в семье, терпеливая мать в своем доме, очаг которого поддерживается теплом ее рук.

Politica PCdR față de Uniunea Sovietică în etapa finală a celui de-al doilea război mondial

Succesul loviturii de stat de la 23 august 1944 a permis PC din România, una din formațiunile politice participante la înfăptuirea acestui act, să revindice o poziție privilegiată. Chiar dacă liderii partidelor istorice aveau toate motivele să credă că în noile condiții comuniștii români aveau să devină favoriții Moscovei, situația în acel moment era însă de departe de a fi foarte clară.

Documentele de arhivă aflate la dispoziția cercetătorilor români nu oferă, deocamdată, mărturii ale unor contacte oficiale între liderii comuniștilor români și conducerea sovietică în ajunul și imediat după ziua de 23 august 1944. Teoriile vehiculate în istoriografia din țara noastră potrivit căror acțiunea de la 23 august a reprezentat o surpriză pentru Moscova sau, dimpotrivă, aceasta s-a realizat la directivele Moscovei sunt doar simple ipoteze, fără o susținere documentară temeinică. Această chestiune rămâne, totuși, o enigmă ce urmează să fie descifrată, sperăm, cu sprijinul colegilor ruși. Înclinăm să credem că în acea etapă liderii de la Kremlin erau preoccupați, mai degrabă, de crearea unui brâu de securitate la frontierele de vest ale țării, de instalarea în țările în care pătrunsesese Armata Roșie a unor regimuri care să nu mai reprezinte nici o amenințare pentru Uniunea Sovietică.

Având în vedere pondera numerică redusă și influența slabă în rândul populației, PCd România nu putea fi considerat în acel moment un partener pe care Moscova s-ar fi putut bizui în planurile sale viitoare.

Întrerupte în timpul războiului, raporturile între PCdR și Moscovă au fost reluate abia după 23 august 1944 într-o formă timidă, la inițiativa comuniștilor români. Prima încercare o face Lucrețiu Pătrășcanu, șeful delegației române la convorbirile pentru semnarea Convenției de Armistițiu. Intenția acestuia de a obține bunăvoiețea Moscovei în timpul întrevederii separate din 1 septembrie 1944 cu A. I. Vișinski, locuitor al Comisarului poporului pentru Afaceri Străine al URSS, căruia i s-a adresat «ca de la tovarăș la tovarăș și nu ca de la ministru la ministru» întâmpină o atitudine rece din partea acestuia din urmă. Toate inviziunile aduse de reprezentantul partidului comunist la adresa partidelor istorice din România, precum și argumentele invocate de acesta menite să demonstreze

hotărârea PCdR de «a mobiliza masele populare pentru lupta împotriva nemților și a asigura colaborarea pașnică cu Uniunea Sovietică»¹ nu au găsit nici un ecou la interlocutor. Mai mult, acesta nu a fost în măsură să-i dea reprezentanțului român un răspuns clar la cererea formulată cu două zile în urmă în cadrul întâlnirii cu V. Molotov de a i se repartiza un colaborator sovietic care să-i asigure o relație personală și neoficială înaintea începerii negocierilor de la Moscova² asupra Convenției de Armistițiu.

Comisarul sovietic nu s-a arătat impresionat nici de sublinierile repetate ale lui Pătrășcanu că el, și nu Știrbey sau Vișoianu, era însărcinat cu semnarea Convenției de Armistițiu în numele guvernului român. La rugămintea expresă a lui Pătrășcanu de a fi ajutat în organizarea unei întrevederi cu Ana Pauker și alți membri ai PCR aflați în emigație la Moscova, Vășinski s-a limitat doar a-i promite că se va sfătuî în această chestiune și ulterior îi va comunica un răspuns³. Se poate spune, deci, că întrevederea lui Pătrășcanu cu A. I. Vășinski a reprezentat primul contact oficial după 23 august 1944 al unui reprezentant al PCdR din țară cu autoritățile sovietice și cu emigranții comuniști din România după 23 august 1944⁴.

Atitudinea Moscovei confirmă neîncrederea în comuniștii români despre care scriu istoricii români Florin Constantiniu și Ioan Chiper: «Față de inconsistență politică a comuniștilor români-P.C.R. era cel mai slab partid comunist din viitoarea sferă de influență a URSS-Kremlinul înțelegea că trebuie să-și asume quasi integral crearea noilor structuri de putere»⁵.

Evoluția ulterioară a evenimentelor atestă faptul că Moscova i-a preferat pe comuniștii români stabiliți în Uniunea Sovietică celor rămași în țară, încă necunoscuți pentru conducerea de la Kremlin. Reveniți în țară, la 16 septembrie 1944, Ana Pauker și Vasile Luca sunt percepți de comuniștii români ca principali lideri ai partidului, considerați ca având girul Moscovei. Nu întâmplător, la primele ședințe ale activului de partid vorbitorii i se adresează întâi Anei Pauker și apoi lui Gheorghiu-Dej.

Gruparea moscovită este cea însărcinată cu punerea în aplicare a directivelor secrete ale Moscovei de marginalizare a partidelor democratice din România, în primul rând a PNȚ, prezentate drept «un cal troian» al Occidentului, ce putea deveni stânjenitor pe măsura avansării procesului de sovietizare»⁶.

Cercetătorii ruși recunosc ei însăși că această grupare, aflată «sub influența indicațiilor rigide ale fostului Komintern dizolvat se pronunță pentru înfăptuirea directă a principiilor de clasă»⁷. Aceștia sunt de acord că poziția liderilor veniți de la Moscova venea în contradicție cu vederile acelei părți a conducerii care apăra ideea consolidării pădurilor muncitoare ale societății.

vedea posibilitatea și necesitatea întăririi coaliției forțelor politice din cadrul Blocului Național Democrat. Istoricii ruși sunt de părere că exponentul acestor idei era Lucrețiu Pătrășcanu. «“Cadrele moscovie” – scriu aceștia- Luca și Pauker au introdus în conducerea de partid spiritul moralizator, demonstrau propria superioritate asupra comuniștilor rămași în ilegalitate în timpul războiului, încercau să-și impună propriile vederi, subliniau că ei sunt “dascăli” pentru Gheorghiu-Dej, secretarul general al CC, și ceilalți funcționari»⁸.

În timpul guvernărilor Sănătescu și Rădescu, dată fiind ponderea neînsemnată pe care o aveau în cadrul acestora poziția PC din România se reduce, în esență, la: *recunoașterea rolului hotărâtor al Armatei Roșii în crearea condițiilor înșăptuirii actului de la 23 august 1944; necesitatea îndeplinirii de către România a obligațiilor decurgând din Convenția de Armistițiu; mobilizarea eforturilor de război ale țării alături de Uniunea Sovietică și celelalte forțe ale coaliției antihitleriste; cultivarea prieteniei cu Uniunea Sovietică, câștigarea încrederii acesteia.*

În ședința activului de partid din 23–24 septembrie 1944, consacrată examinării Proiectului de platformă pentru constituirea Frontului Național Democrat Gheorghe Gheorghiu-Dej recunoaște că «în urma ofensivei victorioase a Armatelor Roșii în această parte a frontului, în sud-est, după ce au fost date peste cap forțele germane, i s-a ușurat sarcina poporului român, sătul de război. La 23 august regimul lui Antonescu a fost doborât și o nouă situație politică și militară a intervenit în România»⁹. Liderul român nu se sfiește să recunoscă și faptul că, spre deosebire de alte țări, comuniștii români nu au reușit să organizeze acțiuni de masă în timpul războiului. «Ne doare acest lucru-mărturisea Dej - și l-am simțit și în închisori, când peste tot, în toate țările, s-au făcut acțiuni deschise»¹⁰.

Gheorghiu-Dej recunoaște, totodată, că Uniunea Sovietică a ajutat forțele politice din România interesate «să inițieze acțiuni serioase», însă, în mod cu totul surprinzător pentru acea etapă, nu omite să sublinieze că «nu este mai puțin adevărat că aceste forțe, prin actul de la 23 august, au ajutat Armata Roșie să ajungă de la Galați la București în 48 de ore...»¹¹, unde au fost primiți de populație și de reprezentanții partidului comunist.

În cadrul aceleiași ședințe, Nicolae Ceaușescu, un alt lider comunist, subliniază faptul că în fața României se află «problema continuării războiului alături de Uniunea Sovietică și de Aliati, nu numai pentru eliberarea României, dar participarea la război pentru distrugerea Germaniei hitleriste»¹², subliniind că guvernul B.N.D. nu poate face acest lucru, deoarece în cadrul lui «sunt elemente reaționare, care caută să pună piedici în realizarea efortului de război al Armatei Roșii și al nostru»¹³.

Referindu-se la necesitatea îndeplinirii prevederilor înscrise în Convenția de Armistițiu, un alt lider comunist, Iosif Rangheț, menționa în aceeași ședință că acesta «are condițiuni foarte generoase», atrăgând atenția că «acum a venit rândul poporului român ca să dovedească că vrea și merită prietenia Guvernului și poporului sovietic»¹⁴. Cu aceeași ocazie, Gheorghe Gheorghiu-Dej a îndemnat să se întreprindă acțiuni pentru împiedicarea sabotării producției și apărarea spatiului frontului, atrăgând atenția că «elementele reaționare» din armată, aparatul de stat se mai tem de Armata Roșie și caută să facă o legătură între prezența Armatei Roșii în țară și activitatea Partidului Comunist. «Noi, afirma acesta, trebuie să împiedicăm să se facă această legătură, dar nu înseamnă că nu trebuie să ne manifestăm dragostea și să popularizăm Armata Roșie, prima divizie cu adevărat a poporului român, Tudor Vladimirescu»¹⁵. Liderul comunist român atragea, totodată, atenția, asupra faptului că guvernul Sănătescu «nu poate îndeplini obligațiile rezultate din încheierea armistițiului cu Uniunea Sovietică, chiar dacă ar vrea»¹⁶. Vorbitorul își încheie discursul manifestându-și calda recunoștință «pentru Armata Roșie, eliberatoarea poporului de sub jugul hitlerist», îndreptându-și gândul «către conducătorul poporului sovietic, către conducătorul Armatei Roșii, către mareșalul Stalin»¹⁷.

Cultivarea prieteniei cu Uniunea Sovietică, sublinierea forței pe care aceasta o reprezenta în noile împrejurări sunt prezente în discursurile majorității liderilor români, cu deosebire a celor veniți de la Moscova. La ședința activului de partid din 23–24 septembrie 1944, Ana Pauker, care cu o săptămână înainte făcuse o vizită la Moscova (vizita este consemnată în jurnalul lui Dimitrov) sublinia că «factorul politic principal în preschimbările masive pe care le vedem acum în întreaga lume, este factorul cel mai înaintat, Uniunea Sovietică»¹⁸. În cadrul unei ședințe aprinse cu reprezentanții social-democraților (30 septembrie 1944), Ana Pauker declara că România nu poate renunța «să nu ia parte serios la lupta împotriva hitleriștilor și să se scuture de o parte din vina pe care o are și nici la prietenia cu Uniunea Sovietică...»¹⁹ Aceasta atragea atenția asupra faptului că în România se joacă o carte «care nu s-a mai jucat încă niciodată în istoria țării», că «nu mai este vremea când se vorbea de cordon de fier împotriva Uniunii Sovietice» și că aceasta nu va mai tolera «ca niște reaționari polonezi sau români, ca piticii să scuipe în fața uriașului». «Prea mult sânge s-a vrăsat în Uniunea Sovietică, prea mult s-a suferit în Uniunea Sovietică, sublinia aceasta, pentru ca până la urmă să admită ca un purice să vină s-o muște. Pentru noi este clar că Uniunea Sovietică poate dintr-o mișcare să ne puie acolo unde trebuie»²⁰. Tot Ana Pauker este cea care subliniază că Uniunea Sovietică este țara care «influențează azi politica din țară și în exterior» și că «pentru ruși este de o importanță extraordinară să se lucreze în țările în care sunt ei»²¹.

Vorbitoarea a criticat, totodată, încetineaala cu care guvernul se îngrijea de asigurarea diviziilor armatei române care, conform Convenției de Armistițiu, trebuiau să lupte pe frontul antihitlerist. «Și de eliberat Ardealul-explica acesta- îl eliberează Armata Roșie, îl eliberează divizia Tudor Vladimirescu și unele părți ale armatei române»²².

Liderii români atrag, de asemenea, atenția supra apariției unor manifestări antisovietice în rândul unei părți a populației. În aceeași ședință a activului de partid din septembrie 1944, Gheorghe Apostol semnalează că «se face propagandă deschisă împotriva Uniunii Sovietice, împotriva Armatei Roșii, sunt înjurați soldații roșii, se face propagandă surdă împotriva B.N.D., împotriva partidului nostru»²³. Unul dintre vorbitori (Șvaier) reproșează guvernului că prin inactivitatea sa «în țară se crează o atmosferă de dușmanie care poate primideui raporturile dintre România și Uniunea Sovietică»²⁴. La rândul său, Ana Pauker acuza în cadrul unei ședințe a Consiliului FND (29 octombrie 1944) incapacitatea guvernului de a asigura dezvoltarea normală a țării și de a se achita de angajamentele asumate prin Convenția de Armistițiu. Vorbitoarea spulberă orice iluzii în legătură cu un posibil sprijin din partea SUA și a Marii Britanii. «România-affirma aceasta- care a dus acest război criminal, ticălos, împotriva Uniunii Sovietice își poate pune problema un om politic englez să se pună de-a curmezișul Uniunii Sovietice pentru România? Aceasta o poate crede numai un orb ca Maniu». Pauker avertizează pe cei prezenți că, fără a avea intenția să se amestece în treburile interne ale României, «Uniunea Sovietică nu va admite ca o nouă clică de felul celei a lui Antonescu, să continue o politică de inconștiință, cum se duce până acum». Aceasta acuză faptul că în România continuă propaganda fascistă, este tolerată propaganda împotriva Uniunii sovietice, soldații și ofițerii sovietici sunt împușcați pe la spate, avertizând, totodată, că Uniunea Sovietică nu va răbdă multă vreme și «într-o bună zi va spune: ajunge, nu sunteți în stare să îndepliniți și condițiile armistițiului, nu sunteți în stare să faceți ordine în țara voastră vom face noi ordine. Și nu vom avea condițiuni de pace ca ale armistițiului, ci altfel de condițiuni, că nu ne vom ridica ani de zile»²⁵.

O poziție asemănătoare exprimă și Vasile Luca în cadrul ședinței conducerii de partid din 14 decembrie 1944 cu delegații regionalelor de partid, atrăgând atenția că «dușmanii încearcă toate în spatele Uniunii Sovietice, lovesc în Partidul comunist, ... fac tot ce le stă în puțință pentru a provoca ruptura între noi și popor, de aceea fac ei toate aceste provocări și folosesc orice pentru a compromite Armata Roșie»²⁶.

PCdR folosește întregul arsenal de mijloace aflate la dispoziție pentru întărirea prieteniei și a colaborării cu Uniunea Sovietică, popularizarea acestia în România. În acest scop a fost mobilizat potențialul în creștere al

ARLUS-ului, organizație creată la inițiativa PCdR, în noiembrie 1944, care cuprindea numeroase personalități ale vieții culturale și științifice, precum și cel al Apărării Patriotice, altă organizație controlată de comuniști. La Conferința cu activiștii de partid din domeniul propagandei (28 ianuarie 1945), participanții informează despre manifestările organizate în țară, în sprijinul afirmării simpatiei față de Uniunea Sovietică și față de Armata Roșie, precum și despre adunările consacrate aniversării zilei de 7 noiembrie, Constituției sovietice, zilei de naștere a lui Stalin. Sunt evidențiate sprijinul primit din partea comandamentului sovietic pentru difuzarea de filme artistice sovietice, ca și activitatea de difuzare în România a literaturii ruse și sovietice, a lucrărilor teoretice ale lui Lenin și Stalin. În informarea cu privire la activitatea Editurii de partid, Lazarovici, delegat din partea județului Iași, raportează că organizația pe care o reprezinta s-a ocupat de difuzarea cărților venite din Uniunea Sovietică «odată cu intrarea Armatei Roșii». «În timp de 5 luni, declara acesta, s-au scos 31 de lucrări, cu un tiraj de 500 000 de exemplare, s-au scos portretele lui Lenin și Stalin în 10–120 000 de exemplare»²⁷. În cadrul discuțiilor, participanții au propus editarea lucrărilor clasice marxism-leninsmului, a Cursului de istorie a PC(b) al Uniunii Sovietice, precum și a unor lucrări despre «viața și lupta conducătorilor sovietici» sau Armatei Roșii. Referindu-se la activitatea culturală, unul din participanți, Fedea Rudenko recomanda participanților ca bibliotecile să conțină «numai ce a fost controlat din literatura clasică, potrivit normelor actuale, tot ce a fost editat de Cartea Rusă și o serie de alte edituri, fără a mai vorbi de a noastră»²⁸. Vorbitorul a criticat, totodată, «greșelile și devierile de dreapta» din activitatea unor organizații ale ARLUS-ului, care organizaseră festivaluri consacrate Constituției sovietice sau Armatei Sovietice fără nici o referire la evenimentele marcate. Unul din liderii marcanți ai PCdR, Iosif Chișinevschi, responsabil cu activitatea ideologică, recomandă, la rândul său, organizarea de conferințe publice și editarea de lucrări despre relațiile româno-sovietice, punându-se accent pe necesitatea de «a se lichida elementele ce stau în calea prieteniei noastre cu Uniunea Sovietică și de a consolida prietenia trainică și veșnică cu Uniunea Sovietică»²⁹.

În cuvântarea rostită cu acest prilej, Ana Pauker recunoaște că succesele obținute în munca de propagandă se datorează prestigiului Armatei Roșii, însă socotește necesar să explice și meritele comuniștilor români. «Bineînțeles-sUBLINIA aceasta, mereu ni se pun în față strălucitele succese ale Armatei Roșii, dar și noi am reușit să distrugem unele din minciunile cu care poporul nostru a fost otrăvit împotriva Uniunii Sovietice»³⁰. În cadrul aceleiași consfătuiri, Ana Pauker cere să se renunțe la frazele-sablon despre prietenia cu Uniunea Sovietică, în favoarea unei propagande convingătoare, argumentate, în aşa fel încât

«fiecare să-și spună: fără prietenia cu Uniunea Sovietică nu pot trăi, aşa cum nu pot trăi fără aer»³¹. «E nevoie, continua aceasta, ca în mod dibaci... să curățăm țarina, să scoatem buruiana din capul oamenilor și să le arătăm realitatea, să le arătăm ce este Uniunea Sovietică, forța Uniunii Sovietice, spiritul cu adevărat democrat, de iubitor de pace, ce-l are Uniunea Sovietică, spiritul care domnește în Uniunea Sovietică și care duce și la apărarea poporului român»³².

Conducerea de partid nu trece, totuși, cu vederea, o serie de abuzuri săvârșite de autoritățile sovietice față de populația civilă, încercând aplanarea acestora.

«Chiar când se întâmplă lucruri grave, menționa Ana Pauker la aceeași conștiință, să arătăm că ostașii roșii care le comit nu răspund nici în mică măsură pentru ororile comise de ai noștri în Uniunea Sovietică, în Ucraina, Crimeea și Caucaz... Noi nu utilizăm faptul războiului dus de români, fără voință poporului român, aruncându-i mereu vina în fața ochilor... Deci trebuie arătat care este izvorul unor fapte ale ostașilor roșii și că e normal că atunci când trec printr-un loc și nu primesc ajutor, acești oameni care merg la moarte să-și îngrijească de mâncare, când nu li se dă»³³.

În cadrul conducerii de partid sunt examineate, de asemenea, o serie de abuzuri ale Armatei Roșii în Ardeal. În cadrul ședinței din 24 ianuarie 1945, delegatul Mikloș sesizează tensiunile apărute în Transilvania ca urmare a acțiunilor autorităților rusești. Numai la Cluj acestea ridicaseră 4000 de unguri și români, pe care i-au catalogat ca fasciști și i-au dus în direcții necunoscute, internându-i împreună cu nemții. «Îi iau de pe stradă-spunea acesta. Se duc oamenii la lucru dimineață și nu se mai întorc acasă...»³⁴ «Și fasciștii pe care noi i-am predat autorităților sovietice au venit toți acasă după câteva săptămâni, pentru că nu sunt dovezi împotriva lor... Și aceștia au fost ridicați și nu s-au întors»³⁵.

La peste o lună de la 23 august 1944, liderii PCdR examinează, împreună cu reprezentanții social-democraților, modalitatea de a acționa pe baza unei platforme comune, pentru înlocuirea guvernului Sănătescu, acuzându-l de incapacitate. Urmând indicațiile clare ale Moscovei de a nu grăbi soluționarea unor probleme ale dezvoltării viitoare a României, Ana Pauker evocă experiența sovietică și își exprimă ferm dezacordul cu ideea social-democraților de a se proceda la o colectivizare a agriculturii, socotind-o extrem de periculoasă pentru etapa respectivă. «Dar nici în Uniunea Sovietică, preciza aceasta, colectivizarea nu s-a făcut de la început. Nu se colectivizează sărăcia... În condiții de ruină, aşa cum ne găsim noi azi, țaranul numai muncind cu o foarte mare sărăguință, dacă știe că pământul este al lui, numai atunci poate da un randament... În momentul de față, colectivizarea pământurilor este cea mai reaționară punere a chestiunii, cea mai periculoasă»³⁶, asigurându-i că îi va combate cu toată energia.

Conducerea PCdR era conștientă că *prezența Armatei Roșii în România reprezenta un sprijin pentru propria-i activitate*. În cadrul ședinței cu activul de partid din domeniul propagandei, Ana Pauker evidențiază necesitatea luptei împotriva spiritului fascist și legionar, împotriva a tot «ce a stricat, a înveninat mintea unei bune părți din populația din România, a întregiiuri care există împotriva Uniunii Sovietice, împotriva adevăratului progres, împotriva revoluției, a Partidului Comunist, care este purtătorul revoluției și progresului»³⁷. Recunoșcând că deși Grecia se afla înaintea României din punct de vedere al activității care trebuia desfășurată în acest domeniu, Ana Pauker subliniază că diferența era, totuși în favoarea României, deoarece aceasta beneficia de prezența Armatei Roșii, în timp ce în Grecia se aflau trupele britanice. Cu toate acestea, liderul român consideră necesar să atragă atenția că prezența Armatei Roșii nu poate suplini munca pe care partidul și sindicatele trebuie să o desfășoare. «Armata Roșie, fiind aici, sublinia Ana Pauker în cadrul aceleiași consfătuiri cu activul din domeniul propagandei, ne este de mare folos, dar Armata Roșie nu poate face munca în locul nostru și ferească Dumnezeu, să nu știm să îndreptăm greșelile, că e vai de capul nostru dacă nu ne facem noi singuri treburile, aşa cum trebuie, aici în țară...»³⁸ «Norocul nostru este-conchide aceasta- că Armata Roșie va mai sta o bună bucată de vreme aici»³⁹.

Tot în această perioadă se constată și apariția primelor fisuri în conducerea partidului comunist între gruparea din interior și cea moscovită. O ilustrare a acestei situații este mărturisirea făcută de Lucrețiu Pătrășcanu la 6 decembrie 1944, în convorbirea cu S. P. Kirsanov, adjunctul șefului Direcției Politice a Comisiei Aliate de Control. Cu acest prilej, Pătrășcanu a admis că partidul a făcut o serie de greșeli în declanșarea celei de-a doua crize guvernamentale, recunoscând că aceasta nu este o politică clară, că acțiunile partidului «sunt duse la întâmplare, incoerente și puțin isterice»⁴⁰. Dezvoltând ideea, liderul român a menționat că «acțiunile partidului comunist, îndeosebi ale reprezentanților săi, precum tovarășii Pauker și Luca, care au fost timp îndelungat în URSS, angajează într-un anumit fel și Uniunea Sovietică», motiv pentru care «noi trebuie să fim de două ori prudenti».

Referindu-se la mărturisirea lui Pătrășcanu, Kirsanov informează Moscova că a rămas cu impresia că «în conducerea Partidului Comunist, între Pauker, pe de o parte, și Pătrășcanu, pe de altă parte, există unele divergențe în probleme tactice»⁴¹. Gruparea moscovită are, la rândul ei, o serie de obiecții la adresa celei din interior. Vasile Luca îi spunea lui V. Morev, corespondentul TASS în România, că declarațiile exprimate de Pătrășcanu nu reflectă totdeauna punctul de vedere al partidului comunist și că acesta «nu este nici măcar membru al CC al partidului comunist», „a intrat în istorie întâmplător, adus de valul evenimentelor” și că «nu este un comunist consecvent»⁴².

Vizita la Moscova, în decembrie 1944⁴³, a delegației române condusă de Gheorghiu-Dej și întâlnirea cu Stalin pot fi considerate drept începutul oficializării raporturilor între comuniștii români și cei sovietici. Din păcate, până în prezent nu au fost identificate nici un fel de documente despre acastă întâlnire nici în arhivele românești, nici în cele rusești. Singurele mărturii pot fi găsite în jurnalul lui Gheorghe Dimitrov. Acesta consemnează că la 4 ianuarie 1945 i-a primit la vila sa pe Ana Pauker, Gheorghiu-Dej și Gheorghe Apostol și că aceștia l-au informat asupra sfaturilor primite din partea lui Stalin: să acorde atenția principală reformei agrare (prin împărțirea pământurilor moșierilor și agenților germani, fără a se atinge de domeniile palatului și ale mănăstirilor); să creeze SMT-uri (URSS s-a oferit să dea un număr de tractoare); să dezvolte industria petrolieră (nu s-a pus problema naționalizării); să caute să nu sperie și să nu îndepărteze elementele burgheze (antisemite), inclusiv gruparea Tătărescu; viitorul FND să se sprijine pe Divizia Tudor Vladimirescu. Stalin a oferit, de asemenea, în cazul constituirii în România a unui guvern al FND, sprijinul URSS pentru revenirea la România a nordului Transilvaniei și a exprimat disponibilitatea URSS de a încheia un pact de asistență mutuală cu România asemănător celui încheiat cu Cehoslovacia⁴⁴.

La revenirea în țară, Gheorghiu-Dej informează abia la sfârșitul lunii ianuarie 1945 despre vizita la Moscova, despre problemele discutate, însă nu amintește nimic despre întâlnirea cu Stalin. Multe din recomandările primite din partea lui Stalin se regăsesc, totuși, în Platforma FND, precum și în intervențiile lui Gheorghiu-Dej. În ședința din 24 ianuarie a Consiliului FND, Gheorghiu-Dej leagă problema intensificării eforturilor de război ale României și întărirea legăturilor de prietenie cu Uniunea Sovietică de necesitatea câștigării încrederii acesta în vederea dobândirii statutului de țară cobeligerantă. «Acesta, sublinia Gheorghiu-Dej, presupune revizuirea poziției noastre, căci astfel la conferința de pace vom sta la ușă»⁴⁵. «Trebuie, declară acesta, să facem și noi parte din marea familie a popoarelor aliate, căci de fapt noi luptăm alături de aliați»⁴⁶. Gheorghiu-Dej a insistat asupra faptului că promovarea unei asemenea politici ar permite României să încheie cu Uniunea Sovietică un pact asemănător celui încheiat de URSS cu Cehoslovacia, precum și aducerea în țară a prizonierilor români aflați în Uniunea Sovietică.

După această vizită, se constată că, odată câștigată încrederea liderului de la Kremlin, Gheorghiu-Dej începe să promoveze cu mai multă fermitate o politică orientată spre strângerea colaborării cu Uniunea Sovietică.

În Programul de guvernare al Frontului Național Democrat dat publicitatii la 29 ianuarie 1945, este criticată «politica antideocratică dusă de cercurile reaționare și sabotarea din partea și sub influența lor, a îndeplinirii condițiunii

lor armistițiului, care au provocat o neîncredere crescândă din partea URSS față de guvernele române în care domină elementul reracționar»⁴⁷. În document se subliniază că numai un guvern al FND «va fi în stare să spulbere neîncrederea din partea Uniunii sovietice și a aliaților ei față dc România», stabilind ca soluții imediate «dictate de salvarea și propășirea națiunii române»: participarea cu «maximum de efort» la războiul dus alături de Națiunile Unite, pentru distrugerea cât mai grabnică a hitlerismului și pentru eliberarea popoarelor, prin «întărirea și democratizarea armatei, cimentarea frăției de luptă dintre Armata Roșie și Armata noastră», îndeplinirea riguroasă a condițiilor Convenției de Armistițiu, «una din garanțiile de bază pentru a cuceri încrederea și prietenia Națiunilor Unite și, în special, a URSS»; stabilirea unor legături de «prietenie sinceră și durabilă» cu toate țările democratice și «îndeosebi cu marea noastră vecină Uniunea Sovietică»⁴⁸.

Contactele între comuniștii din cele două țări s-au intensificat îndeosebi în timpul preparativelor pentru instalarea guvernului Petru Groza. Istoricii ruși recunosc că pentru liderii partidelor comuniste din țările est-europene, în interiorul cărora se ducea o luptă permanentă pentru dreptul de a fi sursa de informare pentru Moscova, în multe privințe definitorie era menținerea puterii, care «putea fi asigurată numai în alianță cu Stalin, devenind singurul "om de încredere" al acestuia»⁴⁹. *Instalarea, la 6 martie 1945, a guvernului condus de Petru Groza, Moscova marchează o nouă etapă în dezvoltarea relațiilor României cu Uniunea Sovietică.* La adunarea din 6 martie 1945 organizată de FND cu ocazia instaurării guvernului Petru Groza, Gheorghiu-Dej îndemna membrii guvernului să meargă «pe linia unei prietenii sincere și permanente cu Uniunea Sovietică, pe linia unor acorduri economice care să permită țării refacerea după dezastrul suferit datorită regimului Antonescu, să aplice cu sinceritate clauzele Convenției de Armistițiu și hotărârile Conferinței de la Ialta, să meargă la dobândirea unei alianțe cu Uniunea Sovietică, pentru a asigura independența noastră națională împotriva oricui care ar încerca să o atingă»⁵⁰.

După instalarea, la 6 martie 1945, a noului guvern, PCdR simte întreaga răspundere pe care o poartă pentru destinele țării. În cadrul ședinței din 7 martie 1945 cu activul central de partid, Gheorghiu-Dej recunoaște că partidul, lipsit de experiență, se află în fața unor sarcini extrem de grele, având de dat un examen «în fața poporului, a Uniunii Sovietice și în fața întregii lumii»⁵¹. Decizia Guvernului sovietic de a satisface cererea Guvernului român, exprimată la 8 martie 1945, privind instaurarea administrației românești în Transilvania a fost salutată de PC din România, ca o mare izbândă dobândită prin lupta poporului român, «mărinimos ajutat de Marea Uniune Sovietică»⁵².

Printre sarcinile imediate puse în fața noului guvern Gheorghiu-Dej enumera reorganizarea sectorului industrial, asigurarea materiilor prime necesare întreprinderilor industriale «care vin în atingere cu producția de război», subliniind, totodată, urgența încheierii unor acorduri cu Uniunea Sovietică, «singura țară care ne poate da un ajutor imediat și consistent»⁵³. Confruntate cu lipsa acută de cereale, îndeosebi în zonele din Moldova, unde oamenii mureau de foame și tifos exantematic, noul guvern român ia decizia de a apela la înțelegerea autorităților sovietice care răspundeau de îndeplinirea prevederilor Convenției de Armistițiu. În cadrul ședinței de guvern din 26 martie 1945, se exprimă speranța că «sovieticii, care sunt un popor foarte înțeleghetor, cred că nu vor pregeta prea mult ca din aceste depozite (de cereale-n.n.) când moare atâtă lume de foame, să ne dea și nouă»⁵⁴. Ministrul de război, Vlădescu-Răcoasa a asigurat că din partea comandamentului sovietic se dă dovdă de înțelegere în asemenea situații, dând ca exemplu cazul în care sovieticii au acceptat ca în loc de cereale să primească lemne⁵⁵.

După 6 martie 1945, Uniunea Sovietică nu se mai se simte stânenită în realizarea planurilor sale de aducere a României în sfera sa de influență și impunerea modelului sovietic, bizuindu-se, de data aceasta, pe comuniștii români.

Chiar a doua zi după intrarea în atribuții a noului guvern, o echipă sosită de la Moscova a transmis reprezentanților PCR-Ana Pauker, Constantin Pârvulescu și Constantin Doncea un plan calificat de surse neidentificate care l-au transmis O.S.S. (Oficiului Servicii Strategice-serviciul de spionaj american) ca vizând comunizarea României⁵⁶. Documentul, conceput pe o durată de trei ani, prevedea: desăvârșirea reformei agrare prin confiscarea marilor moșii; restructurarea armatei române prin crearea unei armate noi din diviziile formate în Uniunea Sovietică; lichidarea băncilor; desființarea gospodăriilor țărănești, pentru facilitarea absorbției lor în sistemul colectivizat; abdicarea regelui și exilul familiei regale; suprimarea treptată a firmelor de import-export cu statele occidentale și orientarea exportului spre URSS și țările intrate sub dominația sovietică; suprimarea partidelor istorice; crearea unei organizații de poliție în temeiul pe o «miliție populară» de tipul NKVD; orientarea populației rurale spre industrie⁵⁷.

Asistăm, treptat, la creșterea interesului Moscovei pentru cunoașterea situației exacte din țară. Așa se explică nota din 23 aprilie 1945 pe care L. Baranov, activist la Secția de Politică Externă a CC al PC(b) al Uniunii Sovietice î-o înaintează lui Gheorghe Dimitrov, prin care îi solicită trimiterea în România a unui curier special, în scopul culegerii de informații cu privire la: a) situația militară și politică din țară (principalele măsuri ale guvernului Groza în vîrsta întăririi forțelor democratice; transformarea forțelor armate; situația din

Transilvania; mersul reformei agrare; refacerea economiei; relațiile României cu țările vecine; o scurtă caracterizare a membrilor guvernului); b) partidul comunist (compoziția numerică și socială; caracterizarea membrilor Biroului Politic, a membrilor CC, ai comitetelor regionale, județene și orașenești; aprecierea rolului PC în unirea tuturor forțelor în lupta împotriva fascismului și a războiului (în ajunul, în timpul războiului și în prezent); rolul partidului în promovarea celor mai importante acțiuni ale noului guvern etc. Sunt solicitate, de asemenea, date despre organizația tineretului comunist, FND, despre presa comunistă și cea a «cercurilor ostile, reacționare» (cu indicarea denumirii și tirajelor acestora, o caracterizare a conducerii) etc. În mod special sunt cerute informații cu privire la «partidele și organizațiile reacționare»: compoziția numerică și socială a PNT și PNL, inclusiv cu privire la procesul de divizare și de luptă internă din cadrul acestora); structura organizatorică și o caracterizare a conducerilor acestora; «activitatea reacționară, antisemitară a partidelor "istorice"», desfășurată în ajunul, în timpul războiului și în prezent), constituirea de grupuri de opozitie în cadrul partidelor «istorice»; o caracterizare a conducerii, compoziția numerică și activitatea Gărzii de Fier etc⁵⁸.

Ziua Victoriei asupra Germaniei hitleriste găsește România alături de Uniunea Sovietică, ca aliat al acesteia. În telegrama adresată din partea CC al PC din România mareșalului Stalin la 9 mai 1945, se menționa că poporul român ia parte cu entuziasm la sărbătorirea Victoriei, «plin de recunoștință pentru Armata Roșie care l-a eliberat, plin de bucurie că a putut, fie chiar cu mare întârziere, să ia parte la luptă, alături de glorioasa Armată Roșie, în războiul de nimicire a hitlerismului și imperialismului german»⁵⁹.

La puțin timp, începe perioada intrării efective a României în sfera de influență și controlul Moscovei, care avea să dureze până la începutul anilor 60, când conducerea română întreprinde primii pași spre afirmarea unei anumite independențe față de vecinul său de la Răsărit.

Примечания

¹ *Vostocinaia Evropa v dokumentah rossiiskikh arhivov 1944–1953 gg. T. I. 1944–1948: Moskva–Novosibirsk*, 1997. P. 63.

² Ibid. P. 65.

³ Notă: până în prezent, nu a fost identificat nici un document care să confirme această întâlnire; singura mărturie este oferită de C. Vișoianu, care scrie că L. Pătrășcanu i-ar fi declarat că Ana Pauker s-a opus conlucrării dintre PCdR și partidele istorice în cadrul BND. Florin Constantiniu, Ioan Chiper. *Modelul stalinist de sovietizare a României // Arhivele Totalitarismului*. 1995. № 2. P. 9.

⁴ Ibid. P. 8.

⁵ Ibid. P. 10.

⁶ Ibidem.

⁷ T. V. Volokitina, G. P. Muraško, A. F. Noskova, T. A. Pokivailova. *Vostocinaia Evropa. Stanovlenie politiceskih rejimov sovetskogo tipa. 1949–1953. Ocerki istorii*. Moskva, 1992. P. 138.

⁸ Ibidem.

⁹ *Stenogramele ședințelor conducerii P.C.R. 23 septembrie 1944 – 26 martie 1945*, Radu Ciuceanu, Corneliu Mihail Lungu (coord.) Florin Constantiniu (responsabil de volum) Sever Catalan, Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, Arhivele Naționale ale României. București, 2003. P. 65–66.

¹⁰ Ibid. P. 68.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. P. 26.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 60–61.

¹⁵ Ibid. P. 70–71.

¹⁶ Ibid. P. 71.

¹⁷ Ibid. P. 75.

¹⁸ Ibid. P. 36.

¹⁹ Ibid. P. 92.

²⁰ Ibid. P. 93–94.

²¹ Ibid. P. 123.

²² Ibid. P. 95.

²³ Ibid. P. 19–20.

²⁴ Ibid. P. 59.

²⁵ Ibid. P. 118.

²⁶ Ibid. P. 193.

²⁷ Ibid. P. 283.

²⁸ Ibid. P. 290.

²⁹ Ibid. P. 310.

³⁰ Ibid. P. 318.

³¹ Ibid. P. 319.

³² Ibid. P. 320.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. P. 227.

³⁵ Ibid. P. 228.

³⁶ Ibid. P. 96.

³⁷ Ibid. P. 189.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid. P. 191.

⁴⁰ *Vostocinaia Evropa v dokumentah rossiiskikh arhivov. 1944–1953. T. I. 1944–1948*. P. 110.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Sovetskii faktor v Vostocinoi Evrope. 1944–1953. T. 1. 1944–1948. Dokumenti. Moskva, 1999. P. 129.

⁴³ În cînvîntul său la Plenara CC al PCR din decembrie 1961, Nicolae Ceaușescu se referă la vizita la Moscova și primirea la Stalin a lui Gheorghiu-Dej, Ana Pauker și Gheorghe Apostol în decembrie 1944.

⁴⁴ Gh. Dimitrov. *Dnevnik*. Sofia, 1997. P. 458.

⁴⁵ România. *Viața politică în documente. 1945*. P. 89.

⁴⁶ Ibid. P. 94.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Vostocinaia Evropa... P. 17.

⁵⁰ Vol. România. *Viața politică în documente. 1945*. Arhivele statului din România. P. 187.

⁵¹ Vol. citat: *Stenogramele ședințelor conducerii PCR. 23 septembrie 1944 – 26 martie 1945*. P. 332.

⁵² *Scânteia. 15 martie 1945*.

⁵³ Vol. citat: *Stenogramele ședinței conducerii PCR...* P. 341.

⁵⁴ Ibid. P. 363.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ O asemenea întâlnire nu este confirmată, deocamdată, de nici un document aflat în arhivele românești și rusești.

⁵⁷ România. *Viața politică în documente. 1945*. P. 189–190.

⁵⁸ Sovetskii faktor... T. 1. P. 189–190.

⁵⁹ *Scânteia. 10 mai 1945*.

Резюме

Политика Коммунистической партии Румынии по отношению к Советскому Союзу на завершающем этапе Второй мировой войны

Прерванные во время войны связи между КПР и Москвой были восстановлены по инициативе румынских коммунистов, сделавших первый шаг сразу после акта 23 августа 1944 г. Речь идет о встрече в Москве 1 сентября 1944 г. Лукреция Пэтрэшкану, главы румынской делегации, прибывшей для заключения соглашения о перемирии, с заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским. Сдержанная реакция советского собеседника во время встречи свидетельствовала о явном недоверии Москвы к Румынской компартии, объясняемом политической несостоятельностью самой слабой коммунистической партии в зоне советского влияния.

На первом этапе Москва предпочла опереться на румынских коммунистов, вернувшихся после войны в Румынию из Советского Союза, ибо другие руководители КПР были неизвестны Кремлю. Именно через «московскую группу» передавались многочисленные советы и рекомендации для исполнения румынской компартией в ее работе.

В первые годы послевоенного периода, при правительствах генералов Сэнэtesку и Рэдеску, румынская компартия придерживалась осторожной позиции, выступая с заявлениями о необходимости поддержать дружбу с Советским Союзом, завоевать его доверие, мобилизовать все ресурсы для продолжения войны против гитлеровской Германии. Лишь после установления власти правительства во главе с Петру Гроза (6 марта 1945 г.) контакты между КПР и Москвой стали более полноценными. Теперь румынская компартия получила возможность использовать весь арсенал средств для развития и укрепления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. В этих целях были использованы самые разнообразные формы, в том числе средства, которыми располагал АРЛУС (Румынское Общество по укреплению связей с Советским Союзом), для пропаганды достижений Советского Союза в различных областях деятельности, для празднования дат знаменательных событий в истории Советского Союза. Особое внимание уделялось борьбе против всякого рода антисоветских проявлений в Румынии.

Вместе с тем руководство румынской компартии вполне осознавало тот факт, что присутствие в стране Красной Армии являлось важной предпосылкой, всемерно использовавшейся для усиления советского влияния в румынском обществе.

День Победы над фашизмом застал Румынию в качестве союзника Советского Союза, после чего начался постепенный процесс ее полного вступления в сферу влияния Москвы.

Некоторые проблемы безопасности социалистического содружества на начальном этапе блокообразования (конец 40–50-е годы XX века)

Главным двигателем международных отношений в обозначенный период, как известно, становилось оформление и начало противостояния двух военно-политических группировок, которые являлись неотъемлемыми атрибутами холодной войны, международной напряженности, процесса « bipolarизации» всей системы мирового порядка. И по сей день российские и зарубежные исследователи спорят о том, что было в этом жестком противостоянии первично: эксцессы со стороны Запада, стремившегося ограничить влияние СССР в качестве национально-державной геополитической силы с традиционными историческими интересами, или же действительно в Кремле решили, что наступило время реализовать идеи «мировой революции»? Согласно первой точке зрения, в основе противостояния лежало не сдерживание коммунизма, а отрицание Западом СССР как преемника русской истории и Великой России¹. Ряд исследователей приводят доказательства того, что политика Кремля базировалась на геополитических концепциях безопасности, а не на стремлении к революционным переменам в мире, и в частности в Восточной Европе².

Лидером в намечавшемся противостоянии между Востоком и Западом со стороны последнего были США, единственная великая держава, не пострадавшая в ходе Второй мировой войны в экономическом и военном отношении. Разрабатываемая Ф. Рузвельтом концепция послевоенного мирного урегулирования — «концепция универсализма» — позволила бы поддерживать «баланс интересов» между великими державами. Но уже тогда главной чертой данной концепции была идея американского мирового господства, согласно которой США, используя экономическое и политическое могущество, заняли бы ведущие позиции в мире.

В соответствии с этими идеями формулировалась и концепция «национальной безопасности» США, в которой были заложены следующие постулаты: военное превосходство над любым государством или группой государств; прочные внешнеполитические позиции, военная организация, способная успешно противостоять военным или подрывным действиям извне или изнутри, в открытой или скрытой форме. Так, в докладе

американского министра обороны в 1950 г. указывалось, что «США занимают ведущие позиции в мире и отвечают сегодня за весь мир, и мы должны удерживать эти позиции, если собираемся выполнять наши обязательства перед человечеством. Наша страна вышла из последней войны самой мощной страной, провозвестником свободы и защитницей демократических идеалов»³. Подобные высказывания опирались на осознание американским руководством военной и экономической мощи США, а их «идеализм» служил словесной оболочкой для сугубо pragmatических требований, таких как максимальная свобода торговли, свободный доступ к мировым источникам сырья, распространение демократического общественного строя, эталоном которого считались сами США, по всему миру.

Аргументами для выработки блоковой стратегии безопасности Запада, направленной на противодействие Советскому Союзу, являлись действия СССР в послевоенный период в Иране, его стремление к доминированию над Турцией, Черноморскими проливами, включение в свою зону влияния Восточной Европы с помощью утверждения в странах региона просоветских режимов и послушных Москве «народных демократий». Сталин представлялся в роли «континентального тирана», «хищные аппетиты которого распространялись на территории от Штеттина до Триеста»⁴.

Ныне очевидно, что рассматривать особенности формирования социалистического содружества или «социалистического лагеря» необходимо в контексте взаимосвязанного процесса блокообразования как на Востоке, так и на Западе. Важнейшим элементом данного процесса являлась задача обеспечения безопасности каждой из противостоящих друг другу сторон. Следует обратить внимание на то, что главной составляющей безопасности государства является военная безопасность, призванная с помощью военной силы обеспечить вооруженную защиту территориальной целостности и национальной независимости государства, создание военных гарантит стабильности государственного и общественно-го строя как отдельного государства, так и его союзников по коалиции⁵. Идеологический фактор в противостоянии двух сверхдержав как элемент военной политики был, следовательно, неотъемлемой частью их концепций безопасности. Поэтому неправомерно противопоставление идеологических и geopolитических мотивов в советских концепциях безопасности. Точно так же невозможно отделить идеологические мотивы в концептуальных установках «сдерживания коммунизма» от geopolитических целей другого центра силы, объединившегося вокруг США, с его идеей мирового лидерства в целях защиты «свободного» западного мира.

В то время как об эволюции военных стратегий США и НАТО имеется обширная информация на основе рассекреченных и опубликованных на Западе документов, аналогичные проблемы в отношении советского блока являются в значительной степени «белыми пятнами». Поэтому сегодня весьма непросто ответить на вопрос, что было приоритетным при создании Организации варшавского договора (ОВД): задачи обеспечения военной безопасности и защиты от внешней угрозы, или ставились также цели военно-политического сплочения европейских социалистических стран вокруг СССР с учетом возможности использования военно-силового фактора при разрешении внутренних конфликтов и кризисов в социалистическом лагере?

При этом, несомненно, главное место в исследовании вопроса должна занимать проблема ядерного оружия как особого инструмента политики — в качестве устрашения политического противника демонстрацией превосходства ядерной мощи.

Напомним, что в начальный период холодной войны в условиях американской ядерной монополии идея превентивной войны, которую развязут США, чтобы лишить Советский Союз возможности обладать ядерным оружием, публично обсуждалась в Америке. Имелось даже секретное исследование Объединенного комитета начальников штабов (1945 г.), в котором анализировались возможности превентивного ядерного удара по Советскому Союзу. Первый план войны против СССР упомянутым Комитетом был разработан в июне 1946 г. (кодовое название «Пинчер»). В нем содержались плановые наметки по ядерной бомбардировке и разрушению 20 советских городов с наиболее развитой промышленностью⁶. Во всяком случае, как в Вашингтоне, так и в Москве, почва для взаимного восприятия «образа врага» где-то в 1946—1947 гг. была подготовлена. На Западе стали появляться новые усовершенствованные планы воздушно-атомного нападения: «Бройлер» (1947), «Граббер» (1948), «Флитвуд» (1948) и др. В период президентства Г. Трумэна основная угроза американским интересам, а также всем западным союзникам по блоку НАТО, виделась как гипотетическая способность Советской армии сравнительно легко занять Западную Европу. Однако военно-политическая реальность была такова, что именно сильнейшие западные державы ранее социалистических стран объединились в военно-политический блок, влияние которого распространялось не только на Североатлантическую зону, но и на алжирские департаменты Франции, а после вступления в НАТО в 1952 г. Греции и Турции, и на их территории⁷.

Таким образом, геополитический фактор в начальный период блокообразования в концепции безопасности Североатлантического альянса также присутствовал, однако он имел более широкие параметры, чем зона влияния СССР, ограниченная Восточной Европой. Стратегическая концепция блока НАТО была сформулирована в заявлении председателя Комитета начальников штабов США О. Брэдли 29 июля 1949 г., а затем официально принята в НАТО. Эта стратегия получила наименование «Щит и меч» (1949—1953 гг.), согласно которой США брали на себя ответственность за нанесение ядерных ударов стратегической авиацией по целям в Советском Союзе. Ее идеи нашли конкретное воплощение в известном плане ядерной войны против СССР «Дропшот»⁸.

В 1950 г. был определен «периметр обороны» вокруг СССР. В Европе он проходил по линии границ между странами социализма и капиталистическими государствами, в Азии — вдоль Алеутских островов и Японии, далее шел к островам Тихого океана и Филиппинам⁹. В том же году Совет национальной безопасности США разработал директиву NSC-68, в которой давалась оценка советской ядерной мощи после окончания американской атомной монополии. По прогнозам, к 1954 г. Советский Союз должен был бы иметь 200 атомных зарядов дальнего действия. Тогда же была оформлена концепция «абсолютного устрашения», стрежнем которой было нанесение первого удара с целью подавить сразу попытку нападения обычными видами оружия¹⁰. Создавались вооруженные силы НАТО, оформилась организационная структура блока. В феврале 1952 г. союзники взяли на себя обязательство иметь в НАТО 50 дивизий, а к 1954 г. — 96. Был создан объединенный штаб, который должен был заниматься подготовкой полной интеграции в случае войны. Первым главнокомандующим стал Д. Эйзенхауэр, он же являлся первым президентом США после окончания американской ядерной монополии и разработчиком стратегии «массированного возмездия». После войны в Корее «новый взгляд» Вашингтона на использование ядерного оружия состоял в том, что США могли прибегнуть к применению ядерного оружия в любом конфликте, в который они окажутся вовлечеными. В 1951—1952 гг. американские военные руководители в НАТО приступили к планированию на случай использования ядерного оружия на европейском театре военных действий. Так началась эра гонки ядерных вооружений и ядерного соперничества.

В свою очередь в СССР в 1946—1947 гг. был разработан и утвержден «План активной обороны территории Советского Союза». В отличие от

американских концепций, где приоритет отдавался уничтожению экономического потенциала, в советских взглядах на войну преобладала идея уничтожения в первую очередь вооруженных сил противника. Главным видом военных действий считалось стратегическое наступление, проводимое методом достижения промежуточных стратегических целей силами всех видов вооруженных сил. В «Плане активной обороны» при определении основных задач вооруженных сил указывалось, что армии отпора, опираясь на укрепленные районы, должны разбить противника в полосе приграничной зоны обороны и подготовить условия для перехода в контрнаступление на западных границах социалистического лагеря. BBC и ПВО, входившие в армию отпора, имели задачу надежно прикрыть с воздуха главные силы и быть в готовности к отражению нападения авиации противника. Войска Резерва Главного командования предназначались для сокрушительного, при использовании сил армии, отпора и удара по главным силам противника, нанесения им поражения и контрнаступления¹¹. Хотя масштабы и глубина контрнаступления в плане не указывались, тем не менее, на Западе знали о поражающих возможностях военной техники СССР. Вполне очевидно, что там полагали: после начала воздушно-атомной войны советские танковые армады через две недели будут у берегов Ла-Манша¹².

Вместе с тем на Западе уже в 1950-е годы многие военно-политические деятели понимали значение появления ядерного оружия в качестве средства устрашения и сдерживания, считая, что, как указывал английский фельдмаршал Б. Монтгомери, «горячая война будет самоубийством соперничающих стран»¹³.

Нельзя не обратить внимание на то, что в СССР в сталинскую эпоху не поднимался вопрос о возможных страшных последствиях для народов социалистических стран войны с применением оружия массового уничтожения. Нередко заявления советских лидеров носили чисто пропагандистский характер и дезориентировали население стран «социалистического лагеря». Еще в 1946 г. И. В. Сталин заявлял, что «атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб»¹⁴.

Оценивая развитие советской военной мысли в этот период, следует отметить, что скованность рамками классовой марксистско-ленинской теории не позволяла ей оценить в полной мере новые военно-политические реалии. Руководство СССР, невзирая ни на какие материальные издержки, сосредоточило усилия на создании советского атомного оружия,

чтобы ликвидировать ядерную монополию США. Вместе с тем оно считало возможной победу в ядерной войне. В начале 1950-х годов не только в программных партийно-государственных документах, но и в научной литературе звучал тезис о том, что если империализм развязет третью мировую войну, то в ней и погибнет и эта война приведет к победе социализма во всемирном масштабе. Идеологическая зашоренность руководства страны в этот период не позволила в полной мере использовать политические формы и методы обеспечения безопасности СССР и его союзников¹⁵. Подобные заявления отпугивали мировую миролюбивую общественность, сужали поле политico-дипломатической деятельности в защиту безопасности социалистических стран и провоцировали дальнейшую ответную гонку вооружений со стороны Запада. Налицо было обоядное запугивание угрозой ракетно-ядерной войны.

Необходимо подчеркнуть, что в то время как на Западе в начале 1950-х годов шло совершенствование военно-организационной структуры НАТО, наращивалось вооружение этой организации, увеличивалось количество военных баз по периметру европейских социалистических стран, военная безопасность «социалистического лагеря» почти полностью основывалась на военной мощи СССР. Несмотря на то что Советский Союз имел двусторонние договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Чехословакией (1945 г.), Польшей (1945 г.), а в 1948 г. заключил договоры о дружбе с Румынией, Венгрией, Болгарией, эти договоры были направлены на предотвращение германской агрессии. После конфликта и разрыва отношений с Югославией, занимавшей важное стратегическое положение на южном фланге Европы, в условиях возможного присоединения этой страны к НАТО, несомненно, создавалась дополнительная угроза военной безопасности СССР и его союзников. Это требовало ответных мер. Тогда нельзя было говорить о наличии какого-либо военно-политического единства социалистического содружества.

Боевая готовность и боеспособность вооруженных сил стран Восточной Европы были довольно низкими. Например, из отчетов советских военных советников, а также составленных ими планов работы в армиях Болгарии, Венгрии, Румынии, которые утверждались начальником Генерального штаба генералом С. М. Штеменко, следует, что армии этих стран в 1949—1951 гг. не были готовы к осуществлению широкомасштабных военных операций даже оборонительного характера. В справке по вооруженным силам Румынии на 1 мая 1951 г. также делался вывод о недовлетворительном состоянии мобилизационной готовности румын-

ской армии, о слабом уровне ее боевой и политической подготовки. «Мобилизационная и боевая готовность армии вследствие слабой боевой подготовки соединений и частей, значительной засоренности офицерского состава реакционными элементами, низкого уровня дисциплины, а также слабой материально-технической базы остается по-прежнему на низком уровне», — указывалось в документе¹⁶. Такого же рода информация поступила в СССР о состоянии Болгарской Народной армии. По данным на конец 1950 г., количественная сторона укомплектования кадрами офицерского состава болгарской армии по штатам мирного времени должна была быть решена в 1951 г. Указывалось, что комплектование армии военного времени не обеспечивалось подготовленными кадрами необходимых специальностей, а также отмечался особый недостаток офицеров-артиллеристов, танкистов, зенитчиков, моряков и др. Боеспособность болгарской армии оценивалась как «невысокая»¹⁷.

Аналогичными были и оценки, даваемые разведывательными службами НАТО. Так, в отчете от 28 марта 1950 г. DC 13 указывалось, что, несмотря на то, что «румынская и венгерская армии значительно увеличили свой личный состав, но они все еще не могут считаться эффективными для ведения боевых действий в ближайшие несколько лет»¹⁸.

По опубликованным в Румынии материалам, на проходившем с 9 по 12 января 1951 г. в Москве секретном совещании лидеров стран народной демократии и СССР И. В. Сталин, анализируя возможности США начать третью мировую войну, высказал мнение, что США к ней не готовы, так как не в состоянии справиться даже с малой войной в Корее и что они увязли в Азии на следующие два-три года. Далее, согласно этим же материалам, Сталин подчеркнул, что задача стран народной демократии состоит в том, чтобы использовать эти два-три года для создания современных, мощных армий, так как «ненормально, чтобы вы имели слабые армии», и что Китай создал лучшую армию, чем в странах народной демократии. Общая численность этих армий в военное время, по мнению Сталина, должна была составлять от 2 до 2,5 млн человек¹⁹. Тогда же было принято решение о координации и кооперации в деле оснащения и вооружения армий шести стран, их общей численности в мирное и военное время: 1,140 тыс. и 3 млн человек соответственно. Решено было создать координационный комитет²⁰. Таким образом, именно тогда были сделаны первые шаги к организационному оформлению военно-политического союза социалистических стран.

Казалось, что после смерти И. В. Сталина, прекращения летом 1953 г. Корейской войны, а в 1954 г. французской интервенции во Вьетнаме, появилась надежда на потепление международного климата и ослабление соперничества в гонке вооружений между двумя мировыми центрами силы. Однако плачевые для США результаты Корейской войны привели нового президента США Д. Эйзенхауэра и его администрацию к выводу о провале стратегии «отбрасывания коммунизма».

Как известно, все попытки достичь каких-либо договоренностей между Востоком и Западом в ходе Женевских переговоров в 1955 г. и осуществить программу разоружения окончились ничем, кроме пропагандистской шумихи и перекладывания ответственности с одной стороны на другую. Неизвестно, было ли предложение преемников Сталина (нота советского правительства от 31 марта 1954 г.) о принятии СССР в НАТО всего лишь тактикой, рассчитанной на отказ руководства НАТО. Во всяком случае, именно советская сторона выступила с этой инициативой о создании системы коллективной безопасности²¹. Советскому руководству не удалось воспрепятствовать ремилитаризации Германии и присоединению ее к НАТО.

В ответ на принятие в декабре 1954 г. официальной стратегии для НАТО «Щита и меча» вновь встал вопрос о мерах по упрочению военной безопасности европейских социалистических стран, особенно в условиях возможного оснащения вооруженных сил Североатлантического союза ядерным оружием. На заседаниях Совета национальной безопасности США неоднократно поднимался вопрос о применении атомного оружия против корейского, вьетнамского и китайского народов. 8 января 1954 г. президент Эйзенхауэр заявил: «Если мы сможем одновременно совершить атомное нападение на все передовые базы ВВС коммунистов, противник будет обескровлен с самого начала боевых действий. Это — и наш план для Европы»²².

Так что подписание 14 мая 1955 г. коллективного оборонительного союза — Варшавского договора — было логическим следствием военно-политической ситуации в мире в условиях стремления двух противостоящих сверхдержав и их союзников достичь военного превосходства над противоположной стороной и не допустить военного превосходства над собой.

Необходимо отметить, что еще в декабре 1957 г. Североатлантический альянс предоставил США право разместить ядерное оружие — ракеты малой и средней дальности — в Великобритании, Италии, Турции. К концу 1950-х годов в Европе уже имелось свыше 130 крупных американских

военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз. Их сеть охватывала ФРГ, Великобританию, Италию, Турцию, Грецию и ряд других европейских стран — членов НАТО²³. К началу 1960-х годов ядерная мощь США во много раз превосходила ядерный потенциал СССР²⁴.

В 1957 г. в Министерстве обороны СССР прошла конференция о характере возможной ядерной войны и ее последствиях. Результаты конференции легли в основу положений военной доктрины СССР, которые были обнародованы Н. С. Хрущевым в январе 1960 г.²⁵ Утверждалось, что будущая война будет ракетно-ядерной. Не исключалось, что на СССР может быть совершено внезапное атомное нападение, однако он в состоянии нанести ответный удар. Основным средством доставки советских ядерных боеголовок к целям должны быть ракетные системы. Им отдавалось предпочтение как наиболее эффективному средству доставки ядерных зарядов при нанесении ответного удара. В то же время утверждалось, что за массированным стратегическим ядерным обменом может последовать длительная и, в конечном счете, имеющая решающее значение «обычная» война. Это приводило к выводу о необходимости иметь самые разнообразные обычные средства ведения войны, прежде всего сухопутные войска, вооруженные современными танками и бронетранспортерами наиболее устойчивыми к поражающему воздействию атомных взрывов²⁶. Вместе с тем было заявлено, что СССР стоит на позициях мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Однако в случае агрессии империализма война закончится победой прогрессивной коммунистической общественно-экономической формации²⁷.

Как в США, так и в СССР военными теоретиками рассматривалась проблема первого, упреждающего ядерного удара. Некоторые положения таких разработок того времени можно найти в книге маршала В. Д. Соколовского «Военная стратегия»²⁸.

Советские доктринальные взгляды были оглашены в октябре 1960 г. на секретном совещании Комитета министров обороны ОВД в Москве. Министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский заявил, что утверждения о том, «что мы не нападем первыми, не означает, что мы будем ждать пока кто-то нанесет первым удар. Это означает, что мы должны проводить работу таким образом, чтобы получать последнюю информацию о намерениях противника нанести удар по нам, и должны опередить его в тот момент, и чтобы наши ракетно-ядерные силы немедленно обнаружили вражеские объекты». Далее маршал Малиновский заверил восточноевропейских партнеров, что «в случае чрезвычайной ситуации вы полу-

чите ракетно-ядерное вооружение. Таким образом, вы должны обучаться использовать ракетно-ядерное оружие». Эти данные из болгарских архивов²⁹ были почерпнуты болгарским историком Й. Баевым и приведены им на заседании Консорциума по военной истории в рамках проекта «НАТО и Варшавский пакт 1948—1968», состоявшемся в Праге 11 апреля 2003 г.

Советское руководство ставило перед оборонной промышленностью и вооруженными силами задачу догнать США по количеству ядерных зарядов и средств их доставки.

Несомненно, что создание Организации варшавского договора в тех условиях было ответной мерой на сформирование блока НАТО. Советский Союз в силу своей геополитической роли и военных возможностей в условиях ядерного противостояния занимал доминирующие позиции в обеспечении военной безопасности социалистических стран. Большинство объединений и соединений сухопутных войск, предназначенных для ведения первых операций, дислоцировалось на территориях стран — участниц Варшавского договора и в приграничных районах, содержалось уже в мирное время в составе и в готовности, обеспечивавших выполнение основных задач по отражению агрессии, что являлось составной частью военной доктрины.

Вместе с тем статья 4 Варшавского договора предусматривала возможность индивидуального или совместного применения вооруженных сил государств — членов Договора только в случае вооруженного нападения со стороны коалиции государств или группы государств. Исторические реалии таковы, что обеспечение безопасности одной социалистической страны и всего блока выливалось в то, что военная сила ОВД использовалась для вмешательства во внутренние дела союзников по Варшавскому договору для удержания их в рамках союза и обеспечения их военно-политического единства (события в Венгрии 1956 г. и 1968 г. в Чехословакии). Военное единство в соответствии с доктринальными установками советского руководства было немыслимо без идеологического единства партнеров по блоку, их приверженности «советской модели» социализма как важнейшего фактора сплоченности социалистических стран.

С точки зрения современной конфликтологии противоречия между Востоком и Западом носили межсистемный, биполярный характер. Главной чертой нового миропорядка являлось стремление противоположной стороны заполнить стратегический и геополитический вакuum на периферии своих систем. Таким образом, столкнулись две концепции международных отношений: идея мирового господства под предлогом защиты

«национальных интересов США» и их союзников и идея «пролетарско-го», «социалистического» интернационализма. Это вело к тотальной вовлеченности малых национальных государств в дела двух сверхдержав СССР и США и жесткой конфронтации между двумя мировыми полюсами. Особую роль в этом противоборстве играла военная сила и, прежде всего, появление ядерного оружия, которое стало основным инструментом политики.

П р и м е ч а н и я

¹ См., например: *Нарочницкая Н. А.* Историческая Россия и СССР в мировой политике XX века // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 128—129.

² Leffler M. Inside Enemy Archives: The Cold War: What do «We Now Know?» // American Historical Review. 1999. № 2. Р. 122—125; Егорова Н. И. Введение // Холодная война 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. статей. М., 2003. С. 3—17 и др.

³ Second Report of the Secretary of Defense. Washington, 1950. Р. 3; Ананичук В. Я., Путилин Б. Г. Система обеспечения национальной безопасности на примере США. М., 1998. С. 6.

⁴ Шмюкле К. Меч на шелковой нитке. Преодоление кризисных ситуаций в Европе. М., 1985. С. 17—18.

⁵ Военная энциклопедия. М., 2000. Т. 1.

⁶ The War Reports of General of the Army George C. Marshall. N. Y., 1997. P. 299; Journal of American History. 1979. May. P. 62—66.

⁷ Справочник НАТО. Брюссель, 1998—1999. С. 405—406.

⁸ См.: Трофименко Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 59—60.

⁹ The Department of State Bulletin. 1950. Jan. 23. P. 116.

¹⁰ Дундестад Гер. Восток, Запад, Север, Юг. М., 2002. С. 167—168; Браудер Г. НАТО и Варшавский Договор. Принципы, концепции, потенциалы. Франкфурт ам Майн, 1985. С. 7.

¹¹ Кокошин А. А. Армия и политика. М., 1995. С. 207.

¹² Там же.

¹³ United States News and World Report. 1954. 17 December.

¹⁴ Цит. по: Большевик. 1946. № 17—18. С. 13.

¹⁵ Отечественная военная доктрина (В историческом измерении: от Великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина). М., 1996. С. 172—173.

¹⁶ Васильева Н. В., Гавrilов В. А. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 260.

¹⁷ Там же. С. 260—261.

¹⁸ NATO Strategy Documents 1949—1969. Brussels, 1998.

¹⁹ Romanian evidence on Moscow's military meeting 9–12. 01. 1951. Published: C. Cristescu. Bucharest. 1995. Bulgaria in the Warsaw Pact. A CD ROM Documentary Volume. Sofia, 2000.

²⁰ Ibidem.

²¹ Егорова Н. И. НАТО и европейская безопасность: восприятие советского руководства // Сталин и холодная война. С. 311.

²² Цит. по: Правда. 1985. 6 авг.

²³ Орлов А. Тайная битва сверхдержав. М., 2000. С. 333.

²⁴ Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 12. С. 77.

²⁵ См.: Правда. 1960. 15 янв.

²⁶ Кузнецов В. И. Обычные вооруженные силы в военно-политической стратегии США (60—80-е годы). М., 1991.

²⁷ Соколовский В. Д. Военная стратегия. М., 1962. С. 237.

²⁸ Там же. С. 238—239.

²⁹ Baev J. The evolution of the Warsaw pact Organizational Structure and Decision Making Process. 1955—1969. NATO and Warsaw pact — the formative years 1948—1968. Praga, 2003.

Преодоление мифов чаушизма о роли румынской армии во Второй мировой войне в творческих поисках поколения писателей 1980-х годов

Дорогие коллеги!

Вы, конечно, заметили, что в блистательном списке академиков, докторов наук, профессоров, названных в нашей программе при помощи буквы «И» (исторических наук) есть все же и одна буква «Ф» (филологических наук). Это «Ф» представляю здесь я. И признаюсь, чувствуя поэтому и огромную ответственность, и немалое неудобство. Помогает, как всегда, народная мудрость, гласящая: «Уну ынltre доушдой, дарэ ну дау ынапой». Что по-русски звучит приблизительно так: «Один я среди двадцати двух, и все же не теряю дух...»

Но задуматься над этим вопросом, я уверен, следует. Более того, глубоко убежден, что в данной аудитории я найду полное понимание. Согласитесь, что история, оставляющая за скобками культурные процессы, неполная, обедненная история. Это особенно очевидно в наши дни, когда подобные встречи превращаются в крохотные фрагменты того широкого диалога цивилизаций, без которого невозможен разговор о завтрашнем дне. Недавно на Родосе, на большом собрании историков, было особо подчеркнуто, что поэзия все убедительнее раскрывает себя как замечательное средство сближения народов, переживших губительные исторические драмы. По свидетельству выступившего здесь директора Института антропологии, на Всемирном конгрессе историков в Сиднее подчеркивалось, что в центре наших исследований должны стоять социально-культурные проблемы, интеллектуальная история, сопровождающие ее утопии и мифы.

Прекрасные слова произнес в своем вступительном слове член-корреспондент Румынской Академии Костантиниу: «Надо сделать историю мостом между народами, она должна стать целителем ран, оставленных войной». Но справится ли она с той благородной задачей, не бря в расчет культурные процессы? Я совершенно не согласен с теми нашими «новохронологами», которые утверждают, что знание о прошлом столь же не очевидно, как и знание о будущем. И я не компетентен судить о том,

состоялась ли Куликовская битва на Дону или близ Москвы, или был ли Великий Новгород на Волхове или на Волге, там где теперь процветает Ярославль. Никогда не соглашусь также с уверениями Эмила Чорана, что история — рай лунатиков, по сути своей — обман, облегчающее жизнь средства.

Но ясно и другое: истинная канва событий и дискурс о них — вещи разные. Абсолютно объективной истории нет и, очевидно, быть не может. Представляются очень справедливыми слова Люсьена Фева: «Историк — не тот, кто знает, а тот, кто ищет». А в этом неустанном поиске неизбежна мифологизация, расположение и оценка фактов согласно логике имагинативности, вымысла. А имагинативность есть следствие и продукт структуры человеческого мозга, его мифотворящих способностей.

Напомню вам: в этом вопросе совершенно своевременное и жизненно важное предостережение прозвучало из уст великого румынского биолога, специалиста в области мозга Гр. Т. Попа, автора посмертно изданной книги «Реформа духа». Ученый, четко разграничивавший «примитивный» и «мыслящий мозг», научно доказал, что тоталитаризм, тирания ведут к превосходству подсознания над интеллектом, и не только к регрессу в области цивилизации, но и к биологическому отуплению, и единственная область, где диктатура не могла одолеть мозг, это человеческий интеллект.

Мне думается, что только учитывая эти факторы, о которых сказано здесь достаточно бегло, можно понять всю значимость той неустанной борьбы, которую вела лучшая часть румынской культуры и литературы в течение десятилетий против удушливого давления идеологов коммунистического режима.

Здесь невозможно проследить этот процесс на протяжении целого полувека. Но думается, что одно сравнение достаточно для понимания той драмы, которую пережили румынская культура и литература за эти 50 лет. Первый элемент сравнения — «навязчивое десятилетие», столь красочно описанное Марином Предой. Десятилетие (1948—1958) поисков средств создания по шаблонам сталинского социалистического реализма утопического героя, строителя «нового общества». Можно назвать буквально сотни произведений на военную тему, изданных в этот период. Причем нет буквально области общественной жизни, которая не нашла бы отражения в романах, повестях, рассказах, стихах, драмах и т. д., где война против Советского Союза, а затем на его стороне не завершалась бы счастливой концовкой — перерождением солдат в советском плену, понима-

нием необходимости обновления по сталинским образцам, победой над эксплуататорами, выдвижением из низших трудовых слоев новых руководителей и т. д. Об этом писали и М. Садовяну и Л. Фулга, Ч. Петреску, М. Бенюк, Л. Деметриус, Петру Винтилэ и многие, многие другие.

Конечно, эстетическая сторона произведений волновала тех, у кого не было права слова. Образ заменяли схемы, надуманная утопия — истину. Несколько лет спустя М. Преда осмелился открыто заговорить о «первобытном агрессивном духе» этой жалкой эпохи. Он объяснял, что речь идет о «ментальности, стихии, которая проявляется в период бурных социальных ломок, стремясь низвергнуть истинные ценности духа». И его произведения тех лет — «Морометы», «Бред» — были яркими образцами литературы, свободной от давления этого первобытного духа. То же можно сказать и о произведениях Д. Р. Попеску, Н. Вели, Р. Косашу, А. Бузуры, которые я склонен отнести к области антимифов. В них правда о войне раскрывается во всей своей жестокой, нечеловеческой сути.

Но чрезвычайно интересно и другое: помните «примитивный мозг» и «мыслящий мозг» Гр. Т. Попы? Как они синонимичны с терминами М. Преды «первобытный агрессивный дух» и «ценности духа». Крупнейший писатель Румынии иллюстрировал своими высказываниями и оценками научные выводы большого ученого, открывшего непосредственную связь между репрессивным политическим режимом и победой подсознания над интеллектом. Оказалось, что культура социалистического реализма наряду с другими средствами была важнейшим рычагом привлечения масс на сторону тиранов. Ибо она содействовала нарушению баланса между подсознанием и корой мозга, помогая идеологическим, материальным, репрессивным силам тоталитаризма пробуждать в людях дремлющие инстинкты, агрессивность, примитивные порывы, принижающие интеллект и духовность. И особую роль в этом процессе играла литература о войне.

Именно в пору особенного давления идей чаушизма начинается новая пора воспевания подвигов румынской армии — на этот раз не на Востоке, а на Западе, в боях за освобождение родной земли и оккупированных стран Восточной и Центральной Европы. Историки подсчитывают, на какой срок — количество дней, недель, месяцев — сократило войну в Европе участие румынских воинских частей, литераторы набрасывают схемы произведений, воспевающих этот поворот.

И вот блестательный реванш интеллекта, продемонстрированный молодым поколением писателей в 1980-е, так называемым «новым волом». В 1980 годы... По определению А. Marino это «эпоха геноцида культуры»,

словами М. Зачу — «сатанинское десятилетие», К. Регмана — «эпоха перехода от имперфекта к минус-квам-перфектум». Эпоха антиримского аффекта, расцветаprotoхронизма, когда древние традиции объявляются «школой мышления», мифы — «постоянной величиной сознания народа», когда писателей принуждали «подвергнуть себя тирании истории», истории насквозь мифологизированной.

И в эти же годы, когда пишущие машинки писателей следовало регулярно регистрировать, когда в Союз писателей ждали приема десятки молодых художников слова, а никого нельзя было принимать, происходит это чудо: к читателю пробивается кодифицированная коммуникация, литература иносказаний, эзопов язык. Для таких писателей, как М. Неделчу, Й. Грошан, М. Кэртэреску, Ш. Агопян, Бедрос Хорасанджан и многих других, традиционный текст — «не орудие памяти, а средство забвения», а им надо было будить память, освободить литературу от «ложивых художественно-условных структур», нейтрализовать отзвуки тоталитаризма в текстах и тем самым удвоить КПД чтения.

М. Неделчу неоднократно подчеркивал, что целью «нового вала» одаренных писателей 1980-х годов был не абстрактный текстуализм, а использование всех средств современной литературы постмодерна для решения конкретных общественно-исторических задач. Целью было содействовать формированию нового человека, поиску путей эффективного вмешательства в антропогению. Попробуем перевести эти формулы на язык замечательного биолога Гр. Т. Попы. И мы обнаружим, что на самом деле молодые писатели стремились помочь читателям восстановить в сознании нарушенный чаушизмом нормальный баланс между подсознанием и интеллектом.

Тема войны получает абсолютно новое звучание, парадоксально, именно благодаря обращению «нового вала» к достижениям постмодернизма. Один пример: рассказ М. Неделчу «История походного хлебозавода № 4», увиденная «собственными глазами» капралом Г. П. по прозванию «Простота». Это удивительно простой дневник не очень грамотного капрала, который за войну не сделал ни одного выстрела, ибо его обязанностью было печь хлеб. При этом оказывается редкая наблюдательность честного труженика, который «никаких героических импульсов не испытывает». «Дегероизация» армии проведена здесь мастерски, и, как ни странно, этому способствует смешение средств реализма (даже натурализма) со свободой смешения времен; комментарий художника 1980-х годов сопровождает ход событий в дневнике, и замечания его как нельзя

более красноречивы. Вот один из образчиков: «Начиная с первых страниц серии книг “Наши воины” и до сегодняшнего дня, мы немало успели узнать о храбости румынского солдата... И все же читающий этот дневник не может не задаваться вопросом: откуда у этого капрала Г. П. столько героизма? Слыхано ли дело? Дойти почти до самого Сталинграда и все это время жаловаться на качество пищи и прочие мелочи жизни... Но с другой стороны, задайтесь вопросом: “Что нужно было тем войскам?”, и лишь тогда геройство начальника пехи № 4 предстанет в истинном виде. Мы ничего не знаем, что нужно было ему на берегах Дона, когда дома у него дел было невпроворот, и уж тем более не знаем, чего ради он должен был там сражаться». И вывод: ПО ТОМУ, ЧТО ОН ДЕЛАЛ, И ПО ТОМУ ЧЕГО ОН НЕ ДЕЛАЛ, Г. П. БЫЛ ТОЖЕ ГЕРОЕМ.

Мне подобные произведения, а их было, к счастью, немало, представляются вдохновляющим примером победы непокоренного интеллекта, трезвого ума над примитивизмом идеологических диктатов чаушизма. Румынская культура вправе гордиться этой победой. И когда в одной из своих статей я попытался ответить на вопрос, ускорила ли румынская литература падение режима Чаушеску, то, ознакомившись с достижениями литературы 1980-х годов, уверенno ответил: да, ускорила!¹

П р и м е ч а н и е

¹ См.: Политика и поэтика. Сб. ст. / Отв. ред. Ю. В. Богданов. М., 2000. С. 181—192.

II. Политические элиты России и Дунайских княжеств в XVIII–XIX веках

Валашская политическая элита и Россия в начале XVIII века

Карловатцкий мир 1699 г., завершивший войну стран Священной лиги с Османской империей, развенчал надежды княжеств Валахии и Молдавии на помощь Габсбургов и Речи Посполитой в освобождении от власти султана. Война выявила ограниченность их материальных и военных ресурсов, вскрыла польско-габсбургские противоречия из-за притязаний на княжества. Складывавшаяся к концу XVII в. международная обстановка в Восточной и Юго-Восточной Европе, рост престижа России все больше склоняли Молдавию и Валахию к решению ориентироваться в своих освободительных планах на русскую помощь.

В прорусской ориентации Валахии главную роль играла боярская партия во главе с представителями рода Кантакузино. Являясь сторонниками сближения с Россией и занимая важные должности при дворе господаря, Кантакузино оказывали решающее влияние на политику Брынковяну, несмотря на проавстрийские настроения значительной части валашского боярства. Еще в 1697 г. из Валахии в Москву был направлен Георгий Кастириот с просьбой о помощи в освобождении княжества от власти османов и предложением плана совместных антиосманских военных действий¹. В 1700 г. Брынковяну получил в награду от Петра I орден св. Андрея Первозванного, посланный господарю с Г. Кастириотом². Брынковяну был в числе первых кавалеров этого ордена, что свидетельствовало о важности, придаваемой русским царем отношениям с Валахией, через которую он рассчитывал получать подробные сведения о положении на Балканах, в Османской империи, о военных приготовлениях Порты.

Получив от Петра I орден св. Андрея Первозванного, а в следующем году охранную грамоту о предоставлении убежища в Малороссии в случае потери престола, Брынковяну стал более решительным в связях с русскими. В 1702 г. он направил в Россию Давида Корбя, ставшего его постоянным представителем в Москве, что и должно было служить цели наиболее полно информировать русского царя о событиях в Турции³.

В начале XVIII в. важное значение приобрело посредничество валашского господаря и Кантакузино в поддержании связи между русским правительством и его послами в Стамбуле. Брынковяну и Кантакузино

оказывали дипломатическую поддержку и содействие в пересылке корреспонденции Е. Украинцеву, находившемуся в 1700 г. в Стамбуле для переговоров по заключению мирного договора России с Турцией на условиях, принятых Карловацким конгрессом 1699 г. Письма Е. Украинцева с помощью валашских резидентов доставлялись в Валахию, откуда пересыкались в Москву.

Прибывший в 1702 г. в Турцию в качестве постоянного российского посла П. А. Толстой по старому турецкому обычаю был лишен права сношений с внешним миром. В этих условиях его переписка с русским правительством осуществлялась при посредничестве Брынковяну и бояр Кантакузино, в частности стольника Константина, через специальных валашских послов. Хорошо налаженная связь П. А. Толстого с русским правительством через Валахию была надежнее, чем прямая.

Имея тайные сношения с Москвой, Брынковяну в то же время боялся потерять господарский престол, что делало его в некоторых случаях нерешительным. Так, в 1704 г., опасаясь быть уличенным Портой в тайных связях с русскими, он решил отозвать Давида Корбя из Москвы⁴. Опасения Брынковяну были не напрасны. Весной 1706 г. в результате непрестанных интриг между валашским и молдавским господарями он был обвинен в связи с русским правительством и подстрекательстве его к войне с Турцией. Ценой огромных усилий и больших денежных расходов Брынковяну сумел восстановить доверие Порты⁵.

Несмотря на пережитые тревоги, в 1707 г. после настоятельных просьб Петра I и канцлера Г. И. Головкина валашский господарь снова отпускает Давида Корбя в Москву. На сей раз, чтобы обезопасить Брынковяну от подозрений турок, царь принял валашского чауша на свою службу в чине надворного советника⁶. В 1707 г. в результате происков Карла XII ухудшаются русско-турецкие отношения. Шведский король стремился склонить к войне с Россией султана и его вассала крымского хана. В этих условиях Давид Корбя был необходим русскому правительству для укрепления связей с Валахией и другими балканскими народами в целях получения подробных сведений о действиях Порты, а также как способный дипломат. К шведским проискам добавились французско-крымские, которые привели к тому, что султан начал концентрировать войска на границах. Под видом перестройки укреплялась крепость Бендера. Попытка Франции и крымского хана восстановить Турцию против России были особенно опасны в 1708—1709 гг., когда вся тяжесть Северной войны легла на Россию и русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Портой. Русская дипломатия через посла в Стамбуле

П. А. Толстого прилагала усилия к тому, чтобы не дать Карлу XII использовать в войне против России своих потенциальных союзников — султана и крымского хана.

В этот период доставка переписки П. А. Толстого с русским правительством через Валахию приобрела особенно важное значение. Москва ценила услуги Брынковяну и бояр Кантакузино в пересылке корреспонденции и оказывала им большое доверие. Не случайно, что именно в 1707 г., когда под влиянием шведско-крымских интриг обостряются русско-турецкие отношения, Петр I и Г. И. Головкин направили Брынковяну, Константину и Михаилу Кантакузино письма с выражением благодарности и надежды, что они и в будущем будут прилагать старания для своевременной пересылки корреспонденции русского посла⁷.

Переписка 1707—1708 гг. между Г. И. Головкиным, с одной стороны, Брынковяну и Константином Кантакузино — с другой, свидетельствует о том, что письма П. А. Толстого и ответы ему русского правительства своевременно доставлялись валашскими послами в Москву и Стамбул. В необходимых случаях русский посол получал от Брынковяну и Константина Кантакузино и денежную помошь. В письме главе Посольского приказа Ф. А. Головину от 17 января 1704 г. валашский господарь сообщал о помощи П. А. Толстому деньгами в сумме 30 тыс. ефимков. В январе 1708 г. П. А. Толстой получил личный указ Петра I с поручением назначить 3—4 тыс. венецианских червонцев за обязательство предупредить о турецком решении начать войну против России. В это же время Г. И. Головкин направил Брынковяну письмо, в котором просил оказывать русскому послу в Стамбуле всяческую помошь и поддержку, а в случае необходимости дать ему взаймы денег⁸. 20 февраля 1708 г. П. А. Толстой через валашского капукегая (представителя господаря при Порте) получил от Брынковяну 4 тыс. червонцев. Русское правительство благодарило Брынковяну и Кантакузино за оказанные русскому послу услуги. 30 июня 1708 г. Г. И. Головкин писал валашскому стольнику, что 4 тыс. червонцев будут с благодарностью возвращены Брынковяну⁹.

Для укрепления валашско-русских отношений в начале XVIII в. важное значение имела переписка самих Брынковяну и Константина Кантакузино с русским правительством. Она была связана не только с пересылкой корреспонденции П. А. Толстого. В своих письмах валашский господарь и стольник сообщали о внутреннем положении в Османской империи и ее отношениях с европейскими странами, о тяжести турецкого господства для жителей Валахии, как и Молдавского княжества, о настроениях балканских народов, их стремлении освободиться с помощью русских.

Петр I с большим доверием относился к сведениям, получаемым из Валахии. Так, в 1707 г., когда в европейских дипломатических кругах распространялись слухи о военных приготовлениях Порты, об укреплении пограничных крепостей, царь поручил Г. И. Головкину проверить достоверность информации через валашского господаря и Константина Кантакузино¹⁰. Сообщения из Валахии от мая—июня 1708 г. убедили русское правительство в том, что, кроме укрепления пограничных крепостей, Порта не проводит никаких военных приготовлений. Петр I был удовлетворен полученными из Валахии сведениями и приказал послать в подарок Брынковяну и боярам Кантакузино соболи меха¹¹.

В исторической литературе распространилось мнение, которое встречается и в работах современных авторов, что после победы русских в 1709 г. под Полтавой Брынковяну заключил с Петром I договор о военном сотрудничестве в войне с турками и обещал обеспечить провиантом русские войска в случае их вступления на территорию княжества. Однако конкретных данных на этот счет нет. Имеются лишь косвенные сведения о переговорах Брынковяну с Петром I после Полтавской победы, о которых 24 января 1711 г. сообщал королю французский посол в Стамбуле Дезальер со слов прибывшего из Москвы посланца венгерского князя Ракоци¹². Надо полагать, что именно на основании этого свидетельства в свое время историками был сделан вывод о договоре валашского господаря с русским царем. В действительности, в 1709 г. Брынковяну не мог заключить такой договор. Хотя сношения господаря с Москвой были тайными, турки подозревали о них. Порта решила сместить Брынковяну с престола, уличив его в связях с русскими. С этой целью, как повествует хронист Ион Некулче, на молдавский престол был утвержден враг валашского господаря Димитрий Кантемир, которому турки обещали передать правление в Валахии за изобличение Брынковяну. Великий везир потребовал с валашского господаря денежный откуп в крупной сумме (500 кошельков). Брынковяну вынужден был согласиться, прикинувшись послушным подданным султана¹³. Совершенно очевидно, что в этих условиях осторожный Брынковяну не мог пойти на заключение договора с Петром I. Имеется прямое свидетельство отсутствия такого договора к началу Прутского похода. В письме от 7 мая 1711 г. В. В. Долгорукому и Б. П. Шерemetеву, сообщая о заключении договора о сотрудничестве с молдавским господарем Димитрием Кантемиром, Петр I писал: «Також и мультиянский (валашский. — Л. С.) господарь вскоре таковыми ж трактаты с нами обяжется»¹⁴.

Несмотря на тревоги, вызванные подозрениями Порты, Брынковяну не прекратил связей с русскими, продолжая информировать их о турецких приготовлениях к войне. С началом Прутской военной кампании и вступ-

лением русских войск на территорию Молдавского княжества положение Брынковяну осложнилось. Турки внимательно следили за его поведением. 7 мая 1711 г. он покинул Бухарест и, расположившись со своим войском в лагере Урлац около Альбешти, ждал вступления русских войск на территорию Валахии.

Между тем в русских войсках возникли серьезные затруднения с продовольствием, остро встал вопрос о переходе Валахии на сторону России. Петр I писал 21 июня Б. П. Шереметеву о необходимости послать в Валахию войска и написать господарю и боярам Кантакузино, «призывая их, чтоб по обещанию своему к нам пристали». На случай, если не будет продовольствия, царь предписывал просить их о покупке скота и послать им для этого деньги¹⁵.

Переход Димитрия Кантемира на сторону русских войск поставил Брынковяну в затруднительное положение. Считая Кантемира своим врагом и зная о цели, с которой Порта посадила его на молдавский престол, он стал более осторожным. Брынковяну хотел установить связь с русскими войсками. Для этого он направил в Яссы своего посла Кастроита под предлогом посреднических мирных переговоров от имени султана. Нерешительная, выжидательная позиция Брынковяну была использована боярской партией Кантакузино, стремившейся занять господарский престол. Спафарий Фома Кантакузино вместе с группой преданных ему бояр и служилых людей бежал из лагеря Урлац к русским войскам. Хронист Некульчес рассказывает, что, прибыв в Яссы к Петру I, Фома Кантакузино стал обвинять Брынковяну в невыполнении взятых им перед царем обязательств по подготовке продовольствия и войска для соединения с русскими¹⁶. Обвинения способствовали отрицательному отношению Петра I к поведению Брынковяну. Об этом свидетельствуют записи в Походном журнале царя за 1711 г. о прибытии Фомы Кантакузино в Яссы. Поведение господаря здесь объясняется тем, что «зело богат и не хочет себя в трудности и опасности вдавать»¹⁷.

Петр I решил направить в Валахию корпус генерала Ренне, чтобы поднять валахов против турок, установить контакты с валашским господарем и захватить провиант, заготовленный турками в районе Браилы. Вместе с Ренне был и Фома Кантакузино. Узнав о движении русских войск к Браиле, Брынковяну 2 июля 1711 г. направил Ренне письмо, в котором информировал о действиях турецких войск, о своем решении открыто перейти на сторону России, когда русские войска соединятся с валашскими. Он просил также сообщить о количестве провизии, необходимом русской армии¹⁸.

Находясь в Урлане под наблюдением турок, Брынковяну не мог наладить связь с русскими. Господарь надеялся установить контакт с ними через своего посла Кастиюта, но не имел от него никаких известий. Отсутствие связи привело к тому, что Брынковяну узнал о приближении корпуса Ренне к Браиле по слухам. Это создало у него впечатление, что русские под влиянием Димитрия Кантемира и Фомы Кантакузино игнорируют его как господаря, не считая нужным сообщить о своем вступлении на территорию Валахии. Об этом он писал в письме Кастиюту 7 июля и просил скорее наладить связь с русскими и сообщить, «в каком намерении нас там имеют, чтоб нам то ведать и управляться». В тот же день он написал письмо Г. И. Головкину, в котором сетовал на отсутствие связи со своим послом Кастиютом и высказывал готовность участвовать в борьбе с турками на стороне русских войск. «Потщимся со всяким усердием, — писал Брынковяну, — явиться в том деле, которого давно мы ожидали»¹⁹. Ренне получил письмо валашского господаря от 2 июля вечером 12 июля и на следующий день написал ему ответ. Он напоминал Брынковяну об обещании соединиться с русскими войсками и советовал не откладывать прибытие в русский лагерь²⁰. Едва ли успел Брынковяну получить это письмо Ренне. 18 июля великий везир направил ему указ султана об условиях мира, заключенного с русскими на Пруте 12 июля 1711 г.

15 июля после двухдневного штурма русские войска заняли Браилу. Как свидетельствуют хронисты, приход русских войск вызвал антитурецкие выступления жителей Браильского района. Но уже на следующий день, 16 июля Ренне получил приказ Петра I в связи с заключением мира с турками вернуться для соединения с основными силами русской армии. 18 июля войска Ренне оставили Браилу. Фома Кантакузино бежал вначале в Брашов, а оттуда с группой близких бояр к переправлявшимся в Россию частям генерала Ренне. Таким образом, пребывание русских войск на территории Валахии оказалось кратковременным, и в силу совокупности всех отмеченных выше обстоятельств Брынковяну не решился на открытый переход на сторону России.

Положение валашского господаря было сложным. Он оказался разоблаченным перед турками в связях с Россией. Там его нерешительность в переходе на сторону русских войск во время Прутской кампании вызвала недоверие к его политике и отрицательное отношение к нему Петра I, который писал в рукописи о Свейской войне, что все его письма и заявления были «илюдским лобзанием», «ибо все сообщал туркам, что от нас получал, и нарочно тянул на нашу пагубу»²¹. Надо полагать, что под влиянием такой характеристики царя политика Брынковяну в 1711 г. пред-

ставлялась историками в целом ряде трудов, как отечественных, так и зарубежных, как предательская. На наш взгляд, такая оценка политики валашского господаря является односторонней и объективно некорректной. Об этом говорит анализ большого документального материала (прежде всего его переписки с русскими властями), выявленного в свое время нами в российских архивных фондах и в значительной части опубликованного. Необходимо рассматривать политику Брынковяну как в контексте конкретных событий, связанных с Прутским походом Петра I, так и внутриполитической ситуации в Валахии, а также факторов, определивших вассальное положение княжества в системе Османской империи в то время.

Представление о политике Брынковяну по отношению к России расширяют выявленные нами материалы о связях господаря и бояр Кантакузино после Прутских событий, в 1712—1713 гг. Как известно, окончательное утверждение Прутского мирного договора затянулось до июня 1713 г. Шведский и французский послы в Стамбуле подталкивали Порту к отказу от мира. В 1712 г. русско-турецкие отношения ухудшились. В этот период возобновились связи Брынковяну с Россией. Через Валахию шла пересылка корреспонденции между русскими послами в Адрианополе П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым и русским правительством. Вместе с донесениями П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева валашские послы доставляли письма от Брынковяну и Кантакузино русским властям. Всю эту корреспонденцию русское правительство получало через киевского губернатора Д. М. Голицына и фельдмаршала Б. П. Шереметева, который, находясь в этот период на Украине во главе части русских войск, сосредоточивал внимание на получении сведений о действиях Турции, чтобы в нужный момент призвать свои войска к ее границам. В связи с пересылкой корреспонденции русских послов в Турции устанавливается постоянная переписка между Брынковяну и киевским губернатором Д. М. Голицыным. Валашский господарь не только содействовал этой пересылке, но и продолжал информировать русские власти о действиях Турции, о положении на Балканах. Несмотря на возникшее после 1711 г. отрицательное отношение к валашскому господарю в России не могли не оценить услуг Брынковяну.

Однако с большим доверием здесь относились к боярам Кантакузино. Переселившиеся на жительство в Россию после 1711 г. Фома Кантакузино и группа бояр и служилых людей были приняты на русскую военную службу. Фома получил поместье в Киевской губернии и в чине генерал-майора кавалерийского полка был определен к Б. П. Шереметеву. Прибыв-

ший вместе с Фомой Федор Корбя стал в 1712 г. владельцем двух деревень в Киевской губернии²². Когда в 1712 г. возникла угроза новой войны с Турцией, Петр I и Г. И. Головкин через Фому Кантакузино возобновили переписку с боярами Кантакузино с целью не только иметь постоянную информацию о турецких действиях, но и привлечения на сторону России и других балканских народов. В частности, определенная роль в этом отводилась спафарию Михаилу Кантакузино. Так, Г. И. Головкин по указу Петра I просил его о привлечении на русскую военную службу сербов. Но эти связи не получили развития, так как в июне 1713 г. был утвержден Прутский договор о мире России с Турцией.

В 1714 г. обострились противоречия между Брынковяну и боярами Кантакузино, которые хотели посадить на господарский престол сына Константина Кантакузино Штефана. Порта использовала эту ситуацию в Валахии для осуществления своих планов свержения Брынковяну. Копии его переписки с русскими властями, имевшиеся у Константина Кантакузино, были подосланы султану врагами валашского господаря в Стамбуле. В марте 1714 г. Брынковяну был свергнут с престола. Главное обвинение, предъявленное ему Портой, — измена в 1711 г. Валахский господарь вместе с сыновьями был доставлен в турецкую столицу и подвергнут страшной казни. На глазах у старого князя были отрублены головы его четырех сыновей, затем и его самого. Такая же участь постигла в 1716 г. Штефана и Михаила Кантакузино. Так расправилась Порта с представителями элиты Валахии за связи с Россией.

П р и м е ч а н и я

¹ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. В 3-х т. (далее — ИСв.). М., 1970. Т. 3. С. 116.

² Там же. С. 151; 358—359. Примеч. 73—74.

³ Constantinescu-Iași P. Relațiile culturale româno-ruse din trecut. Buc., 1954. Р. 162.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1704 г. Д. 1. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1706 г. Кн. 3. Л. 426—426 об.; 1707 г. Кн. 3. Л. 37 об.—41 об., 119—120.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. V. С. 179—180. № 1670.

⁷ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. 41 об.—42, 71—71 об., 76.

⁸ ИСв. Т. 3. С. 200—201; РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1707 г. Кн. 3. Л. 47 об.; Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 3—3 об.

⁹ РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1708 г. Кн. 2. Л. 124—125; Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 12 об.—13.

¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. VI. С. 117. № 2990.

¹¹ ИСв. Т. 3. С. 284—285; РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1708 г. Д. 3. Л. 9.

¹² Documente privitoare la istoria Românilor / Culese de E.Hurmuzaki. Buc., 1887. Supl. I. Vol. 1. P. 391—393.

¹³ Neculce Ion. Letopisețul Tării Moldovei și o samă de cuvinte / Ed. de I. Iordan. Buc., 1955 (далее — Neculce.). Р. 258.

¹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI. Вып. 1. С. 221—222. № 4436.

¹⁵ Там же. С. 299. № 4535.

¹⁶ Neculce. Р. 279—280.

¹⁷ Походный журнал 1711 года. СПб., 1913. С. 49—50.

¹⁸ Callimachi S. Un document inedit din anul 1711 privitor la colaborarea militara româno-ruse // Studii. Revistă de istorie și filosofie. 1950. № 3. Р. 178—179.

¹⁹ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 4—6.

²⁰ Callimachi S. Op. cit. Р. 178—179.

²¹ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. I. Приложение 1. С. 22.

²² РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1712 г. Д. 2. Л. 26; Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1712 г. Д. 15. Л. 4—4 об.; Д. 16. Л. 89—89 об.; Д. 19. Л. 1об.—2; Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 609.

В. Н. Виноградов

Екатерина Великая и ее окружение

Известный историк академик С. Ф. Платонов о правлении немки Екатерины, урожденной принцессы Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской, писал: «При ней у дел стояли русские люди, и интересы России принимались чисто по-русски»¹.

В истории существует такое явление, как преданность монарха принявшей его стране. В Испании и Швеции давно уже забыли французские корни династий Бурбонов и Бернадотов. В Румынии образец подобной преданности продемонстрировал король Фердинанд, поднявший оружие против своей родины Германии. В этом ряду властителей, умом, душою и сердцем слившихся с новой отчизной, почетное место занимает Екатерина. Едва приехав в неведомую Россию, она записала в своем дневнике: «Я желаю и хочу лишь блага этой стране, в которую привел меня Господь. Слава страны создаст мою славу». 18 лет она провела в браке с постылым мужем и под тираническим присмотром суровой свекрови, царицы Елизаветы Петровны. И как награда — сладкое бремя власти, и слава в таком количестве и разнообразии, которые мечтательной девчушке не снились и во сне. И на закате дней своих Семирамида севера, как ее называли льстцы, свидетельствовала: «Это государство сделало для меня бесконечно много, и я считаю, что всех моих усилий, непрестанно направляемых ко благу этого государства, к его процветанию и его высшим интересам, едва ли хватит, чтобы отблагодарить его»².

За 52 года жизни в России Екатерина ни разу не покинула ее пределов. Она отказалась от модного тогда обычая держать слуг-иностраниц, предпочитая в этом качестве россиян. Она не вела переписки с родственниками, ни один из них не получил приглашения навестить ее. Иногда ее приверженность ко всему русскому выглядела забавно. Врача, «отворявшего» ей кровь, она просила выпустить последнюю каплю ее «немецкой» крови так, чтобы в жилах текла одна «русская».

Во время поездки в Прибалтику немецкое рыцарство вздумало приветствовать ее на родном языке. Отвечал по ее поручению Григорий Орлов и разумеется, по-русски. Учреждена была Российская академия для

радения о русском языке и особо для подготовки словаря. Хоть и медленно, распространялось образование. В 1780-е годы удалось перевести преподавание в Московском университете на родной язык. Тогда же дипломатам, русским по рождению, было предписано использовать при составлении депеш русский язык. Тщательно, с лексической точки зрения, готовились законодательные акты. Так, в соответствии с городским уложением, появились городские думы, их руководители именовались головами, члены — гласными. Никаких мэров, префектов и супрефектов не существовало и в помине.

Разумеется, Екатерина знала о пороках жизни, быта, нравов российского общества. Но упоминать о них не полагалось. Россия и ее народ считались превыше всего, и критика в их адрес не допускалась: «Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается умом, додадкою, силою»³. Для первой супруги сына Павла императрица сочинила инструкцию, включавшую три пункта: послушание мужу, покорность свекрови, преданность России. Принцесса «должна чтить нацию, к которой будет принадлежать, никогда не должна худо говорить о ней как в целости, так и по отношению к отдельным лицам». Цесаревна должна «соображаться с обычаями страны» и проявлять «решительную охоту говорить на языке этой обширной монархии»⁴.

Одна Россия, только Россия, Россия превыше всего. Железная дисциплина в служении ей!

Увы, предписания императрицы далеко не всегда осуществлялись в ее собственной семье. Прошел год после бракосочетания Павла, и Екатерина констатировала: великая княгиня по-русски ни бум-бум и горазда лишь транжирить деньги.

Царица сил не жалела для воспитания обожаемых внуков, Александра и Константина, в духе идей Просвещения, под знаком гуманизма и уважения к Человеку независимо от его происхождения и знатности. Все усилия пошли прахом. Бабушка написала специальное наставление, чтобы мальчики «обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобы с ними не говорили с пренебрежением, или возвышая голос или со спесью...» Куда там! Особенно отличался грубостью и хамством Константин, и бабка печалилась в связи с его «злословием, сквернословием и беспутством, наглым, постыдным и бессовестным поведением»⁵. Все наставления пошли прахом — внуки нравом пошли не в нее, а в леда и отца в обожествлении муштры и плац-парада. Великий князь Константин во время Венского конгресса до такой степени изму-

чил муштрай австрийский кавалерийский полк, коего были сделан шефом, что командир полка князь Винжишгрец вызвал его на дуэль.

Немка Екатерина вступила на престол в момент наивысшего раздражения засильем иноземцев в государстве. Ведь при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, по словам В. О. Ключевского, «курляндско-брауншвейгский табор, собравшийся на берегах Невы, дотрепывал верховную власть», а муж Петр Федорович добавил к курляндцам еще голыштинцев⁶. Софья Августа Фредерика, нареченная в России Екатериной Алексеевной, сознавала, что ей надо было быть более русской, чем сами русские. Влюбленный в нее Станислав Понятовский, будущий король Польши Станислав Август, рвался в Петербург к ее ногам и сочинял страстные письма: «Я в сто раз больше хочу стать послом в твоем ближайшем окружении, чем королем здесь... Так дважды не любят, как я люблю тебя. Что мне еще остается? Ужасная пустота и тоска на сердце. О, Софи, Софи, ты заставляешь меня страдать». Она отвечала экс-влюбленному с холодной рассудительностью: «Знайте, что все происходило здесь из ненависти к иностранцам, и сам Петр Третий слывет как таковой»⁷.

Но было бы грубой ошибкой связывать подчеркнуто русский дух правления Екатерины с определенными событиями и обстоятельствами. Ведь этот курс продолжался 34 года без всяких отступлений.

Уважение к российским традициям и обычаям, неуклонное следование им в жизни и политике не означало изоляции от Европы, замкнутости в национальной скорлупе. Автор монументальной монографии об екатерининской эпохе Изабель Мадариага утверждает: «На краткое время в конце восемнадцатого века Россия и Западная Европа сошлись»⁸. Россия восприняла от Запада колоссально много. Но Екатерина обожглась на первой своей романтической попытке механического восприятия идей Просвещения (ее Наказ комиссии по составлению нового законодательства, 1767 г.) и больше ошибок не совершала. Как позднее писал А. С. Пушкин, «что надо Лондону, то рано для Москвы». Все европейское — только через преломление российских реалий.

Изменился стиль правления к немалому изумлению современников, привыкших к беззаботному, если не сказать безалаберному, царствованию Елизаветы Петровны, которая уделяла своему гардеробу больше внимания, чем государственным делам. И оные при начале правления Екатерины пребывали в печальном состоянии: в казне — хоть шаром покати, а долговых обязательств — на 17 млн рублей, армии восемь месяцев не платили жалованья, крепости, по словам молодой государыни, разваливались, «флот в упущении», 150 тыс. монастырских крестьян «отложи-

лись от послушания⁹. Аппарат управления в верхнем его звене функционировал барски-лениво. На первом же заседании Сената царица не смогла добиться точного ответа на вопрос, каков же размер доходов государства. Ей называли цифру 17 млн рублей, после расследования обнаружилось, что она составляла 28 миллионов. Сенаторы смутно представляли административное устройство страны, числа городов не смог назвать никто. Карты России в важнейшем государственном учреждении обнаружить не удалось. Государыня открыла ридикюль, вынула 5 рублей и послала за требуемым в Академию наук. Та оказалась на высоте, царице принесли целый атлас.

И началось невиданное со времен Петра. Императрица вставала в шесть, зимой сама растапливала камин и садилась за сочинение писем, чем занималась чуть ли не каждый день. На завтрак — чашка крепчайшего кофе с сухариком. В 8 появлялся секретарь с бумагами, следом за ним министры. И так, с немецкой аккуратностью, всю жизнь. Царица сама изумлялась: «Я тружусь точно за деньги, так коплю, так стараюсь, кладу в дело весь свой ум и сообразительность»¹⁰.

К двадцатилетию правления А. А. Безбородко подвел некоторые итоги: городов построено 144, устроено губерний по новому образцу 29, важных указов издано 88, а всего перечислялось полтысячи важных дел.

И за каждым актом — тщательная кропотливая работа. Екатерина никогда не рубила сплеча. Ничего похожего на кадровую чехарду не происходило, государыня долго присматривалась к человеку, прежде чем назначить его на важную должность (если, разумеется, кандидат не был давно известен). Правда, случались и ограхи, назначенец обнаруживал полную непригодность к исправлению полученной должности, но тогда царица действовала по какой-то странной и одной ей понятной логике. Когда ей говорили, что тот-то (имя рек) — дурак и его следует сменить, она отвечала: но он же не виноват, что родился дураком, а виноваты мы, что посадили его на место. Пускай служит дальше, и назначала ему заместителя. Стабильность кадров объяснялась еще одним, вполне земным соображением — невеликим выбором, одно лишь дворянство было в большинстве своем, если и не образованным, то хотя бы грамотным сословием.

По своему характеру Екатерина была оптимистом и жизнерадостной. 18 лет испытательного срока закалили ее волю. В пору тяжелых испытаний она не падала духом. Во время войны со Швецией (1788—1790 г.) морские сражения на Балтике происходили вблизи Петербурга, гул пушечной канонады доносился до города. Окружающие посоветовали ей покинуть

столицу. Она отвергла предложение с негодованием и для душевного равновесия переводила Плутарха¹¹.

Она проявляла не только личное мужество и самообладание, но и политическую проницательность и стойкость государственного деятеля даже тогда, когда робели испытанные полководцы. Два примера. Кампания 1773 г. на Дунае сложилась неудачно, природа обратилась против российской армии. Солнце выжгло посевы и траву, переправившееся на правобережье Дуная войско страдало от нехватки продовольствия и еще больше, фуража для конского состава. Фельдмаршал П. А. Румянцев вернул полки на левый берег реки. Подняли голову петербургские интриганы, посыпались доносы и «клеветы». Полководец пал духом и запросился в отставку. И тут Екатерина проявила себя как государственный деятель с большой буквы. В письме Румянцеву она заверила его, что клеветников не слушает, «ушинадувателей не имею, переносчиков не люблю и сплетен складчиков... терпеть не могу»¹². Ее доверие к полководцу неизменно. Ободренный ею Румянцев в 1774 г. победоносно завершил войну.

В 1787 г., во время новой войны с Турцией, отправленный Г. А. Потемкиным к Варне флот попал в ужасающую бурю. Фельдмаршал направил царице паническое донесение: «Флот севастопольский разбит бурею... Бог бьет, а не турки». Потемкин решил было оставить Крым, а сам попросился в отставку. Царица отчитала своего сердечного друга как мальчишку: «Вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, вы принадлежите мне». А далее шло личное: «Оставь унылую таковую мысль, ободри свой дух»¹³.

Сказанное выше не значит, что Екатерине были свойственны одни добродетели, нет, ничего человеческое не было ей чуждо, она умела лгать, льстить и интриговать. Еще в юности она составила календарь памятных дат влиятельных придворных старушек, в именины у них появлялся гонец с теплым поздравлением от великой княгини, и в умах рождался образ кроткой и услужливой молодой женщины, страдавшей от беспутства мужа, то бишь Екатерины. А та хладнокровно и расчетливо ожидала смерти царицы Елизаветы, а по ее кончине представлялась воплощением скорби и в глубоком трауре часами простоявала у гроба, время от времени роняя слезы. А уже будучи могущественной императрицей, она была в курсе придворных сплетен и интриг, о коих ей доносила наперсница Марья Саввишна Перекусихина.

Но мелкие страсти замыкались дворцовыми стенами, а великие деяния распространялись на всю Россию.

* * *

Нельзя не сказать несколько слов о ее содействии развитию культуры в России. Сама Екатерина питала большой интерес к русской истории, собирала и изучала летописи, сочинила несколько пьес якобы из русской жизни, насквозь политизированных. Князь Олег, повесивший свой щит на вратах Царьграда, в ее изображении сильно напоминал своими речами человека эпохи Просвещения.

Другой страстью Екатерины было сочинительство. Ее перу принадлежат пьесы нравоучительного содержания, аллегорические сказки, комедии. Много бессонных ночей провел Александр Васильевич Храповицкий, ее секретарь в конце 1780 — начале 1790-х годов, редактируя труды августейшей сочинительницы и снабжая их стихотворными вставками, ибо с рифмами императрица не ладила. Автора попроще можно было бы упрекнуть в графоманстве, но, конечно, не ее. И вторжение императрицы в область изящной словесности имело самый благодетельный побочный эффект — занятие литературой обрело статус уважаемого и почтенного, имени Ломоносова, Княжнина, Богдановича, Державина, Сумарокова, Фонвизина, Тредиаковского прочно вошли в историю России. Страна пережила своего рода издательский бум, за тридцать лет вышло из печати 7 тыс. книг общим тиражом в миллион экземпляров¹⁴.

Екатерина стояла у истоков отечественной журналистики, основала журнал «Всякая всячина», в котором активно сотрудничала (анонимно, но так, что о творчестве августейшей журналистки знали все).

Императрица положила основание великому собранию Эрмитажа, приобретя 1 400 картин, 80 тыс. гравюр, 7 тыс. рисунков, коллекцию камей¹⁵.

Изменилась придворная жизнь. Прошло увлечение маскарадами, отличавшее Елизавету Петровну, зато процветали театральные представления, французские и русские, в том числе оперные. Правда, музыкой царица не увлекалась, слух у нее отсутствовал, но приходилось следовать моде. Лет до 45 Екатерина с увлечением танцевала на балах, позднее любила играть в карты и, как положено монархам, часто выигрывала. Незадачливый партнер не раз с досадой бросал карты на стол и шумно удалялся. На вечерах в «малом Эрмитаже» протокола не существовало, при появлении царицы никто не вставал. Екатерина предложила обращаться к ней «на ты», но из этого ничего не получилось. Остроумный принц Ш. де Линь приветствовал ее словами: «Ты, Ваше императорское величество». Даже простоватый Григорий Орлов почувствовал тягу к чему-нибудь умственному, приобрел телескоп и стал наблюдать за звездами.

И в то же время царила распущенность, что было не в диковинку в эпоху Просвещения, достаточно вспомнить буйные нравы сыновей короля Георга Третьего в Великобритании или Версаль при последних Людовиках. В век Просвещения все естественное считалось прекрасным, а что может быть естественнее земной любви, в том числе в виде легких увлечений? Называлось это «наслаждением натуральным». Екатерина со своей склонностью к упорядочению всего ввела в свою амурную жизнь систему фаворитов (всего — 14). Они получали звание флигель-адъютанта и становились по официальной линии кем-то вроде доверенных личных секретарей.

* * *

Люди ничтожные во власти окружают себя пигмеями, дабы собственная их персона представлялась значительною. Крупные личности подбирают сотрудников с умом, характером и воображением. «Кто не ищет заслуг и кто их не открывает, недостоин царствовать», — говорила Екатерина.

Царица слыла уравновешенным человеком — никогда не сердилась, голоса не повышала, разносов не учиняла. На самом деле она была вспыльчива, но никогда не давала воли гневу. Чувствуя его приближение, она пила воду стаканами, засучивала рукава и ходила по комнате, пока не успокаивалась. Она говорила: «Я хвалю громко, а ругаю на ушко», поощрения стимулировали ревность служивого сословия. Отсюда — блестящий состав ее окружения. К сожалению, изучено оно пока недостаточно. Его члены как представители крепостнического строя не удостоивались серьезного внимания историков советского периода. Исключение делалось для людей, олицетворявших национальную славу. И здесь в первую очередь следует упомянуть князя Григория Александровича Потемкина. Этот крупнейший государственный деятель выходил за рамки простого фаворита. Он стал фактическим соправителем императрицы, а по распространенному мнению, и ее мужем. Их испепеляющая страсть длилась всего два года; потом — расставание, и развеяла их не ревность, а стремление к власти. Двум честолюбцам стало тесно в Петербурге (по словам Екатерины, «мы ссоримся о власти, а не о любви»). Потемкин получил в удел юг страны, который он и обустроил. Характерно, что все следующие фавориты (до Платона Зубова) приходили из команды Потемкина, который оставался опорой и ближайшим советником императрицы.

В генеральской среде Потемкин выдавался своим гуманизмом. Крепость Очаков он осаждал по всем законам воинской науки, взял ее с ма-

лыми потерями, но, простояв под ее стенами несколько месяцев, вызвал досаду Екатерины и скору с пылким Суворовым. Потемкин, несомненно, крупный военачальник, но великим полководцем его назвать трудно, не хватало решительности и беспощадности. Его забота о солдате видна даже из его записки (1783 г.) об обмундировании: солдат должен быть одет просто и удобно. Туалет солдата должен быть «таков: как встал, то и готов», никаких париков, узких мундиров и гетр с многочисленными пуговицами¹⁶.

Тяжелый конфликт последних лет между Екатериной и Потемкиным имел политическую подоплеку: Россия находилась перед угрозой войны с коалицией Великобритании, Швеции, Пруссии и Польши в дополнение к Турции, и фельдмаршал настаивал на уступках, в том числе территориальных, и в частности в пользу Пруссии. Екатерина не желала уступать ни пяди земли и настояла на своем. И тем не менее его внезапный уход из жизни поверг ее в отчаяние и скорбь. Умирая, он думал о ней: «Матушка всемилостивейшая государыня! В теперешнем изнуренном состоянии молю Всеышнего да сохранит здравие твое...»¹⁷

Узнав скорбную весть, царица слегла, а придя в себя, сказала А. В. Храповицкому: «Теперь все будет не то». Мне представляется, что созидательная деятельность Екатерины оборвалась в 1791 г., дальше шло угасание не только физическое, но и творческое, старой по тогдашним представлениям женщины (за 60 лет).

Военное искусство России при Екатерине достигло высшей ступени развития, достаточно назвать имена Суворова, Потемкина, Румянцева, Кутузова, адмирала Ушакова. Но в тени и до сих пор остается фигура Николая Васильевича Репнина, военного деятеля и дипломата, завершившего войну в 1791 г. победоносным прелиминарным миром. Репнин представлял Россию на Тешенском конгрессе 1779 г. и вместе со своим французским коллегой мирил монархов Австрии и Пруссии, схватившихся в так называемой картофельной войне. Это событие в зарубежной историографии часто расценивается, как свидетельство высшего подъема великородствия России, вместе с Францией выступавшей гарантом германской конституции. Николай Васильевич Репнин служил также посланником в Польше и был ох как крут.

Не обойден вниманием Никита Иванович Панин, видный дипломат, создатель так называемой Северной системы взаимной гарантии государств. Деловой подход Екатерины к выбору сотрудников виден на примере Панина, который был скрытым оппозиционером, сторонником олигархической, а по тому времени вельможной, системы управления

и считал, что Екатерине следовало выступать в качестве регентши в ожидании совершеннолетия законного императора Павла Петровича. Тем не менее Панин возглавлял ведомство иностранных дел до середины семидесятых годов, когда царица воспользовалась совершеннолетием Павла для того, чтобы освободить Панина от должности его воспитателя, а заодно и от всех прочих.

В ряду дипломатов высоко оценивается посол в Лондоне Семен Романович Воронцов, который немало способствовал тому, что русско-турецкая война 1787—1791 гг. не превратилась в общеевропейское побоище.

На мой взгляд, в историографии сейчас переоценивается роль его сестры, княгини Екатерины Романовны Дашковой, той самой, что в памятный день 29 июня 1762 г. была на коне рядом со своей августейшей тезкой во время похода на Оранienбаум для поимки смешенного Петра Федоровича. Много позднее она возглавила Российскую академию наук, созданную для исследований в области русского языка. Но ее сотрудничество с царицей длилось недолго, и Екатерина Романовна отдалась воспитанию детей.

Алексей Михайлович Обресков, много лет занимавший пост агента в Константинополе, в окружение императрицы не входил. Но он явился автором той формулы религиозного покровительства православным подданным Высокой Порты, которая по сей день вызывает споры в научной среде, ибо никогда, ни в одном документе слово «покровительство», не говоря уже о слове «протекторат», не упоминается.

Что же до штатских советников Екатерины, то предстоит еще архивные поиски для того, чтобы обрисовать роль того или другого. Даже фигура А. Безбородко не стала предметом пристального изучения. А имея в виду Ивана Ивановича Бецкого, правой ее руки в делах гуманного свойства (он ведал Московским воспитательным домом для сирот и подкидышей, возглавляя комиссию по разработке плана восстановления Твери после страшного пожара 1764 г., занимался школьным образованием) и многих других, приходим к выводу — предстоит еще создать галерею портретов исторических лиц, окружавших государыню.

* * *

Время Екатерины — это бурная история вовне: две войны с Турцией, по одной со Швецией и Персией, три раздела Польши, а внутри страны — великое и ужасное Пугачевское восстание и неуклонный, не прерывав-

шийся даже в военное лихолетье прогресс во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Неизвестно тогда еще слово «стабильность», пожалуй, лучшее всякого другого характеризует ту жизнерадостную эпоху. Царила уверенность в завтрашнем дне, всяк знал, что его жизнь и имущество будут цели через год и через десятилетие. Не существовало понятия «лишние люди», появившегося через полсотни лет, современникам Екатерины были неведомы мучительные метания чеховских героев в поисках смысла жизни.

И хочется выразить надежду на то, что время Екатерины будет и впредь привлекать внимание исследователей, отечественных и зарубежных. Оно того заслуживает.

П р и м е ч а н и я

¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 634.

² Сборник русского императорского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1885. Вып. 42. С. 177.

³ Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 627; Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. С. 534.

⁴ Сб. РИО. СПб., 1874. Вып. 13. С. 334—335.

⁵ Екатерина II. Сочинения. М., 1995. С. 525.

⁶ Ключевский В. О. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 110.

⁷ Valloton H. Catarina II. 1955. Р.149; Записки императрицы... С. 571.

⁸ Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1961. P. 588.

⁹ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 25.

¹⁰ Брикнер А. Г. История Екатерины II. М., 1991. Т. 2. С. 734—735.

¹¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 480.

¹² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Турцией. 1773 г. Д. 1760. Л. 113.

¹³ Екатерина II и Г. А. Потемкин. С. 233, 529, 787, 819.

¹⁴ Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952. С. 233.

¹⁵ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины». М., 1992. С. 364.

¹⁶ Екатерина II и Г. А. Потемкин. С. 159—161.

¹⁷ Там же. С. 470.

Tipologia intelectualilor europeni în secolul al XIX-lea

În istoria socială se întâmplă adeseori ca realitățile întâi să existe, și abia apoi să fie numite. Atunci când Maurice Barrès a lansat polemic termenul de «intelectuali» – în cursul afacerii Dreyfus –, categoria socială respectivă exista deja de aproape un secol.

Atât termenul, cât și categoria socială a intelectualilor suferă de o anumită ambiguitate, fiind susceptibile de abordări și definiri diferite. Intelectualii pot fi definiți, de pildă, din perspectiva naturii specifice a activității lor, ca oameni ce se îndeletnicește cu «gândirea» și care căștigă din valorificarea socială a pregătirii lor. Din acest punct de vedere, intelectuali ar fi toți aceia care beneficiază de o pregătire de specialitate superioară – oamenii cu diplomă de studii academice – și care desfășoară o activitate de concepție sau de coordonare, esențialmente diferită de munca manuală (*homo sapiens* față de *homo faber*). De asemenea, intelectualii pot fi definiți din perspectiva funcției sociale a activității lor, adică din perspectiva locului pe care îl ocupă în sistemul relațiilor de producție. În această accepțiune instrumentală, ei își pierd în cele din urmă individualitatea specifică de grup social, fiind asimilați altor clase – nobilime, burghezie, proletariat –, în calitate de teoreticieni ai intereselor acestora – intelectualii «organici» despre care scria Antonio Gramsci¹. În al treilea rând, intelectualii pot fi definiți din perspectiva finalistă a implicării lor moral-politice în activitatea publică, drept o categorie militantă, contestatară, anticonformistă². Este o perspectivă circumstanțiată istoric (afacerea Dreyfus, mersul în popor al populiștilor ruși), care deduce categoria socială obiectivă din angajamentul public subiectiv.

În primul caz, este vorba de o definire mult prea generală, în care diferențele specifice anulează practic relevanța conceptuală a genului proxim. Termenul de «intelectuali» acoperă o diversitate prea mare de situații particulare, pentru a rămâne coherent în sine însuși. În măsura în care se referă la toți oamenii cu studii universitare (ca să nu mai amintim de toți oamenii cu «preocupări» intelectuale), ajunge să includă exponenți ai tuturor categoriilor sociale, cu statuturi, roluri și interese diferite, pierzându-și practic orice relevanță sociologică și epistemologică. În ultimă instanță, toți cei care «gândesc» s-ar subsuma categoriei intelectualilor.

La antipodul acestei perspective foarte cuprinzătoare se află cea moral-politică, ce restrânge excesiv aria de referință a intelectualilor. Sunt excluși din această categorie toți cei care nu se angajează activ în spațiul public, care nu promovează o anumită «cauză», deși, prin pregătire și a activitate, intrunesc caracteristicile atribuite intelectualilor de simțul comun⁴. Mai mult, această perspectivă suferă deoarece se intemeiază pe o prejudecată subiectivă (partizană, am putea spune), ipostaziată drept criteriu analitic obiectiv. În fond, angajarea activă în spațiul public este o opțiune personală, ținând cont de valorile morale și cultura politică ale unui individ, care pot interfeșa sau nu cu altele analoge ale altui individ. Poate decurge de aici un fenomen social (în sensul în care concepe fenomenele teoria acțiunii), dar fenomenul social nu este tot una cu categoria socială care-l produce, cu atât mai mult cu cât nu-l produce niciodată singură și în mod univoc. Cu alte cuvinte, intelectualii nu pot fi definiți structural (nici măcar o parte a lor) în funcție de manifestările exterioare prezumate ca tipice de elementele sociale cele mai vizibile. (Tot aşa cum potrivit unei analogii hegeliene celebre – floarea, sau în cazul de față chiar miroslul florii, nu este planta ca atare. Chiar dacă se întâmplă să atragă insectele – am adăuga noi!)

În primul caz avem aşadar o perspectivă «idealistică», care încearcă să cuprindă prea mult; în al doilea – o perspectivă «ideologică» ce exclude prea mult. În ambele situații termenul de «intelectual» își pierde semnificația și relevanța epistemologică. Mai bogată în perspective analitice este perspectiva intermediară, «materialistică», care îmbină oarecum criteriul naturii intrinseci a activității intelectuale (gândirea calificată), cu cel al funcției sociale a intelectualilor (relaționarea între indivizi și grupuri). Gândirea nu operează în sine, ci într-un sistem de raporturi interumane pe care caută să le explice (să le interpreze, gestioneze, legitimeze sau conteste), potrivit poziției gânditorului în interiorul acestor raporturi. Materialismul constă tocmai în această referire la existența concretă, observabilă empiric și cognoscibilă științific, care constituie, în ultimă instanță, obiectul și totodată referențialul absolut al cercetării sociale. Totuși, și acest materialism, intemeiat pe conceptul modului de producție, este neconcludent pentru categoria intelectualilor, care-i scapă oarecum din grila operatorie⁵. În primul rând, identitatea socială a intelectualilor nu se construiește numai pe coordonatele economice (relațiile de producție), ci și pe coordona-

⁴ În calitatea sa de medie a percepțiilor și convingerilor originate în practica socială, simțul comun este un indicator gnoseologic simptomatic, mai relevant într-un fel decât preconceptiile livrești. Fără îndoială, el nu trebuie acceptat ca atare, ci filtrat printr-o metodologie a cunoașterii științifice, dar aceasta nu trebuie să-l nege, ci să-l interpreze, pentru a accede, în funcție de el, la înțelegerea teoretică (generală).

tele culturale (dinamica mentalului colectiv), poate mai mult decât în cazul oricarei alte categorii, în virtutea activității lor specifice. Or, coordonatele culturale pot să evalueze în paralel cu cele economice, având propriile sisteme de elaborare și comunicare. (Psihologia analitică și antropologia structurală oferă suficiente date în acest sens, acreditând permanența unor structuri ale gândirii imune la schimbările din modul de producție). În al doilea rând, intelectualii se grupează într-o categorie cu o funcționalitate particulară în societate, cu propria individualitate socială, neputând fi aşadar reduși la statutul de exponenti teoretici ai intereselor claselor «esențiale». Afirmarea «independenței» intelectualilor nu este o ficțiune (o disimulare) ideologică decât în măsura în care îi abstrage metafizic pe aceștia din ansamblul relațiilor și funcțiilor sociale, ca și cum ar constitui un grup *deasupra* societății, de o natură esențialmente diferită de a celorlalte categorii. Altintinderi însă, în *interiorul* ansamblului respectiv, intelectualii se precizează ca un grup de sine stătător, cu propria coerentă internă și cu propria raportare la alte grupuri sau la puterea politică.

Din punctul de vedere al identificărilor formale – calificare profesională, mod de viață, aspect exterior –, intelectualii sunt o subspecie a genului burghez (specia fiind aceea a profesiunilor liberale). Este motivul pentru care sunt incluși în istoriile generale ale burgheziei⁴. În cadrul burgheziei însă, intelectualii comportă unele trăsături particulare, chiar paradoxale, care îi individualizează (autonomizează) categorial. Un paradox, de pildă, îl reprezintă faptul că, deși se situează ca nivel material mai aproape de burghezia mică și mijlocie, la nivelul reprezentărilor simbolice ei sunt asociați mai degrabă cu marea burghezie cultivată⁵.

Aceste constatări empirice au o valoare simptomatică, întrucât sugerează, prin chiar caracterul lor general acceptat, direcțiile de analiză relevante social pentru definirea categoriei intelectualilor. Se desprind, aşadar, două observații preliminare: 1. intelectualii sunt o realitate a societății burgheze; 2. identitatea lor se precizează mai mult în funcție de capitalul simbolic, decât în funcție de capitalul material. Fără îndoială, pot fi identificați «intelectualii» – un fel de profesioniști ai gândirii abstracte – și în alte societăți decât cea burgheză: sofisitii greci, jurisconsiliștii romani, universitarii medievali etc. Numai că aceștia au rămas la nivelul unor individualități cu afilieri diverse, precum corpul cetățenesc, sistemul clientelor și Biserica. Nu au ajuns să constituie niciodată, împreună cu omologii lor intelectuali din epocă – platonicienii, arhitecții și cronicarii, de exemplu – o categorie socială de sine stătătoare. Totodată, funcția lor socială avea o finalitate explicită mai ales privată (nu ne referim aici la finalitățile implicate, cu semnificație istorică, nu socială); ca atare, nu era de natură să creeze o *structură*, o relație necesară și constantă între categorii. Finalitatea

publică a acțiunii intelectualilor a apărut și s-a dezvoltat odată cu societatea burgheză. Gradul de complexitate a categoriei intelectualilor este direct proporțional cu progresele societății burgheze – de la un grup informal și personalizat la finele secolului al XVIII-lea, la categoria instituțională și impersonală de după încă o sută de ani.

Din cele două observații de mai sus rezultă că intelectualii trebuie definiți în cadrul structural al societății burgheze, în funcție de rolul social al activității culturale pe care o desfășoară și prin care sunt recunoscuți.

Societatea burgheză se alcătuiește structural pe trei coordonate: producția de mărfuri; regimul politic reprezentativ; cultura de masă. Formula «ideală» de societate burgheză este aceea în care cele trei coordonate sunt dezvoltate până la ultimele lor consecințe practice, apărând sub forma instituțională a capitalismului industrial, a democrației și a învățământului public gratuit. Producția de mărfuri, regimul reprezentativ și cultura de masă – în unitatea lor sistemică – generează «societatea deschisă», adică societatea în care, pe de o parte, cvasitotalitatea populației este atrasă sub o formă sau alta în spațiul public («la vedere»), iar pe de altă parte, chestiunile de interes general (relațiile sociale, în fond) se află în atenția permanentă a publicului⁶. În acest context, comunicarea devine un resort funcțional esențial (un factor eficient) al existenței sociale*. Nu numai că instituțiile burgheze fundamentale – proprietatea, votul și instrucția publică – presupun comunicarea (cunoașterea reciprocă), dar publicul însuși pretinde să i se comunice (argumenteze) problemele generale care îl privesc. Comunicarea socială înseamnă, aşadar, cunoaștere și argumentație.

Cunoașterea și argumentația sunt cu atât mai complexe, cu cât se inserează într-un sistem social mai diversificat, asemenea celui burghez, întemeiat pe diviziunea și calificarea muncii, pe reprezentarea opțiunilor la nivel central și local și pe transmiterea de informații și valori la nivelul unei comunități teritoriale mari. Complexitatea impune calificare. Această nevoie de comunicare socială calificată este cea care determină apariția categoriei intelectualilor. (Dintronă atare perspectivă, indicatorul poate cel mai concludent al dezvoltării acestei categorii este extinderea treptată a învățământului superior.) Intelectualii alcătuiesc, deci, categoria socială a persoanelor cu pregătire academică ce activează în domeniul cunoașterii și care au ca funcție transmiterea publică inteligibilă a rezultatelor cunoașterii, asigurând astfel cadrul mental favorabil desfășurării relațiilor sociale. În fond, intelectualii clarifică publicul asupra societății în care el trăiește, fie că este vorba despre economia, politica sau cultura acestora.

* Expresia poate fi cea mai concentrată a comunicării sociale o reprezintă contractul, atât în acceptiunea sa propriu-zisă juridică, cât și în accepțione simbolico-politică.

Clarificarea corespunde și răspunde imperativului social al cunoașterii transparente, și este o condiție a comunicării. Prin clarificare societatea devine rațională și rezonabilă, aşadar acceptabilă pentru public și eficientă funcțională. În acest sens, spre deosebire de «specialiști» – care se ocupă cu gestiunea afacerilor curente din economie, finanțe sau administrație –, intelectualii au ca obiect cercetarea, creația și instrucția. În timp ce «specialiștii» utilizează cunoașterea în mod individual, la nivelul unităților lor de muncă, intelectualii o transmit publicului, o diseminează social.

Se pot distinge mai multe tipuri de intelectuali. Din punct de vedere funcțional, de pildă, adică potrivit relației pe care o stabilesc cu procesul cunoașterii, există intelectuali pe care i-am putea numi creatori – care realizează propriu-zis cunoașterea – și intelectuali transmițători – cei care o difuzează într-o manieră didactică sau vulgarizată. În primul tip s-ar încadra oamenii de știință, filosofii și scriitorii, iar în al doilea – profesorii, autorii de almanahuri și specialiștii realizatori de emisiuni culturale la radio și televiziune. O altă variantă a aceleiași tipologii funcționaliste ar fi aceea «teoreticienii» – «practicienii», în măsura în care «practicienii» diseminează social concluziile «teoreticienilor», așa cum fac de exemplu comentatorii politicii cu interpretările doctrinariilor. Aceste distincții sunt însă destul de schematice și factice, deoarece, pe de o parte, procesul cunoașterii nu este unul univoc, de la elita intelectuală la restul societății, ci unul reciproc, în care teoria interpretează realitatea, dar și realitatea influențează interpretarea teoretică; pe de altă parte, una și aceeași persoană poate să îmbine cele două calități: să fie totodată om de știință și profesor, scriitor și realizator de emisiune, doctrinar și comentator politic.

Din punctul de vedere «substanțial», al naturii cunoașterii, pot fi identificați intelectualii pozitivi și cei speculațiivi, după cum elaborează o cunoaștere pe bază de observație, respectiv de imaginea. În prima categorie ar intra oamenii de știință, în a doua – scriitorii, filosofii împărtindu-se între cele două*. Imaginea este și ea o formă de accesare la cunoaștere, tot atât de mult ca și observația. Scriitorul caută și comunică și el un «adevăr», chiar dacă este vorba de un adevar de altă natură decât cel pe care îl caută omul de știință. Aici nu

* Din perspectiva definiției noastre, nu-i includem printre intelectuali și pe artiști. Arta nu constituie o cunoaștere propriu-zisă, ci o reprezentare personală fie a unei trăiri, fie a unei cunoașteri prealabile, dar care nu este produsă, ci numai valorificată estetic de către artist. Nu e vorba aici de o ierarhizare de inspirație platoniciană, ci de o plasare în planuri diferite și incomparabile. De altfel, pot exista artiști intelectuali – aceia care interpretează teoretic arta ca fenomen, oferind aşadar o cunoaștere asupra acesteia. De asemenea, există un domeniu artistic aflat la limită cu știință – arhitectura, care materializează nu numai o viziune, ci și o cunoaștere.

interesează valabilitatea unui anume demers, ci demersul cognitiv ca atare. De altfel, toți acești intelectuali sunt apropiați printr-o structură formală comună: discursivitatea expunerii. Ei își transmit cunoașterea într-o formă expozițivă, «narațiunea» lor reprezentă, în ultimă instanță, o proză. (Forma poetică este atributul artei, întrucât nu comunică explicit, ci sugerează simbolic.) O atare poetică tipologizare este însă una mai degrabă gnoseologică decât sociologică. Ea de referă la conținutul abstract al cunoașterii, dar ignoră structura socială concretă a cunoașterii, adică poziția intelectualilor în cadrul corpului social – relațiile de putere –, care le conferă acestora identitatea și relevanța istorică.

Din această perspectivă, mai semnificativ pare să fie distincția gramsciană între intelectualii urbani și intelectualii rurali, care nu se referă atât la situația geografică, cât la poziția în cadrul relațiilor de proprietate și al rețelelor de influență. Se poate lămuri astfel statusul, dar nu și rolul intelectualilor, altfel spus – condiționarea lor materială, dar nu și funcția ideală specifică. Problema fundamentală a viziunii gramsciene (marxiste în general) este că tinde inevitabil să subordoneze activitatea intelectuală dinamicii relațiilor de producție (luptei claselor), anulând în cele din urmă individualitatea categoriei intelectualilor, care sunt reduși la situația de exponenți teoretici ai claselor «esențiale». (Cunoașterea însăși este numai o formă de conștiință de clasă). Se limitează astfel, uneori până la irelevanță, tocmai funcția socială specifică a intelectualilor în societatea burgheză – aceea de a cunoaște și a comunica –, ceea ce cauzează inclusiv analizei marxiste, deoarece se pierde din vedere o componentă organică a acestei societăți.

Mai conformă funcției sociale a intelectualilor ar fi o tipologie calchiată pe antiteza formulată de Karl Mannheim, între «ideologie» – concepțiile care susțin *status quo*-ul – și «utopie» – cele care îl contestă. Intelectualii s-ar împărți aşadar în «conformiști» și «contestatori», după cum cunoașterea pe care o comunică aceștia confirmă sau infirmă sistemul social. Fie că se referă la societatea prezentă, fie la cea viitoare, și unii și ceilalți îndeplinesc același rol: de a clarifica publicul asupra societății respective, de a asigura cadrul mental favorabil funcționării acesteia. Aici nu mai este vorba atât despre interesele particulare, cât despre valorile generale și capacitatea lor de agregare socială. Activitatea culturală nu mai intervine doar ca un element de suprastructură, ci în calitate de factor structurant al relațiilor sociale, ceea ce legitimează funcțional tratarea intelectualilor drept o categorie de sine stătătoare, cu o poziție specifică în mecanismul social. Numai că această interpretare finalistă, prin prisma opțiunilor moral-politice, afirmează rolul dar pierde din vedere statusul, adică inserarea concretă a intelectualilor într-un ansamblu de condiționări obiective. Ea se plasează în acest fel oarecum la antipodul viziunii marxiste.

Pentru a stabili o tipologie cât mai completă și mai relevantă a intelectualilor, credem că trebuie pornit de la situația lor «hegemonică» în societate, întrucât această situație reprezintă punctul de intersecție și expresia socială consacrată a statusului și rolului. Altfel spus, în «hegemonia» pe care o exercită se cumulează atât poziția socială, cât și funcția socială, aceasta având astfel o valoare de indicator. În fond, «hegemonia» specifică îi individualizează pe intelectuali în societate, consacrand social esențialul categoriei, esențial ireductibil la alte categorii, dar inteligibil numai în relațiile cu acestea. Ca atare, o tipologie pornind de la situația «hegemonică» este susceptibilă să ofere un operator analitic concludent, în măsura în care ea presupune identitatea particulară a categoriei intelectualilor în structura corporului social.

Intelectualii dispun de un capital simbolic și exercită o «hegemonie» simbolică. În condițiile nevoii de informare a «societății deschise», competența lor în zona cunoașterii se transformă într-o autoritate în zona opiniei, în sensul că publicul le face credit (inclusiv sub forma insidioasă a «efectului de halou»), fiind prin urmare influențat mai mult sau mai puțin de intelectuali. În mod paradoxal pentru «societatea deschisă», categoria intelectualilor nu se «democratizează», ci se transformă într-o elită profesională recunoscută instituțional. Profesiunile intelectuale implică o cunoaștere «ezoterică» și abilități speciale. Admiterea de noi membri într-o profesiune se face în mod controlat, se stabilesc standarde de competență și proceduri operatorii, aşa încât, în final, cei din afara profesiunii sunt incapabili să-i supravegheze de o manieră avizată pe intelectuali⁷. În consecință, intelectualii sunt recunoscuți ca «superiori» și decidenți în chestiunile «culturale», adică în cele care privesc cunoașterea și aplicarea practică a cunoașterii în activitatea celorlalte categorii.

Din această perspectivă, se observă că «hegemonia» intelectualilor se exercită la nivelul relațiilor sociale civile, ea netransgresând decât conjunctural și punctual către sfera politicului. Puterea simbolică (prestigiul public) funcționează oarecum în paralel cu puterea efectivă (actul decizional), singurul lor teren de întâlnire fiind teoria politică. Numai că aceasta nu se regăsește *tale quale* în practica politică, ci se adaptează împrejurărilor, ceea ce înseamnă că referințele culturale «pure» nu au decât o valoare relativă, iar intelectualii – o influență secundară. Intelectualii pot exercita, într-adevăr, o putere subtilă, specifică «societății deschise» – puterea convingerii –, și o pot exercita inclusiv direct asupra publicului, peste clasa politică. Dar pentru aceasta contează mai puțin ceea ce încearcă să facă intelectualii, și mai mult ceea ce este dispus să accepte publicul, adică dacă acesta le recunoaște sau nu și competența politică (de administrare publică). Or această recunoaștere este destul de puțin plauzibilă, tocmai în virtutea «diviziunii muncii» pe care o implică societatea burgheză.

Specializarea care asigură «hegemonia» simbolică a intelectualilor impune și «monopolul» politicienilor de meserie asupra puterii propriu-zise. Ideea platoniciană a filosofului-rege, reluată de luminism cu termenii inversați: regele-filosof, traduce fie o speranță irealizabilă (societatea guvernată de rațiunea filosofică), fie o frustrare («înțelesul» marginalizat – care nu are nici măcar capacitatea să-și reconvertească frustrarea în cinism).

În condițiile în care intelectualii exercită o *conducere simbolică* la nivel civil, analoagă celei politice, ei pot fi împărțiți conform tipologiei formulată de către Max Weber pentru liderii politici. În acest sens, liderilor carismatici, formali și tradiționali le corespund intelectualii individuali, organizaționali și sectari. Pentru liderii politici, criteriul de departajare este legitimitatea pe care o afirmă; pentru intelectuali – modul în care interacționează cu corpul social.

Acestei corespondențe structurale, în baza relației pe care liderii politici și intelectualii o au cu «obiectul» conducerii – statul, respectiv societatea –, i se adaugă o corespondență funcțională, în baza principiului eficient al conducerii. În cazul liderilor carismatici și al intelectualilor individuali, principiul este personalitatea; în cazul liderilor formali și al intelectualilor organizaționali – norma juridică; în cazul liderilor tradiționali și al intelectualilor sectari – autoritatea.

Intelectualii individuali stabilesc cu publicul o relație în nume propriu și își exercită influența simbolică în virtutea prestigiului personal. Altfel spus, acțiunea lor socială se desfășoară cu titlu individual, iar publicul îi ia în serios și le face credit datorită notorietății pe care au dobândit-o⁸. Capitalul simbolic de care dispun este asociat persoanei ca atare. Exponenții prin excelență ai acestui tip sunt scriitorii, editorialiștii specializați, analiștii politici și economici, critici literari și artistici. În fond, este vorba despre toți aceia care pot fi identificați drept «liberii profesioniști» ai categoriei intelectualilor.

Intelectualii organizaționali relaționează cu societatea prin intermediul instituțiilor la care sunt afiliați (institute, universități și.a.m.d.), create prin lege ca centre de cunoaștere și comunicare a cunoașterii. Ei își îndeplinesc funcția socială în/din cadrul organizat al acestor instituții, iar publicul le prezumă competență în virtutea apartenenței lor instituționale. Capitalul simbolic personal derivă aşadar din prestigiul instituției respective, prestigiul consacrat, la rândul său, în temeiul normei juridice. În acest tip de încadrează cercetătorii și cadrele didactice la toate nivelurile – toți aceia care funcționează ca intelectuali pe baza unor certificate legale de competență.

Intelectualii sectari se raportează la societate în maniera unui corp constituit, cu o identitate ideologică specifică, ce constituie prin ea însăși un argument de autoritate socială. «Credo»-ul ideologic, presupus de ei ca fiind

expresia «adevărului», îi îndrituiește – în calitatea lor de «practicanți» ai săi – să pretindă o poziție hegemonică, de instanță morală și chiar politică. În fond, ei își afirmă statutul și funcția socială prin invocarea unei autorități: aceea a ideologiei pe care o profesează. Capitalul simbolic decurge din adeziunea la ideologia respectivă. În aceste condiții, intelectualii sectari se individualizează liberat ca subgrup în ansamblul societății, față de care manifestă o atitudine militantă. Au tendința de a se organiza într-o rețea de solidarități și interes, cu o ierarhie informală, și de a formula revendicări în raport cu *status quo*-ul instituțional.

Constituirea diferitelor tipuri de intelectuali și ponderea lor în ansamblul societății depinde de trei variabile: 1. regimul politic; 2. accesul la resurse; 3. paradigma culturală dominantă. Aceste variabile alcătuiesc împreună cadrul structural și cultural de manifestare a intelectualilor. Ele condiționează poziționarea și exprimarea publică a acestora, favorizând emergența unuia sau altuia dintre tipuri. Regimul condiționează relaționarea socială a intelectualilor, în măsura în care permite sau nu libertatea de expresie și organizarea lor într-o «societate civilă», prin intermediul cărora să-și exercite «hegemonia» simbolică. De accesul la resurse, adică la posibilitățile de finanțare, depinde structurarea internă a categoriei, raportul dintre «liberii profesioniști» și cei încadrați în instituții sau organizații. Paradigma culturală determină profilul «ideologic» al intelectualilor, înclinația lor mentală către o anumită formă de acțiune socială, pe baza unei «legitimități» specifice. Altfel spus, tipologia intelectualilor este inteligibilă în contextul unui sistem de raporturi: liberalism-autoritarism, capitalism industrial – economie agrară (sau în alți termeni: urbanizare – dominație rurală) și spirit critic – dogmatism. Aceste condiționări sunt recurgibile în evoluțiile sociale din secolul al XIX-lea*.

În Marea Britanie, categoria intelectualilor a apărut și s-a dezvoltat sub influența acțiunii conjugate a liberalizării, revoluției industriale și culturii critice.

Din punct de vedere politic, asigurarea libertății personale, eliminarea privilegiilor – inclusiv cele care limitau accesul în universități și în posturile universitare – și lărgirea progresivă a participării sociale la actul decizional – prin reformele electorale – au oferit un cadru favorabil manifestării intelectualilor. Pe de o parte, au permis exprimarea relativ liberă a opiniilor, facilitând în acest fel comunicarea cunoașterii și formarea unor rețele sociale ale intelectualilor. Pe de altă parte, prin implicarea tot mai amplă a publicului instruit în treburile publice, au sporit nevoia socială de informație și de

* Ne limităm observația la cazurile Marii Britanii, Franței, spațiului german și Rusiei, dat fiind caracterul lor oarecum exemplar pentru tipologia intelectualilor.

argumentație inteligibilă, impunând practic rolul social al intelectualilor. Acest rol s-a regăsit inclusiv în politică, intelectualii devenind absolut necesari partidelor, în efortul acestora de a formula programe «rezonabile» și de a convinge electoratul⁹. În 1906, câștigător al alegerilor, Partidul Liberal a trimis în Camera Comunelor 377 de deputați, dintre care 154 erau oameni de afaceri, 85 – juriști, 25 – scriitori și ziariști, 22 – profesori universitari, profesori la școli secundare, medici, militanți pentru diferite cauze și numai 69 erau «gentlemani». În schimb, în rândul deputaților conservatori, «gentlemanii» continuau să reprezinte majoritatea, urmați de oamenii de afaceri și de funcționari¹⁰.

Dezvoltarea capitalismului industrial a influențat evoluția intelectualilor din mai multe puncte de vedere. În primul rând, a oferit noi posibilități de finanțare, din partea investitorilor interesați de ameliorările tehnice și tehnologice. S-au strâns astfel legăturile dintre comunitatea științifică și mediul de afaceri, pentru a imprima cunoașterii un caracter utilitar. A apărut, încă de la finele secolului al XVIII-lea, un mediu academic comun, organizat în cadrul unor societăți cum au fost *Lunar Society*, din Birmingham, sau *Literary and Philosophical Society*, din Manchester¹¹.

În al doilea rând, prin procesul de urbanizare pe care l-a amorsat, capitalismul industrial a creat piața culturală potențială pe care intelectualii să-și vândă competența, obținând în schimb succesul și recunoașterea importanței lor sociale¹². Potrivit calculelor lui François Bédarida, în Anglia și Tara Galilor ponderea populației urbane a crescut, între 1801–1851, de la 33,8% la 54%. Totodată, numărul orașelor cu peste 100 000 de locuitori a crescut de la 1 la 10, iar cel al orașelor cu o populație între 20 000 și 100 000 de locuitori – de la 16 la 55 (cf. François Caron)¹³.

În al treilea rând, prin creșterea generală a nivelului de trai, industrializarea a transformat piața culturală potențială în piață efectivă, în măsura în care publicul a ajuns la acea situație materială (bani și timp liber) care să-i permită să se intereseze de activitatea intelectualilor și să le cumpere lucrările. Conform lui Ph. Deane și W. A. Cole, între 1801 și 1851 produsul național al Marii Britanii a crescut de la 232 milioane de lire la 523 milioane (în prețuri curente), sau de la 138 milioane la 494 milioane (în prețuri constante), ceea ce însemna o creștere de la 12,9 la 23,7 lire pe cap de locuitor¹⁴. Încă și mai importantă a fost distribuția socială a acestei bunăstări, care a cuprins inclusiv categoriile populare, formându-se astfel un public cultural de masă. Nivelul vieții maselor muncitoare s-a ameliorat inițial lent, până către 1815, iar apoi în ritm accentuat, progresul continuând până după 1840. Un indicator l-au reprezentat depunerile la casele de economii, create în 1817. Acestea au sporit de la 14 milioane lire în 1829, la aproape 30 milioane în 1850, pentru cca 1 100 000 depunători. În 1842,

printre cei 15 000 de deponenți la Manchester and Salford Savings Bank, 43% erau muncitori industriali (cf. Louis Bergeron)¹⁵. Pentru perioada de la sfârșitul secolului al XIX-lea, un simptom comercial al îmbunătățirii nivelului de trai l-a constituit apariția magazinelor universale, destinate celor cu venituri medii¹⁶.

Paradigma culturală dominantă în Marea Britanie se caracteriza prin spiritul critic (cercetător) și aplicat (utilitar). Sub influența doctrinei senzualiste a lui John Locke – care atribuia realitatea exclusiv ființei individuale – «gândirea» s-a orientat către chestiunile de interes imediat, reprezentabile empiric, tratate din perspectivă științifică. Știința însăși s-a dezvoltat în virtutea acestui spirit critic și aplicat, care a constituit cauza ei eficientă. James Watt, de pildă, a inventat mașina cu aburi în contextul mental al filosofiei mecaniciste, mașina lui conducând la apariția termodinamicii, și nu invers. Teoria științifică a mașinii industriale a început să fie elaborată abia în perioada 1780–1820¹⁷.

A existat aşadar o structură culturală comună (un continuum mental) care i-a integrat pe intelectuali în ansamblul societății. Modelele teoretice ale acestora corespundeau cu preocupările concrete ale societății, în particular cu cele ale categoriilor burgheze. Este simptomatic, de exemplu, faptul că în Marea Britanie s-a elaborat economia politică «clasică», și că aici liberalismul nu a invocat argumente ideale, ci principiul utilitatii. Consecința a fost relaționarea organică a intelectualilor cu restul societății și chiar cu statul – în termenii comuni ai criteriului existenței (și eficienței) concrete. (Amintim aici clișeul ideologic al politicii interne a Marii Britanii, privind eminența căii proprii de transformare a regimului în funcție numai de necesitățile concrete specifice, la adăpost de riscurile pe care le implicau «utopiile» abstracte universaliste.).

Totodată, a fost vorba de o cultură critică, întemeiată pe cercetarea științifică, adică pe un demers legat strict de realitate, dubitativ și esențialmente pluralist, ceea ce a împiedicat crearea unui «canon» cultural, care să se transforme într-un «Credo» ideologic al intelectualilor, ca semn distinctiv al acestora în raport cu celelalte categorii. Spiritul critic și neutru al științei se opunea spiritului concluziv și militant al ideologiei; apelul la experiența faptelor contravenea invocării unei credințe ideatice. Altfel spus, profilul cultural a fost de așa natură încât intelectualii din Marea Britanie să rămână o categorie socială «deschisă».

În acest context politic, economic și cultural, tipurile care s-au afirmat în Marea Britanie au fost cel al intelectualilor organizaționali și cel al intelectualilor individuali. Sistemul instituțional și dezvoltarea industriei ofereau intelectualilor posibilități de exprimare individuală, respectiv de plasament social, precum și piața culturală pentru producțiile lor. Aceștia dispuneau aşadar de un cadru organizațional în/din care să-și exercite «hegemonia» simbolică – de la

asociațiile de reflectie ale societății civile, la sistemul de învățământ și instituțiile științifice «regale», care finanțau și premiau cercetarea conferind prestigiu social intelectualilor. Primii intelectuali organizaționali (profesorii) – recunosibili prin căstigurile fixe – au apărut încă de la sfârșitul secolului al XVIII-lea, devansând astfel celelalte societăți europene¹⁸. În paralel au apărut și intelectualii individuali (oameni de știință, gânditori politici, scriitori), dar nu atât ca «proletari intelectuali» (declasati obligați să scrie pentru a trăi), cât în calitate de «profesioniști» ai cunoașterii cu un status bine precizat, care îi plasa în relație directă cu burghezia. Economistul Adam Smith era om de afaceri, Thomas Robert Malthus, înainte de a deveni profesor de economie politică, fusese pastor anglican, filosoful James Mill era plătit de Compania Indiilor Orientale, Benjamin Disraeli frecventa, ca scriitor, mediul social al conservatorilor, pentru a deveni apoi chiar liderul lor politic. Paradigma culturală critică și aplicată a tuturor intelectualilor – organizaționali și individuali în egală măsură – îi predispunea mental la rândul ei către această formă de relaționare socială deschisă și integrată – în termenii specifici ai spațiului public burghez. O trăsătură distinctivă a societății britanice în secolul al XIX-lea a fost tocmai fenomenul omogenizării sociale a categoriilor mijlocii cu elitele¹⁹.

În Franța intelectualii au apărut într-un context diferit, în sensul că nu exista o industrie dezvoltată care să le ofere posibilități de plasament și de inserție socială organizațională²⁰. Existau însă o libertate relativă de exprimare, (mai ales după 1830) și o cultură critică pronunțată, cu deosebirea că aceasta din urmă nu se caracteriza prin spiritul utilitar (aplicat) al britanicilor, ci printr-unul idealist (speculativ). Rationalismul critic al francezilor nu se îndrepta atât spre chestiunile practice, de interes imediat, cât spre cele principiale, cu valoare universală – situație surprinsă cu acuitate în epocă de către Alexis de Tocqueville²¹. Din combinația celor trei variabile – regim mai mult sau mai puțin liberal, industrie puțin dezvoltată și cultură critică idealistă – a rezultat un context favorabil apariției tipului intelectualilor individuali, și în particular a boemei, această realitate socială franceză prin excelență.

În Franța nu existau inițial prea multe surse de finanțare organizatorică pentru intelectuali (nu s-a format, de pildă, o comunitate academică a oamenilor de știință și a oamenilor de afaceri), în schimb exista un public pentru ei. Populația urbană a crescut, între 1811–1851, cu 1 917 000 locuitori, 32% dintre aceștia înregistrându-se la Paris, 4% în orașele cu peste 100 000 de locuitori, 17% în cele cu 20 000 până la 100 000, iar 46% în cele cu 3 000 până la 20 000 (cf. François Caron)²². Creșterea demografică urbană a fost alimentată și de exodul rural, pe fondul suprapopulației satelor, exod care a luat amploare începând cu anii 1840²³. În paralel, satele au fost tot mai mult atrase în circuitul

comercial al orașelor, suferind un anumit proces de îmburghezire. Vânzarea bunurilor naționale a determinat apariția unui capital nou, iar largirea bazelor funciare și imobiliare ale averii negustorești sau manufacturiere a facilitat recursul la creditul ipotecar – sursă esențială de bani pentru investiții (cf. Louis Bergeron)²⁴. Burghezia de afaceri și rentierii – categorii instruite, cu bani și cu timp liber – au constituit publicul avizat (piata culturală) pentru intelectuali.

În condițiile în care absența unei industrii dezvoltate limita posibilitățile de finanțare din această direcție, iar învățământul încă nu oferea suficiente posibilități de plasament (fiind de altfel afectat și de confruntările politice care aveau ca obiect educația), publicul rămânea aproape singura sursă de venituri pentru intelectuali. Aceștia nu puteau să se reconvertească prea ușor nici în birocați, deoarece existau deja adevărate dinastii biocratice, cu structuri regenerative proprii, care exercitau un cvasimonopol asupra funcțiilor respective²⁵, nici în politicieni, datorită censului electoral ridicat și limitei de vîrstă pentru a putea alege și a fi ales (25, respectiv 30 de ani – în vremea Monarhiei din Iulie). Prin urmare, intelectualii s-au orientat către activitățile care implicau contactul nemediat cu publicul, în special către literatură și jurnalistică, inițiind aşadar o relație personală între ei și public, conformă tipului intelectualilor individuali. Pentru Franța, prima jumătate a secolului al XIX-lea a fost epoca personalităților literare, a celor care căutau să acceadă social prin talentul scriitoricesc – epoca personajelor din *Comedia Umană*.

Spre deosebire de intelectualii individuali britanici, bine integrați social, mulți dintre cei francezi aveau un status relativ incert – provineau din mediile populare, căutau să se afirme în spațiul public prin instrucție și ambiție, dar nu dispuneau de resursele materiale necesare pentru a se «socializa». Erau într-un fel niște declasați deveniți marginali ai burgheziei. Din rândul lor se recrutau poate cei mai mulți reprezentanți ai boemei literare și artistice – un subgrup social constituit pe baza unei solidarități de opțiuni estetice și a unui mod de viață comun. În virtutea acestei solidarități «ideale», dincolo de condițiونările materiale, în cadrul boemei au intrat atât oameni din rândul elitelor – Théophile Gautier, cât și din categoriile populare – Henri Murger. Totuși, deși prin afinitățile culturale și aspirațiile sociale se apropiau mai mult de burghezie, prin existența pe care o duceau se apropiau de popor. Astfel, ei trăiau și scriau în bistouri, în biblioteci și în cabinetele de lectură, erau urmăriți de creditori și portărei, nu aveau domiciliu stabil, nici mobilă, și puneau banii în comun (cf. Michelle Perrot)²⁶.

În pofida caracterului lor social mai mult sau mai puțin marginal, boemii, intelectualii francezi în general nu s-au apropiat de tipul sectar. Cultura lor critică, pluralistă, impregnată de ideea de individualitate particulară, i-a împie-

dicat să profeseze un «adevăr» unic, în funcție de care să se raporteze grupat de restul societății. Prestigiul lor social rezulta din personalitatea creatoare a fiecăruia, nu din apartenența la o identitate ideologică colectivă. Totodată, idealismul specific paradigmelor lor culturale le-a imprimat o atitudine «maximalistă», la antipodul prudentei (reale sau presupuse) a britanicilor. De aici înclinația intelectualilor francezi către soluțiile radicale, către revoluție mai mult decât către reforme. Mai precis, către revoluția democratică, pentru care poporul – mediul social de referință morală al multor intelectuali (de pildă Jules Michelet) – nu era doar un instrument al elitelor, ci chiar scopul și justificarea acțiunii.

Situația s-a modificat din a doua jumătate a secolului al XIX-lea, sub impactul progreselor capitalismului industrial și ale învățământului public – în special în timpul celei de a III-a Republici –, când s-au creat condiții favorabile pentru dezvoltarea tipului intelectualilor organizaționali. Marile întreprinderi industriale și statul au finanțat cercetarea, s-au întemeiat laboratoare – elogiate de Louis Pasteur ca temple ale viitorului – și s-au organizat expediții științifice (corolar al expansiunii coloniale). Extinderea și laicizarea învățământului public (stipendiat de stat), presupuneau suplimentarea și înnoirea personalului didactic. S-a constituit astfel corpul așa-numiților institutori republicani ai lui Jules Ferry – ilustrativi pentru tipul organizațional. Prestigiul lor social și «hegemonia» simbolică pe care o exercitau decurgeau din calitatea de expoziții ai școlii publice. Această «hegemonie» prin intermediul organizației statale trădusea totodată și afirmarea socială a laicității în detrimentul ultramontanismului, echivalând cu o victorie a culturii critice asupra dogmatismului*.

În spațiul german, intelectualii au apărut într-un context caracterizat prin autoritarismul politic, economia agrară și cultura critică scolastică.

Regimurile politice restrângăreau libertatea conștiinței și libertatea de exprimare, fie că era vorba de cele formal absolutiste (Prusia, Austria), fie de cele «constituționale» (Bavaria, Baden etc.) – acestea din urmă fiind oarecum analoge Restaurației din Franța. (Ludovic I al Bavariei, de pildă, considera că cel mai bun mijloc de a-i opri pe oameni din graba lor către pierzanie era reprimarea severă a crimei încă de la început²⁷.) Instituțiile și cultura politică erau preponderent conservatoare, ele inhibau individualitatea în beneficiul comunității, și în particular al expresiei juridice a comunității – statul. În virtutea ideii că statul – în calitatea sa de elaborare rațională, deci umană – reprezenta însăși

* Prin «cultură critică» și «dogmatism» nu avem în vedere anumite concepții existențiale, ci două moduri de a gândi (atitudini intelectuale). Poate foarte bine să existe și un «fundamentalism laic».

«substanță» individualului, Georg Wilhelm Friedrich Hegel putea să conchidă că regatul cel mai «liberal» era acela în care rolul statului era cel mai net precizat și cel mai ferm urmărit²⁸. Personalitatea în sine avea o relevanță minimă, ea conta moral prin prisma identificărilor instituționale. Dacă în Franța restrângerea libertății în favoarea autorității era un scandal (a se vedea, spre exemplu, ordonanțele de la Saint Cloud), în statele germane era o obișnuință. În acest cadru, s-a precizat cu precădere tipul intelectualilor organizaționali, definiți prin cadrul formalizat în care și desfășurau activitatea și din care le deriva prestigiul social.

Din punct de vedere economic, spațiul german era mai arhaic decât cel francez, aici revoluția industrială fiind încă și mai puțin avansată decât se întâmpla dincolo de Rin. În 1820, nivelul valoric la producției industriale din statele germane nu depășea 85 milioane de lire, față de 220 – milioane în Franța sau 290 milioane – în Marea Britanie (cf. François-G. Dreyfus)²⁹. 75% din populație o formau țărani, iar majoritatea burgheziei – potențial public cultural – trăia în orașe mici, de 5 000–10 000 de locuitori. În primele decenii ale secolului al XIX-lea, numai 14 orașe aveau peste 100 000 de locuitori³⁰. Existența în orașele mici se caracteriza prin posibilitățile materiale limitate și prin presiunea convențiilor sociale. Noile forme de sociabilitate materializau în continuare spiritul corporatist medieval. Asociațiile burgheze, constituite pe baza principiului cooptării și a taxelor de admitere, mențineau exclusivismul social (cf. Heinz-Gerhard Haupt)³¹. Altfel spus, «societatea civilă» germană s-a alcătuit pe o structură tradițională, pe «starea» socială, pe corpul constituit (eventual și privilegiat). Reflexe corporatiste se regăseau inclusiv la nivelul studențimii cu opțiuni democratice. În «constituția» elaborată la 19 decembrie 1818 pentru asociația studențească pangermană (*Allgemeine Deutsche Burschenschaft*), se preciza că aceasta trebuia să constituie legătura liberă și naturală a studenților și că în cadrul ei tineretul se forma *ca un întreg*³². Într-un atare context, intelectualii nu-și puteau exercita «hegemonia» simbolică decât din interiorul unor «corpuri» profesionale (organizații), prin care își consacrau instituțional (normativ) statusul și rolul.

Dacă în Franța absența unei industrii dezvoltate a condus la apariția mai ales a intelectualilor individuali, iar în statele germane – la cea a intelectualilor organizaționali, deosebirea s-a datorat regimului politic. În Franța, regimul consacra egalitatea civilă, care excludea «corpurile» sociale sau profesionale și dădea cel puțin impresia că individualitățile aveau șanse reale și egale de a se afirma social. Pe de altă parte, în Confederația germană exista o tradiție protestantă și luministă a susținerii învățământului de către stat, care oferea deja posibilități de plasament în acest domeniu de activitate.

Diferența dintre intelectualii organizaționali britanici și cei germani rezida în sursa finanțării. Dacă venitul celor britanici era asigurat prin implicarea directă a «societății civile» (a mediilor de afaceri) și prin existența unei piețe culturale de masă, cel al germanilor depindea de numirile universitare ale statului și de patronajul aristocratic³³. Afirmația lui Lenore O'Boyle, potrivit căreia în absența unei industrii dezvoltate statul rămâne o soluție de angajare³⁴, își află în cazul intelectualilor germani o confirmare concludentă. Este simptomatic în acest sens faptul că intelectualii germani au apărut ca parte componentă a aşa-numitei «burghezii cultivate» (*Bildungsbürgertum*), care reunea academicieni, profesorii universitari alături de funcționari ai statului, juriști și medici³⁵. Cât privește patronajul aristocratic, de el depindeau inclusiv personalități care altminteri ar fi avut valoarea necesară să se impună în mod individual, spre exemplu Friedrich Schlegel și Adam Müller, reuși la Curtea de la Viena în jurul lui Friedrich von Gentz.

În condițiile unei asemenea valorizări sociale a instrucției și a institutelor de învățământ, modelul absolut al intelectualului german a fost profesorul universitar, materializat exemplar de către Georg Wilhelm Friedrich Hegel – filosof, profesor și teoretician al etatismului prusac în egală măsură. Universitățile reprezentau organismele supreme de autentificare a competenței intelectuale, astădat centrele privilegiate de exercitare a «hegemoniei» simbolice. Așa se explică importanța particulară pe care au dobândit-o în spațiul german disputele universitare, cum a fost cea între hegelienii «de dreapta» și hegelienii «de stânga», de pildă. (Însăși utilizarea termenilor politici de «dreapta» și «stânga» într-o polemică speculativă sugerează semnificația socială a dezbatelor universitare).

Deși cu o pondere socială mai puțin însemnată, a apărut și tipul intelectualilor individuali. Acesta era reprezentat în principal de filosofii și scriitorii românci (Novalis, Friedrich Hölderlin etc.) și de avangarda literară reunită în asociația «Tânăra Germanie» (Karl Gutzkow, Theodor Mundt, Heinrich Laube etc.) – mai apropiată oarecum de boema franceză. Componenții avangardei provineau din categoriile mijlocii, erau însă marginali social, cu un statut nesigur, deci de un spirit mai curând individualist decât corporatist. Lipsiți însă de resurse și mai ales de audiență, ei nu au câștigat niciodată prestigiul social al universitarilor. În contextul societății germane, tipul care s-a afirmat «organic» a fost cel al intelectualilor organizaționali.

Precizarea tipului organizațional s-a datorat și culturii critice scolare a intelectualilor germani, adică al acelei culturi definită prin exercițiul abstract (formal) al rațiunii individuale. Germanii erau mai preocupați de metafizică (de transcendență) și de dialectică (de legile gândirii) decât de organizarea socială

pozitivă, care nu-i interesa decât ca produs secundar al fenomenologiei spiritului. Gândirea își devinea sieși propriul obiect de cunoaștere. Ca atare, intelectualii germani au practicat un discurs abstract, specializat (în unele cazuri chiar abscons), inteligeabil în interiorul categoriei lor sociale, dar la care publicul larg, neinitiat în filosofie, avea un acces limitat. Categoriile cunoașterii scolare aveau relevanță în special printre intelectuali. De aici și tendința lor de a se considera o elită, în sensul că aveau misiunea de a educa neamul omeneșc (Novalis), ori în sensul că se adresau numai categoriilor instruite (Friedrich Schleiermacher)³⁶. Natura specializată a discursului a determinat gruparea intelectualilor în centre profesionale (universitățile) – în calitatea acestora de cadre optime ale comunicării cunoașterii. Într-un fel, discursul a reprezentat structura formală a tipului organizațional german.

Din a doua jumătate a secolului al XIX-lea, sub impactul dezvoltării industriale, paradigma culturală a devenit mai puțin scolastică, în sensul că reflectia s-a îndreptat în mai mare măsură către existența pozitivă. Gândirea germană a excelat nu numai în filosofie, dar și în științele exacte și în științele sociale. Între 1901–1914, Germania a ajuns să numere 14 laureați ai premiului Nobel, față de numai 8 ai Franței, spre exemplu. Deplasarea zonei de interes a cercetării înspre natură și organizarea socială nu a însemnat însă o mai mare accesibilitate a discursului, cunoașterea științifică presupunând, de asemenea, specializarea.

Deși preocupările și limbajul îi individualizau pregnant pe intelectuali în ansamblul societății, în spațiul german nu a apărut tipul sectar. În primul rând, caracterul critic al paradigmelor culturale, care implica cercetarea rațională individuală și respinge argumentul autoritatii în favoarea demonstrației logice, refuza atitudinile exclusivist-dogmatice. Personalitățile și școlile de gândire nu s-au izolat unele de altele, ci au întreținut un dialog polemic în spațiul public, contribuind astfel la constituirea unei «societăți deschise». În al doilea rând, cultura socială a intelectualilor germani era una a comunicării directe, prin presă, în sălile de curs, dar și la berărie – în tradiția universitară medievală. Ei au dezvoltat aşadar o sociabilitate a contactului personal și a schimbului de idei pe viu, care presupunea rețele sociale integrate, împiedicând formarea unor grupuri sectare, repliate asupra lor însese în privința comunicării și blocate în propria gândire artificială.

În ultimele decenii ale secolului al XIX-lea, pe fondul dezvoltării capitalismului industrial, în Germania s-au creat condițiile afirmării tipului intelectualilor individuali. S-a constituit piața culturală (publicul de masă) care să asigure, prin interesul față de producția culturală, existența materială a intelectualilor individuali. Astfel, în 1900 populația urbană reprezenta 54,4% din

total³⁷. Nivelul de trai a înregistrat o ameliorare, inclusiv în cazul proletariatu-lui («aristocrația muncitorească»), ceea ce a sporit disponibilitatea publicului pentru cunoaștere. Cu toate acestea, în Germania a continuat să prevaleze tipul organizațional. Cauza a fost rezerva intelectualilor însăși de a se manifesta social în mod individual (în nume personal). Într-o economie concurențială, statutul de intelectual individual putea echivala destul de ușor cu acela de «proletar intelectual». În aceste condiții, intelectualii au preferat să persiste în relația lor funcțională privilegiată cu statul, în care întrevedeau o garanție a condiției lor de elită socială³⁸. Aceasta cu atât mai mult cu cât statul, la rândul său, avea tot mai mult nevoie de personal calificat în administrație și economie. (Între 1895–1907, numărul funcționarilor a crescut cu nu mai puțin de 160%)³⁹. Ca atare, importanța socială și prestigiul universitarilor nu numai că s-au menținut, dar au și sporit, iar odată cu ele au crescut și veniturile acestora, fapt de natură să consolideze tipul organizațional în Germania.

În Rusia, cele trei variabile care au condiționat evoluția intelectualilor au fost regimul absolutist, accesul limitat la resurse și paradigma culturală dogmatică, toate trei contribuind la emergența tipului sectar.

În condițiile în care absolutismul limita libertatea de exprimare și libertatea de asociere, în Rusia nu s-au dezvoltat rețele civile care să asigure comunicarea socială a cunoașterii. Ca atare, activitatea intelectuală s-a regăsit restrânsă în mare măsură la nivelul cercurilor ideologice, izolate unele de celelalte. Atâtă timp cât schimbul de idei nu avea loc în mod deschis, ci prin intermediul publicațiilor clandestine, aceste cercuri nu au întreținut un dialog autentic, ci o dispută partizană care le-a accentuat sectarismul⁴⁰. În interiorul anumitor cercuri putea să existe un spirit mai degrabă liberal, opus metodelor dictatoriale naceaeviste – aşa cum se întâmpla în cazul celui format în jurul lui Nikolai Ceaikovski, spre exemplu⁴¹. Dat fiind însă caracterul lor conspirativ, acestea nu puteau să constituie un cadru de relaționare a intelectualilor cu societatea. Manifestarea publică a intelectualilor ruși – în particular a celor care se interesau de teoria politică – nu s-a putut produce pe deplin decât în emigrație (Alexandr Herzen, Mihail Bakunin). De o libertate relativă beneficiau numai societățile care se ocupau cu științele naturale, precum cea de geografie – în care a activat inclusiv Piotr Kropotkin. Gândirea socială însă – percepță de regim ca subversivă – era supusă cenzurii și controlului poliției.

În privința resurselor materiale, întreaga inteligenție⁴² – din care făceau parte și intelectualii propriu-zisi – depindea de administrație. În Rusia nu exista un public de masă pentru activitățile intelectuale. Procentul populației urbane a crescut de la 4,41% în 1811, la 16% sau 18% înaintea primului război mondial⁴³ – o creștere insuficientă pentru intelectuali, cu atât mai mult cu cât îi

includea și pe muncitori, lipsiți de timp și de bani pentru a cumpăra cărți sau a merge la spectacole. În același timp, începând din anii 1860, pe fondul progreselor din învățământ, intelighenția a devenit mai numeroasă. Dar în absența unei industrii dezvoltate, institutele de învățământ nu produceau altceva decât «proletari intelectuali» – declasați proveniți din mediile populare și neacceptați în înalta societate⁴⁴. Într-un regim absolutist, care practica cenzura sistematică, aceștia nu aveau nici măcar oportunitatea afirmării prin jurnalistică (așa cum se întâmplase în Franța). Practic singura lor posibilitate de plasament rămânea administrația. În acest sens, zemstvele au constituit principalul debușeu al celor cu pregătire intelectuală. Numărul acestora a crescut de la 392, între 1882–1911, la 483, între 1912–1917. În ceea ce privește personalul, în anul fiscal 1909–1910, printre cei 70 000 de experți ai zemstvelor au fost recenziati 39 651 de învățători, 3 022 de medici și 975 de medici veterinari⁴⁵.

În acest context, poate nu ar fi deplasat dacă s-ar vorbi de «avortarea» categoriei intelectualilor (sau despre «trădarea» intelectualilor, așa cum Fernand Braudel vorbea despre «trădarea» burgheziei italiene). Într-un fel, intelectualii ruși s-au sfârșit în faza de proiect, au renunțat la funcția lor socială specifică – de comunicare publică a cunoașterii –, pentru a se reconverte în birocați (Evident, o atare «trădere» nu era expresia atât a unei opțiuni de voință personală, cât a unui reflex de adaptare socială. Teoria «efectelor perverse» ar putea lămuri acest fenomen). Cei care nu s-au transformat în birocați au devenit, adeseori, revoluționari, renunțând astădat la cunoaștere în favoarea acțiunii politice, la exercitarea «hegemoniei» simbolice în favoarea căutării puterii efective.

În lipsa unui public de masă și a comenziilor sociale care să asigure finanțarea intelectualilor, în Rusia nu au putut să se dezvolte tipurile individual și organizațional. O excepție au constituit-o scriitorii, mai ales cei de sorginte nobiliară, care se puteau întreține din avereia moștenită (Ivan Turgheniev, Lev Tolstoi). Scriitorii beneficiau însă nu numai de «piata» rusă, ci și de cea europeană, în măsura în care accedeau la notorietatea internațională. Altăminteri, pe lângă universități și societăți științifice – care reunau un număr nesemnificativ dintre membrii intelighenției –, singurele centre de reflecție intelectuală rămâneau cercurile, în care puteau să activeze și să se «socializeze» și cei bogăți și cei săraci. Era însă o socializare aparentă, având mai curând un aspect «endogamic», întrucât presupunea relaționarea în interiorul cercului de intelectuali (în mod sectar), și nu relaționarea acestora cu societatea. Cunoașterea era comunicată cu precădere în interiorul grupului, și mai puțin diseminată social (sau era diseminată sub forma ideologizată a propagandei, care nu însemna de fapt comunicare, ci persuasiune). Lipsiți de resurse și oarecum izolați social, intelectualii ruși au început să-și exercite funcția de cunoaștere și de informare față de ei însăși, în interiorul unor forme de sociabilitate închise, aproape

sigurele în care le erau (auto)recunoscute prestigiul și importanța publică (de «specialiști» ai organizării sociale, de obicei).

Sectarismul a fost alimentat și de paradigma culturală dogmatică, întemeiată nu pe cercetarea critică (științifică sau speculativă), ci pe argumentul autoritatii («Credo»-ul ideologic), inclusiv atunci când autoritatea invocată era știința. Rușii manifestau – potrivit lui Nikolai Berdiaev – un accentuat spirit apocalptic, adică erau încinați să interpreteze lucrurile în lumina sensului ultim al existenței (încinație în care se amestecau ortodoxia, psihologia stepelor și politica de mare putere). Gândirea lor – ne referim în particular la categoriile cultivate – s-a caracterizat aşadar printr-o religiozitate *sui generis*, încărcată de mesianism, chiar și în cazul autorilor ce profesau materialismul⁴⁶. Intelectualii ruși nu au avut atât convingeri, cât credințe, se considerau exponenții unui adevăr absolut (religios sau științific), care tocmai în virtutea caracterului său absolut excludea alte concepții, precum și posibilitatea «amenajării reciproce» a diferitelor puncte de vedere. În fond, ceea ce lipsea gândirii ruse (cu câteva excepții notabile, cum a fost Vladimir Soloviov), era spiritul de toleranță, acceptarea pluralismului: adevărul absolut tindea să excludă relativizarea. Relativismul era expresia gnoseologică a scepticismului etic – o trăsătură a Occidentului imaginat ca decăzut, repudiat de slavofili conservatori și de socialistii revoluționari în egală măsură.

Cultura dogmatică era într-o perfectă corespondență cu sociabilitatea închisă a intelectualilor «ghettoizați». În fapt, cele două s-au susținut reciproc. Dacă fiecare în parte ar fi putut fi eventual demantelată – prin impulsuri din zona capitalismului industrial sau a cercetării științifice libere –, împreună au alcătuit un binom structural «autoregenerativ», pe care s-a susținut tipul sectar. Intelectualii se manifestau ca intelectuali în interiorul cercurilor ideologice, iar prestigiul lor social rezulta din afirmarea exclusivistă a ideologiei respective.

Polemica ideologică a devenit aşadar o funcție a «hegemoniei» simbolice, care se traducea prin succesul unei anumite ideologii asupra orientărilor concurențe. Paradigma culturală dogmatică imprima frecvent polemicii un caracter de adversitate, scopul nemaifiind schimbul de idei, ci compromiterea preopinenților, cu «adevărul» lor cu tot. În cazurile extreme, aceștia nu mai erau criticați pentru erorile de judecată, ci acuzați de rele intenții insidioase. Un astfel de caz l-a reprezentat Vladimir Ilici Lenin, care în *Materialism și empiricism* a dezvoltat o viziune dogmatică bazată pe antiteza simplistă materialism – idealism, idealiștii fiind etichetați fie drept lunatici, fie drept șarlatani complet nătângi⁴⁷. Pentru el, problemele metafizice nu făceau decât să le disimuleze pe cele sociale – singurele de un interes legitim pentru marxiști, pozitiviști și revoluționari⁴⁸.

Fără îndoială, V. I. Lenin a fost un exemplu extrem pentru sectarismul pe care-l inducea cultura dogmatică. Au existat și autori mai moderati, interesați în afirmarea unor idei, și nu în compromiterea oponenților. Mihail Bakunin, de pildă, a întreprins o critică pur filosofică a creștinismului, pe care-l combătea nu în reprezentanții săi, ci în principiul său, care presupunea – credea el – alienarea umanității în beneficiul divinității (*Dieu et l'État*)⁴⁹. Totuși, dincolo de forma de raportare la alți intelectuali sau la alte concepții, ceea ce conta era natura acestei raportări, recognoscibilă în finalitatea polemic-ideologică a discursului. În fond, era vorba de aceeași cultură dogmatică marcată de credința într-un singur adevăr și de exclusivism. Dogmatismul nu rezida în exprimare, nici măcar în gradul de toleranță față de persoanele oponenților, ci în absolutismul propriilor convingeri, absolutism care nu permitea comunicarea decât între intelectuali care gândeau la fel, de unde și gruparea lor în mod sectar.

Este semnificativ faptul că puținii intelectuali «critici», capabili de relativizare și de acceptarea pluralismului, s-au regăsit în grupările politice «centriste», adică opuse atât absolutismului țarist, cât și celui revoluționar. Așa s-a întâmplat, spre exemplu, cu «sociologul» Nikolai Mihailovski sau cu istoricul Pavel Miliukov (primul – populist, al doilea – liberal), pe care însăși domeniul lor de cercetare i-a condus către realitate, către constatarea și asimilarea conceptuală a faptelor concrete și diverse, la antipodul abstracțiunilor ideologice absolute. Aceștia au reprezentat însă o minoritate atipică pentru Rusia, care a produs mai ales orientări intelectuale și politice «absolutiste». Din această perspectivă, Nikolai Berdiaev avea dreptate să constate că bolșevicii au fost «minimaliști», iar democrații «maximaliști», întrucât bolșevicii propuneau un proiect social mai conform specificului rusesc, deci mai la îndemână de realizat (*Reflecții asupra revoluției ruse*)⁵⁰. În acest context, în Rusia a predominat tipul intelectualilor sectari.

Am observat, aşadar, cum au influențat regimul politic, accesul la resurse și parada culturală precizia tipurilor de intelectuali în secolul al XIX-lea. Regimurile liberale au favorizat apariția intelectualilor individuali și a celor organizaționali specifici «societății deschise». Regimurile autoritare – a intelectualilor sectari și a celor organizaționali specifici societății corporatiste. Capitalismul industrial a oferit direct sau indirect posibilități de finanțare intelectualilor organizaționali și individuali, în timp ce economiile agricole, limitând accesul la resurse, au favorizat formarea tipurilor organizațional-corporatist și sectar. Cultura critică aplicată (pragmatică sau speculativă) a determinat precizia tipurilor individual și organizațional. Cultura critică speculativă – a celui organizațional-corporatist, iar cultura dogmatică – precizia tipului sectar. Prin îmbinarea acestor trei variabile, societățile la care ne-am referit au generat

fiecare căte o formă preponderentă de intelectual, exemplară pentru societatea respectivă. În Marea Britanie, regăsim intelectualul «socializat»; în Franță – intelectualul boem; în spațiul german – intelectualul academic; în Rusia – intelectualul «ideologic».

П р и м е ч а н и я

¹ Vezi Antonio Gramsci. *Intelectualii și organizarea culturii // Opere alese*. București, 1969. P. 244, 247.

² Vezi Pascal Ory, Jean-François Sirinelli. *Les intellectuels en France, de l'affaire Dreyfus à nos jours*. Paris, 1992. P. 18.

³ Antonio Gramsci însuși sesiza că raportarea intelectualilor la lumea producției era una «mjlocită» de rețelele sociale și de complexul suprastructurilor, spre deosebire de clasele «esențiale» – burghezia, proletariatul –, legate direct de producție. Vezi Antonio Gramsci. *Op. cit.* P. 247.

⁴ Vezi în acest sens Alexandru-Florin Platon. *Geneza burgheziei în principalele române (a doua jumătate a secolului al XVIII-lea – prima jumătate a secolului al XIX-lea). Preliminariile unei istorii*. Iași, 1997.

⁵ Vezi Jürgen Habermas. *Sfera publică și transformarea ei structurală. Studiul unei categorii a societății burgheze*. București, 1998. P. 120.

⁶ Practicii medievale a secretelor puterii (*arcana imperii*), societatea burgheză i-a opus principiul publicitatii, materializat de structura informală dar eficientă a opiniei publice. Ibid. P. 100.

⁷ Vezi Lenore O'Boyle. *The Middle Class in Western Europe, 1815–1848 // American Historical Review*. Vol. LXXI. 1966. № 3. P. 845.

⁸ Notorietatea socială nu trebuie confundată cu valoarea profesională. *Mass media*, de pildă, au proprietatea de a impune în spațiul public persoane ratațe sau pe cale de a se rata profesional. Vezi, în acest sens. Pierre Bourdieu. *Despre televiziune, urmat de Dominația jurnalismului*. București, 1998. P. 69, 73.

⁹ Pentru distincția teoretică dintre «rațional» (categorie care implică agentul unic) și «rezonabil» (care de referă la o relație de reciprocitate), vezi John Rawls. *Liberalismul politic*. Timișoara, 1999. P. 64–69.

¹⁰ Vezi Barbara W. Tuchman. *Trufașa citadelă. Ofrecă a lumii dinaintea primului război mondial (1890–1914)*. București, 1977. P. 483.

¹¹ Vezi Pierre Léon. *Inerties et révolutions, 1730–1840*. Paris, 1978. P. 334.

¹² Vezi și Lenore O'Boyle. *Op. cit.* P. 833.

¹³ Vezi Pierre Léon. *Op. cit.* P. 387.

¹⁴ Ibid. P. 388.

¹⁵ Ibid. P. 342–343.

¹⁶ Vezi Eric Hobsbawm. *Era imperiului, 1875–1914*. Codex 2000. CEU. C. P. 43–44. În această perioadă capitalismul depășise în general disfuncțiile sociale majore, existente încă în prima jumătate a secolului, descrise atât de către Friedrich Engels, cât și de către Benjamin Disraeli.

- ¹⁷ Vezi Pierre Chaunu. *Civilizația Europei în secolul Luminilor*. Vol. II. București, 1986. P. 36–37, 40.
- ¹⁸ Vezi Alexandru-Florin Platon. *Op. cit.* P. 120.
- ¹⁹ Ibid. P. 123.
- ²⁰ Vezi și Adeline Daumard. *L'évolution des structures sociales en France à l'époque de l'industrialisation (1815–1915)* // *Revue Historique*. T. CCXLVII. 1972. Paris, P. U. F. P. 331–332.
- ²¹ Vezi Alexis de Tocqueville. *De la démocratie en Amérique*. T. II. Paris, 1990. P. 27.
- ²² Vezi Pierre Léon. *Op. cit.* P. 456.
- ²³ Ibid. P. 457.
- ²⁴ Ibid. P. 352.
- ²⁵ Vezi Alexandru-Florin Platon. *Op. cit.* P. 117–118.
- ²⁶ Vezi Philippe Ariès și Georges Duby (coordonatori). *Istoria vieții private. De la Revoluția franceză la primul război mondial*. Vol. VII. București, 1997. P. 263.
- ²⁷ Vezi Ernest Denis. *L'Allemagne, 1810–1852 (la Confédération Germanique)*. Paris, Société Française d'Éditions d'Art, L.-Henry May. P. 143.
- ²⁸ Ibid. P. 155.
- ²⁹ Vezi Pierre Léon. *Op. cit.* P. 369.
- ³⁰ Vezi William Carr. *A history of Germany, 1815–1945*. New York, 1969. P. 33.
- ³¹ Vezi François Furet (coord.). *Omul romantic*. Iași, 2000. P. 63–64.
- ³² Vezi Manfred Görtemaker. *Deutschland im 19. Jahrhundert. Entwicklungslienien*. Bonn, 1996. P. 81.
- ³³ Vezi Robert Anchor. *Germany confronts modernization. German culture and society, 1790–1890*. Lexington. Massachussets. Toronto. London, 1972. P. 9.
- ³⁴ Vezi Lenore O'Boyle. *Op. cit.* P. 843.
- ³⁵ Vezi Alexandru-Florin Platon. *Op. cit.* P. 144–145.
- ³⁶ Vezi Nicolae Râmbu. *Romantismul filosofic german*. Iași, 2001. P. 38.
- ³⁷ Vezi Mircea N. Popa, Lucia Popa, Norocia Cojescu, Mihai Manea. *O istorie a gândirii și mișcării socialiste internaționale în epoca modernă*. București, 1986. P. 228.
- ³⁸ Vezi Alexandru-Florin Platon. *Op. cit.* P. 150. Autorul folosește termenul mai larg de «burghezie intelectuală», incluzând aici și «intelectualii» din administrație, adică birocrația. Ideea este însă cu atât mai valabilă dacă ne referim numai la intelectualii propriu-zisi.
- ³⁹ Vezi Mircea N. Popa, Lucia Popa, Norocia Cojescu, Mihai Manea. *Op. cit.* P. 234.
- ⁴⁰ Vezi Geoffrey Hosking. *Rusia, popor și imperiu, 1552–1917*. Iași, 2001. P. 198.
- ⁴¹ Vezi P. A. Kropotkin. *Amintirile unui răzvrătit*. București, 1969. P. 220–221.
- ⁴² În sens larg, intelighenția cuprindea toate categoriile instruite; în sens restrâns – pe cei interesați de chestiunile sociale și politice, în particular grupurile radicale, fiind excluși aşadar finalii funcționari și ofițerii, indiferent de gradul lor de instruire. Vezi Constantin de Grunwald. *Société et civilisation russes au XIXe siècle*. Éditions du Seuil, 1975. P. 212.

⁴³ Vezi Alexandru-Florin Platon. *Op. cit.* P. 182.

⁴⁴ Vezi Constantin de Grunwald. *Op. cit.* P. 212–213.

⁴⁵ Vezi Alexandru-Florin Platon. *Op. cit.* P. 194.

⁴⁶ Pentru reconvertereia laică a substratului mental religios, vezi James H. Billington. *The Intelligentsia and the Religion of Humanity // The American Historical Review*. Vol. LXV. 1960. № 4. P. 807–821.

⁴⁷ Vezi Christopher Read. *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia, 1900–1912. The Vekhi Deabatea and its Intellectual Background*. London and Basingstoke, 1979. P. 50.

⁴⁸ Ibid. P. 54.

⁴⁹ Vezi Mihail Bakunin. *De la guerre à la Commune*. Paris, 1972. P. 299.

⁵⁰ Vezi Nikolai Berdiaev. *Un nou ev mediu*. Craiova, 1995. P. 94.

Резюме

Типология европейских интеллектуалов XIX века

Статья посвящена уточнению типов интеллектуалов XIX в. Автор определяет интеллектуалов как социальную категорию лиц с академической подготовкой, действующую в области познания, имеющую функцию передать результаты познания общественности, обеспечив тем самым благоприятные умственные рамки для развития общественных отношений. При помощи этой функции интеллектуалы осуществляют символическую «гегемонию» в области гражданских отношений. Следовательно, и типы интеллектуалов уточняются по веберианской модели политических лидеров согласно взаимодействию между ними и общественным корпусом. Существуют индивидуальные интеллектуалы, действующие от своего имени, обладающие личным престижем, организованные интеллектуалы, выступающие через определенные учреждения в силу их престижа, и сектантские интеллектуалы, которые сосредотачиваются исключительно на себе и пытаются проявлять себя во имя той или иной идеологии.

Автор анализирует также появление и развитие подобных типов в Англии, во Франции, на германском пространстве и в России через призму трех переменных: политический режим, доступ к ресурсам и доминирующая культурная парадигма. В конечном итоге можно выявить образцовый тип интеллектуала для каждого общества: для Англии — «социализированный» интеллектуал, для Франции — богемный, на германском пространстве — академический, а в России — «идеологический» интеллектуал.

Правительства России в XIX веке (персональный, социальный и профессиональный портрет)

Россия в XIX в. была самодержавной страной, более того, в официальных актах обычно писалось о неограниченном самодержавии, как будто самодержавие в принципе может быть ограниченным. Но эта внутренне противоречивая формула вошла в широкое употребление и повседневно использовалась вплоть до революции 1905—1907 гг., когда в Основных государственных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г., в 4-й их статье было записано, что в России императору принадлежит верховная самодержавная власть¹.

Самодержавие в силу своего внутреннего содержания, по существу, отрицает наличие реального правительства, подчиняя своей власти не только исполнительную, но и законодательную и судебные власти. Поэтому речь скорее всего идет о главных административных структурах, нежели о правительствах в полном смысле этого слова. В XIX в. к высшим органам власти относят созданный еще при Петре I Сенат, Государственный совет, существовавший с 1810 г., Комитет министров, соответствующие министерства, пришедшие на смену коллегиям, тоже основанным Петром I, и Собственную Его Императорского Величества канцелярию, созданную при Павле I и юридически оформленную в 1812 г.

Все эти учреждения в целом и в отдельности многократно изучались, также предметом специального исследования становились и высшие имперские чиновники. Поэтому необходимо кратко обрисовать уже сложившуюся историографическую реальность.

Еще в литературе до 1917 г. основательно изучались как высшие учреждения, так и их персональный состав. Так, в 1826 г. вышел из печати в пяти частях «Словарь достопамятных людей Русской земли» потомка выходцев из Молдавии Д. Н. Бантыш-Каменского, дополненный им же еще тремя частями в 1847 г. Словарь содержит 631 биографию, в том числе и высших чиновников страны. Значительную информацию о них дает «Русский биографический словарь», а также ряд других специальных пособий и энциклопедий. Среди них выделяется пособие К. А. Скальков-

ского, опубликованное в 1890 г.² Ежегодно с начала XIX в. публиковались списки всех классных чиновников России, в том числе и по губерниям³. Из сводных дореволюционных работ по русскому чиновничеству особо следует выделить увидевшую свет в Петербурге в 1897 г. книгу Е. Карповича «Русские чиновники в былое и настоящее время». В дореволюционный период было опубликовано значительное число работ о центральных учреждениях России. К ним относится изданная в 1890 г. в Киеве книга О. О. Эйхельмана «Обзор центральных и местных учреждений управления в России и устава о службе по определению от правительства». Пристальное внимание привлекают специальные книги по истории тех или иных высших учреждений. В 1902 г. в Петербурге вышел из печати четырехтомный «Исторический обзор деятельности Комитета министров» С. М. Середонина. Четырьмя годами позднее, в 1906 г., также в Петербурге, публикуется книга П. М. Майкова «Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии». Еще через шесть лет, в 1912 г., в Петербурге издается книга В. Н. Строева «Столетие Собственной Его Императорского Величества канцелярии».

Вообще, начало XX в. в связи со столетием министерств отмечено публикацией ряда специальных работ по истории центральных учреждений, в том числе и отдельных министерств, в частности книг по истории министерства иностранных дел, просвещения и др.⁴ Еще ранее, в конце XIX в. появились издания по истории некоторых других министерств, в том числе Министерства государственных имуществ⁵, Министерства императорского двора и уделов⁶, Министерства путей сообщения⁷.

В дореволюционное время было опубликовано также значительное количество специальных работ, посвященных государственным деятелям страны, как всем императорам XIX в., так и почти всем министрам и многим другим политическим деятелям России. Жанр биографии был в то время чрезвычайно популярен, и эти издания по сей день не потеряли своей ценности.

Считается, что в советское время интерес к истории чиновничества и государственной службы был чуть ли не сведен к минимуму⁸. Действительно, в период после 1917 г. на первый план выдвинулись другие приоритеты — история крестьянства, рабочего класса, общественного, в первую очередь революционного, движения, экономическая история, а также история социальных отношений. Вместе с тем говорить о почти полной утрате интереса к данной тематике, конечно не приходится, хотя

общее количество работ в этой области заметно сокращается, тем не менее можно отметить определенный научный прогресс и по этой проблематике: выявлялись новые источники, применялись новые методики, были поставлены новые темы.

Прежде всего следует отметить труды профессора Н. П. Ерошкина, специально занимавшегося политическими институтами дореволюционной России и выпустившего по этой тематике ряд солидных монографий⁹. Он, кстати, автор обобщающей статьи под названием «Чиновничество», помещенной в 26-м томе «Советской исторической энциклопедии» (М., 1976). Солидный вклад в исследование этой тематики внес также профессор П. А. Зайончковский. В первую очередь мы выделяем его монографию «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», вышедшую из печати в 1978 г. и имеющую прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме. Имеются и другие общие исследования по истории высших органов государственной власти, опубликованные в советское время. Это книга И. А. Емельяновой по истории дореформенного времени, изданная в Казани в 1962 г.¹⁰, и кандидатская диссертация Б. Б. Дубенцова, успешно работающего по данной проблематике и в настоящее время. Диссертация была защищена им в 1977 г. и посвящена взаимоотношениям самодержавия и чиновничества в конце XIX — начале XX в.¹¹ Об интересе исследователей к провинциальному чиновничеству свидетельствует также диссертация М. Ф. Румянцевой, защищенная в Москве в 1985 г., о массовых источниках по истории чиновничества местных государственных учреждений с 1762 по 1802 г.

В советское время публиковались специальные работы об отдельных учреждениях России XIX в. Например, по истории III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹², истории Департамента полиции¹³ и др. Были изданы труды, посвященные отдельным политическим деятелям того времени: министру иностранных дел А. М. Горчакову, министру государственных имуществ П. Д. Киселеву, морскому министру Ф. П. Врангелю и др. Следует отметить, что работы по истории XIX в. подкреплялись и соответствующими исследованиями по более раннему времени. Речь идет прежде всего о монографии С. М. Троицкого по XVIII в.¹⁴ и книге Н. Ф. Демидовой об управленцах XVII в.¹⁵ В советское время вышли из печати соответствующие труды Л. Е. Шепелева, охватывающие широкий период времени, в том числе и XIX в.¹⁶

Интерес к проблемам чиновничества и различных государственных учреждений значительно вырос после 1991 г. Этую тематику продолжает изучать ряд исследователей, занимавшихся ею и раньше. Но заметно подключение к ней многих ученых, прежде исследовавших другие проблемы. Заинтересовались ею и многие молодые историки, едва определившие направление своих научных занятий. Ими исследовались как состав высшего чиновничества в целом, так и его отдельные отряды по министерствам и ведомствам, деятельность многих министров, история государственных учреждений, а также чиновничество среднего и низшего звена.

Л. Е. Шепелев публикует о российском чиновничестве в период с XVIII по начало XX в. крупную обобщающую монографию¹⁷. Опубликованы две работы о министрах внутренних дел: одна в Москве, другая — в Челябинске¹⁸. Правда, вторая представляет собой справочник, где представлены краткие биографии российских министров внутренних дел с 1802 г. до конца XX в. Кстати, говоря о справочной литературе, следует отметить напечатанный в 1995 г. биографический справочник о государственных деятелях России XIX — начала XX в.¹⁹, а также капитальный (на 830 страницах) биобиографический справочник Д. Н. Шилова о главах высших и центральных учреждений России с 1802 по 1917 г. — лучшее пособие в данной области на сегодняшний день²⁰. Шилову принадлежат и заслуживающие внимания статья о министрах дореволюционной России в целом, а также о министрах финансов²¹.

Вообще, в последнее время издано и несколько других пособий, имеющих прямое отношение к нашей теме. Из них мы выделяем основательный справочник Е. А. Грушко и Ю. М. Медведева о знаменитых россиянах до 1917 г. и сборник статей о политической истории России в партиях и лицах²². Вышел из печати также ряд работ о бюрократии в целом и о российской бюрократии в частности. Речь идет о книгах А. В. Оболонского, В. И. Спиридовоной, диссертации С. С. Восканяна²³. О. В. Большакова обратилась к англоязычной литературе, посвященной российской бюрократии²⁴, А. В. Дыдыкин защитил диссертацию о социальном портрете министров России конца XIX — начала XX в.²⁵ Ю. М. Сокольским опубликована книга о царях и министрах²⁶.

Ряд государственных деятелей России первой половины XIX в. представлен в работе О. В. Орлик²⁷. Специально жизни и деятельности русских дипломатов, в том числе и XIX в., посвящена книга биографических очерков под названием «Российская дипломатия в портретах», увидев-

шая свет в 1992 г. Биографии крупных российских государственных деятелей помещены в специальных сборниках «Российские реформаторы», «Российские консерваторы», «Российские либералы» и пр. Вообще, количество научных биографий тех или иных политических деятелей России XIX в. в последнее время чрезвычайно возросло. О некоторых из них написаны специальные монографии. Речь идет о книге В. Л. Степанова о Н. Х. Бунге, крупной работе Б. С. Итенберга и В. А. Твардовской о М. Т. Лорис-Меликове, монографии А. П. Корелина и В. Л. Степанова о С. Ю. Витте, В. М. Хевролиной о Н. П. Игнатьеве и ряде других подобного рода изданиях. Защищены специальные диссертации о С. Ю. Витте (В. Н. Зосимчук, М. И. Нечаева, В. П. Федорченко, М. В. Мельников), В. К. Плеве (А. Е. Иванова), А. А. Аракчееве (А. Ю. Коваленко), К. П. Победоносцеве (В. И. Жировов, Ю. Г. Степанов, Е. В. Тимошина, И. А. Иванникова), М. Т. Лорис-Меликове (Г. Г. Даниелян), великому князю Константину Николаевиче (В. Е. Воронин), Д. А. Толстом (А. В. Новиков) и др. В последние полтора десятилетия издано множество работ о российских монархах XIX в., в том числе и ряд основательных монографий. Весьма значительно и число статей, имеющих прямое отношение к нашей теме. Из них мы особо выделяем статьи — Б. Б. Дубенцова и С. В. Куликова о социальной эволюции высшей царской бюрократии²⁸, А. В. Осторвского об элите российского общества²⁹, Д. И. Раскина об образовании, профессиональном опыте и росте высших русских бюрократов³⁰. Кстати, продвижение высших гражданских чинов России по карьерной лестнице рассматривается в диссертации С. Д. Станишева³¹. Ряд статей принадлежит перу Л. Ф. Писарьковой, автора крупной монографии о Московской городской думе. Русскому чиновничеству посвящены также и другие основательные работы. Так, Т. В. Борисенок защитил в 2001 г. диссертацию в области культурологии под названием «Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века».

Внимание исследователей привлекает не только история высшей бюрократии, но и местного чиновничества. Местному управлению в России посвящена монография О. В. Морякова³². В этой области защищен также ряд специальных диссертаций: о чиновничестве Вятской губернии (Л. В. Мерзляковой), Тверской (Т. И. Любиной), Московской и Тверской (Ю. Б. Павлюка), Московской и Калужской губерний (В. А. Иванова) и др. В последнее время продолжилось и изучение самой системы государственной службы. Следует отметить прежде всего соответствующее учебное пособие, подготовленное в рамках РГГУ в 2000 г.³³

Итак, даже неполный обзор литературы по теме свидетельствует о значительном вкладе исследователей в изучение рассматриваемой нами темы, о наличии большого числа работ, касающихся разных ее аспектов. Повторяем, что самодержавие, заявлявшее о своем божественном происхождении, не позволяло стране иметь полноценное правительство. Однако требования жизни вызывали необходимость реформ, и в начале XX в. страна все-таки отличалась от той, что была в XIX в. Существо правления, однако, не изменялось. Н. М. Дружинин подчеркивал, что еще в начале XIX в. «российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически организованную абсолютизм, но фактически сохранившую единоличную власть государя»³⁴. В этой обстановке в наибольшей степени походил на правительство Комитет министров и система министерств, к персональному составу которых мы и обратимся, тем более, что многие из их руководителей имели прямое отношение к Румынии, ранее Дунайским княжествам, или бывали там, или занимались ими. Консульскими работниками в княжествах и Румынии были два будущих министра иностранных дел Н. К. Гирс и Н. П. Шишкин, полномочным председателем диванов княжеств в 1829—1834 гг. был П. Д. Киселев, княжествами занимались Д. В. Дашков, А. М. Горчаков, К. В. Нессельроде, в военных действиях на их территории участвовали М. Б. Барклай-де-Толли, А. И. Горчаков, С. К. Вязмитинов, А. И. Татищев и др. Служил здесь и адмирал П. В. Чичагов.

Комитет министров начала XIX в. не был в полном смысле полноценной структурой, т. е. реальным правительством. По словам одного из его руководителей графа В. П. Кочубея, Комитет был «любимым детищем» Александра I. Кроме министров, членами Комитета были и председатели департаментов Государственного совета³⁵.

Первое заседание Комитета министров состоялось 16 сентября 1802 г. с участием Александра I. Вообще, император присутствовал на большинстве его заседаний до сентября 1805 г.³⁶ Роль Комитета министров как высшего административного органа определялась «Учреждением Комитета министров» от 20 марта 1812 г. Примечательно, что по этому положению в случае отсутствия в Петербурге императора Комитету передавалась вся власть над правительственным аппаратом. Вплоть до 1905 г. председатель Комитета министров был одновременно и председателем Государственного совета. Таким образом, Комитет министров признавался как высшее административное учреждение, где самодержец выслушивал мнения ведущих чиновников страны. Именно выслушивал мнения, но

решения принимал самостоятельно. Л. Е. Шепелев справедливо подчеркивает: «И Александр I, и его преемники сознательно противились превращению Комитета в орган действительной координации деятельности министров и вообще усилению его значения, опасаясь превращения его председателя в первого министра и умаления принципа самодержавия»³⁷.

По существу председатель Комитета министров обладал меньшей властью, чем многие министры, имевшие право доклада царю. С. М. Седронин, автор четырехтомной истории Комитета министров, перечислял несколько попыток его упразднения в XIX в. Вместе с тем все больше ощущалась необходимость усиления координации государственного аппарата, непрестанно разрастающегося. С этой целью в 1857 г. был создан Совет министров под председательством самого царя. Поначалу он возникает негласно и получает официальное оформление только в 1861 г. Совет министров созывался лишь время от времени и обсуждал важнейшие вопросы страны. В правительство он не перерос и перерасти не мог, не привел он и к усилению согласованных действий государственного аппарата в целом.

Иной характер носил Совет министров, созданный в 1905 г., но о нем следует вести особый разговор, выходящий за пределы нашей темы. За все время существования Комитета министров с 1812 по 1906 г. его возглавляли двадцать председателей, начиная с Н. И. Салтыкова, опытнейшего царедворца и военного деятеля, бывшего во главе Комитета с 1812 по 1816 г.³⁸, и до графа С. Ю. Витте, являвшегося председателем Комитета министров с 1903 по 1906 г. Все председатели Комитета министров были опытными государственными деятелями, нередко в почтенных годах, все были дворянами. Но что любопытно, из первых 14-ти высшее образование имел разве что В. П. Кочубей, слушавший лекции в нескольких западных университетах. Вообще, высшее образование имели еще только пять председателей Комитета министров. П. Н. Игнатьев и П. А. Валуев окончили Московский университет, М. Х. Рейтерн — Царскосельский лицей, который приравнивался к высшему учебному заведению, Н. Х. Бунге — Киевский университет, а С. Ю. Витте — Новороссийский университет в Одессе. Ни один из председателей Комитета министров, кроме Кочубея, не имел зарубежного образования, хотя оно было в XIX в. довольно распространено и его получили тысячи выходцев из России. Ряд будущих председателей получили только домашнее образование. Это Н. Н. Новосильцев, А. И. Чернышев, Д. Н. Блудов. Еще одна характерная черта для председателей Комитета министров заключалась в том, что 14

из них были до этого военными деятелями. Не были военными В. П. Ко-чубей, Д. Н. Блудов, П. А. Валуев, М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге и И. Н. Дурново. Итак, типичный председатель Комитета министров той эпохи это потомственный дворянин, военный деятель, человек без высшего образования, но обладавший большим опытом военной или гражданской службы. Ряд председателей были до того министрами тех или иных министерств.

Переходя к отдельным министерствам, следует прежде всего сказать, что в России XIX в. было всего 14 министерств. Из них лишь семь просуществовали на протяжении всего века. Министерство коммерции действовало лишь с 1802 по 1810 г., полиции — с 1810 по 1819, почты и телеграфа с 1865 по 1868 и с 1880 по 1881 г., уделов — с 1797 по 1826 и с 1852 по 1856. Министерство путей сообщения было создано в 1809 г., императорского двора в 1826, а государственных имуществ в 1827 г. Все три последних министерства просуществовали до 1917 г., причем Министерство госимуществ сменило свое назначение, став в 1894 г. Министерством земледелия и госимуществ.

За весь XIX в., с 1802 по 1902 г. было замещено 143 министерских поста. Это не значит, что было столько реальных министров, поскольку некоторые деятели являлись министрами разных министерств. Так, Д. Н. Блудов был вначале министром внутренних дел, затем министром юстиции, Д. П. Троцкий — уделов, затем юстиции, П. А. Валуев — внутренних дел и госимуществ, Д. А. Гурьев — уделов и финансов, Н. П. Игнатьев — госимуществ и внутренних дел, Д. А. Толстой — просвещения и внутренних дел, С. Ю. Витте — путей сообщения и финансов, Н. П. Румянцев — министром коммерции и иностранных дел, А. Е. Тимашев как и Л. С. Маков — внутренних дел, а также почты и телеграфа. В. П. Ко-чубей был дважды министром внутренних дел, а А. Н. Голицын министром народного образования (духовных дел и народного просвещения) и три месяца министром внутренних дел, Л. А. Перовский — уделов и внутренних дел, а А. Д. Балацов был дважды, с семилетним перерывом, министром полиции. Таким образом, всего реальных министров за XIX столетие было 129.

Сроки пребывания на посту министров были самыми разными. Дольше всех пробыл на своем посту министра иностранных дел К. В. Нессельроде — почти 42 года, с 10 августа 1814 по 15 апреля 1856 г.; 26 лет был министром императорского двора и уделов П. М. Волконский; около 26 лет являлся министром иностранных дел А. М. Горчаков. В свою очередь,

всего два месяца в 1823 г. по причине смерти пробыл на посту министра внутренних дел Б. Б. Кампенгаузен, обучавшийся в двух германских университетах и известный также как историк-исследователь. Его коллега А. Н. Голицын пробыл на этом посту всего три месяца. Немногим более трех месяцев возглавлял морское министерство адмирал Н. С. Мордвинов, всего лишь четыре с половиной месяца был на посту министра путей сообщения видный инженер, генерал-лейтенант Г. Е. Паукер.

Больше всего министров сменилось в Министерстве внутренних дел — 21 человек (22 замещения). Пост этот считался важным и по значению превосходил другие министерские посты. Далее по числу министров (всего по 16) шли Министерство народного просвещения и Министерство путей сообщения. Всего лишь один министр возглавлял Министерство коммерции, два — Министерство полиции и три — Министерство почты и телеграфа.

Подавляющее большинство министров были наследственными дворянами. Лишь министры финансов Ф. А. Вронченко и И. А. Вышнеградский происходили из семейств, главы которых были людьми духовного звания. Естественно, в процессе службы они переходили в дворянство, а Вронченко даже получил титул графа, как и М. М. Сперанский, тоже выходец из семьи священника, ставший государственным секретарем и занимавший положение выше министра. Что касается уровня образованности министров, то он, как правило, был не выше, чем у председателей Комитета министров, но, как и там, со временем наблюдается тенденция к росту образованности их руководства. К числу наиболее образованных относились министры нескольких министерств. Среди 13 министров финансов преобладали лица, имевшие достаточно высокий уровень образования. Е. Ф. Канкрин учился в Гессенском и Марбургском университетах Германии. Ф. П. Вронченко окончил Московский университет, П. Ф. Брок и А. М. Княжевич — Казанский, Н. Х. Бунге — Киевский, А. А. Абаза — Петербургский, С. Ю. Витте — Новороссийский университет. И. А. Вышнеградский — выпускник Главного педагогического института, а М. Х. Рейтерн — Царскосельского лицея. С. А. Грейг окончил Пажеский корпус, но в 1869 г. был командирован за границу для изучения финансовых учреждений. Первые же три министра финансов — А. И. Васильев, Ф. А. Голубцов и Д. А. Гурьев — специального финансового образования не имели. Васильев и Гурьев получили домашнее образование, а Голубцов окончил Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус.

Если обратиться к данным об образовании 16 министров путей сообщения, то следует сказать, что такие министры, как Ф. П. Деволан, А. А. Бетанкур, П. П. Мельников, были крупными инженерами. Однако участник войны за независимость Северной Америки Деволан, хотя и знал пять языков, имел лишь домашнее образование. Бетанкур окончил королевское училище в Мадриде, а затем учился во Франции и Англии, Мельников окончил Институт инженеров путей сообщения. Известным ученым был адмирал К. Н. Посьет, выпускник Морского кадетского корпуса. Видным изобретателем являлся генерал-лейтенант Г. Е. Паукер, учившийся в Петербургской инженерной академии. Сухопутные кадетские корпуса окончили К. Ф. Толь и П. А. Клейнмихель. Петербургский университет закончил В. А. Бобринский, а Новороссийский, как уже указывалось, С. Ю. Витте. Выпускниками пажеских корпусов были К. В. Чевкин и М. А. Хилков. Последний также получил основательное домашнее образование, а затем прошел стажировку в США и Англии. А. П. Бобринский — выпускник императорского Александровского лицея. Г. П. Ольденбургский учился в Лейпцигском университете. А. Я. Гюббенет — выпускник юридического факультета Петербургского университета. П. К. Кривошеин закончил Ришельевский лицей в Одессе, Артиллерийское училище, слушал лекции в Михайловской артиллерийской академии, а затем в Сорbonne и Коллеж де Франс. А. Ф. Вюртембергский, брат императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I, обучался в Германии, а затем поступил на русскую службу.

Что касается министров иностранных дел, то А. М. Горчаков и Н. К. Гирс были выпускниками Царскосельского лицея, готовившего русских дипломатов, а Лобанов-Ростовский и Н. В. Шишкин — Александровского лицея. Пажеский корпус окончил В. Н. Ламсдорф, в К. В. Нессельроде гимназию в Берлине. Первый министр иностранных дел А. Р. Воронцов был выпускником Страсбургского военного училища, а Н. П. Румянцев слушал лекции в Лейденском университете. А. А. Чарторыский получил домашнее образование, но затем обучался в западноевропейских университетах. Лишь домашнее образование имел А. Я. Будберг, ставший, однако, также военным ученым. Выпускником Полтавской гимназии был М. Н. Муравьев, продолживший обучение в Гейдельбергском университете.

Из 13 военных министров лишь двое — выпускники военных академий: родной племянник П. Д. Киселева Д. А. Милютин, окончивший до этого Благородный пансион при Московском университете, и А. Н. Куropatkin, учившийся в 1-м кадетском корпусе и Павловском военном училище. А. А. Аракчеев и П. И. Меллер-Закомельский были выпускни-

ками Артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса, а П. С. Ванновский, ставший в начале XX в. также министром народного просвещения, окончил 1-й Московский кадетский корпус. Остальные, например, А. И. Чернышев или такой выдающийся военный деятель, как М. Б. Барклай-де-Толли, так же как и С. К. Вязмитинов, А. И. Горчаков, П. П. Коновницын, А. И. Татищев, В. А. Долгоруков, Н. О. Сухозанет получили лишь домашнее образование. Среди военных министров был наименьший процент лиц, имевших аттестаты об окончании тех или иных учебных заведений.

Более высоким уровнем образованности отличались министры народного образования (всего 16). И. Д. Делянов и Н. П. Боголепов окончили юридический факультет Московского университета, Д. А. Толстой и А. П. Николай — Царскосельский лицей, А. В. Головин и А. А. Сабуров — Александровский лицей, А. Н. Голицын — Пажеский корпус. П. В. Завадовский обучался в иезуитском училище в Орше, а затем в Киевской духовной академии. А. К. Разумовский получил основательное домашнее образование, затем обучался в Страсбургском университете, а также в Италии и Англии. В Геттингенском университете слушал лекции С. С. Уваров. А. С. Норов, автор многочисленных описаний зарубежных стран, обучался в Благородном пансионе при Московском университете, но был вынужден прервать учебу, поскольку пошел на войну с Наполеоном. А. С. Шишков, П. А. Ширинский-Шихматов, Е. П. Путятин были выпускниками Морского кадетского корпуса. Е. П. Ковалевский окончил Горный кадетский корпус и лишь К. А. Ливен ограничился домашним образованием.

Среди 15 министров юстиции лишь четверо имели специальное юридическое образование. Н. В. Муравьев окончил юридический факультет Московского и Петербургского университетов, К. И. Пален — юридический факультет Московского университета, а Д. М. Набоков и Н. А. Манасеин — Училище правоведения. Д. П. Троцанский окончил Киевскую духовную академию, Д. В. Дацков — Благородный пансион при Московском университете, Д. Н. Замятин — Царскосельский лицей. Что касается Д. Н. Блудова, племянника первого министра юстиции Г. Р. Державина, то он, как отмечалось, имел домашнее образование, точно так же как и В. Н. Панин. Сам же Державин, получив домашнее образование, затем обучался в Казанской гимназии. Благородный пансион при Московском университете закончил И. И. Дмитриев, а С. Н. Урусов словесный факультет того же университета. Всего лишь домашнее образование имели три ministra юстиции — П. В. Лопухин, Д. И. Лобанов-Ростовский и А. А. Долгоруков.

Большинство из 13 морских министров окончило Морской кадетский корпус, но лишь один из них, П. П. Тыртов, учился затем в Николаевской морской академии. Что касается Н. С. Мордвинова и П. В. Чичагова, также окончивших Морской кадетский корпус, то они прошли затем стажировку в Англии, а А. В. Моллер, выпускник Морского шляхетского кадетского корпуса, затем обучался в Морском кадетском корпусе в Лондоне. И. И. Траверсе, уроженец Франции, получил морскую подготовку у себя на родине. Выпускниками Морского кадетского корпуса были Ф. П. Врангель, Н. Ф. Метлин, Н. К. Краббе, С. С. Лесовский, А. А. Пещуров, И. А. Шестаков, Н. М. Чихачев. Получивший домашнее образование А. С. Меншиков затем слушал лекции в заграничных университетах, служил в армии, потом перешел на дипломатическую службу, снова вернулся в армию, а в 1829 г. был назначен начальником Главного Морского штаба. Морское министерство он возглавлял дольше всех — 19 лет, не имея специального морского образования.

Из девяти министров земледелия и госимущества лишь А. С. Ермолов имел высшее сельскохозяйственное образование. После Александровского лицея он закончил Петербургский земледельческий институт, став кандидатом сельского хозяйства. А. А. Ливен окончил физмат Московского университета, П. А. Валуев сдал в университете экзамены, а М. Н. Муравьев в нем учился (он окончил Благородный пансион этого университета). М. Н. Островский, родной брат знаменитого драматурга, окончил Пажеский корпус, а А. А. Зеленой — Московский кадетский корпус. Первый глава Министерства — П. Д. Киселев имел лишь домашнее образование, но обладал глубоким умом, большим опытом и блестящие владел французским языком. Второй министр В. А. Шереметев, тоже человек большого административного опыта, ограничился домашним образованием. Н. П. Игнатьев окончил Пажеский корпус и Академию генерального штаба.

Министерством уделов земледелия и госимущества руководили шесть министров. А. Б. Куракин и С. П. Румянцев учились в Лейденском университете, уже упоминавшийся Д. П. Трощинский — Киевской духовной академии, Л. А. Перовский — в Московском университете и Школе колонновожатых. Упоминавшийся выше Д. А. Гурьев получил домашнее образование, так же как и еще один министр этого министерства Н. Б. Юсупов, известный богач и коллекционер.

Особый разговор о министрах внутренних дел, которых за XIX в. было больше всех — 21 (22 замещения). Университетское образование получили или получали: В. П. Кочубей (Женевский), Уprasальский и Лондон-

ский университеты), А. Б. Куракин (Лейденский университет), О. П. Козодавлев (Лейпцигский университет), Б. Б. Кампенгаузен (учился в Лейпцигском, Виттенбергском и Геттингенском университетах), П. А. Валуев (Московский университет), Д. С. Сипягин (Петербургский университет), Л. А. Перовский (Московский университет и Школа колонновожатых). Д. А. Толстой окончил Царскосельский лицей, И. Л. Горемыкин — Училище правоведения, Н. П. Игнатьев — Пажеский корпус, как и Л. С. Маков и А. Н. Голицын. Игнатьев, как отмечалось, закончил также военную академию, А. А. Закревский — Гродненский кадетский корпус, А. Г. Страганов — Институт корпуса инженеров путей сообщения, а М. Т. Лорис-Меликов — Лазаревский институт восточных языков в Москве и Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Эту школу окончил и А. Е. Тимашев, а И. Н. Дурново — Михайловское артиллерийское училище. Только домашнее образование имели Д. Н. Блудов, В. С. и С. С. Ланские, а также Д. Г. Бибиков.

В остальных четырех министерствах сменилось от одного до пяти министров. Единственный министр коммерции, уже упоминавшийся Н. П. Румянцев, учился в Лейденском университете. Из пяти министров императорского двора лишь И. Г. Воронцов-Дашков посещал Московский университет, да и то всего один год. В. Б. Фредерикс и П. М. Волконский имели домашнее образование, а отец и сын В. Ф. и А. В. Адлерберги закончили Пажеский корпус. Оба министра полиции, А. Д. Балашов и С. К. Вязмитинов, ограничились домашним образованием.

Более образованными были министры почты и телеграфа. И. Г. Толстой сдал экзамен в Московском университете, А. Е. Тимашев, как отмечалось, окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а Л. С. Маков — Пажеский корпус.

Среди министров России был ряд крупных государственных деятелей, и их роль в управлении страной далеко не всегда определялась образованием. Видными государственными деятелями были М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, П. Д. Киселев, М. К. Барклай-де-Толли, Д. А. Милютин, А. М. Горчаков, С. Ю. Витте, Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, П. А. Валуев, Д. В. Дашков, М. Т. Лорис-Меликов и др.

Вместе с тем сохранился значительный материал о пороках царской администрации. Г. П. Федотов писал о бюрократии как «школе безделия»³⁹. Сокрушительной критике подверг правительственную систему России К. С. Аксаков в письме к самому Александру II⁴⁰. Хорошо была известна несогласованность в деятельности ведомств, а также разъедающая аппа-

рат коррупция⁴¹ и т. д. И это при все возрастающей доли чиновничества в управлении структурах. По подсчетам П. А. Зайончковского, один чиновник в 1796 г. приходился на 2 250 жителей, а в 1903 г. — на 335 человек⁴².

По подсчетам А. В. Дыдычкина, изучавшего данные о 45 министрах конца XIX — начала XX в., средний возраст достижения министерского поста равнялся 55-ти, а увольнения — 62 годам⁴³. Это в целом соответствовало многолетним традициям во многих странах и отнюдь не свидетельствовало о каких-то серьезных недостатках управления.

П р и м е ч а н и я

¹ См. подробнее: Розанов В. В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.

² [Скальковский К. А.] Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. Последняя часть этой книги в переводе на французский язык была издана в Париже. Она посвящена министрам финансов России: Skalkovsky C. Les ministres des finances de la Russie. 1802—1890. Paris, 1891.

³ Последний сборник из этой серии опубликован в предреволюционный год. См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 год. Пг., 1916. Ч. I—II.

⁴ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902; Министерство финансов. 1802—1902 гг. СПб., 1902. Ч. 1—2; Министерство внутренних дел. 1802—1902. СПб., 1902; Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1911. Т. 1—3; Министерство юстиции за 100 лет. СПб., 1902.

⁵ Очерк 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ (1837—1887). СПб., 1887; Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887. СПб., 1888. Ч. 1—5; Обзор деятельности Министерства государственных имуществ в царствование императора Александра III (1881—1894). СПб., 1901; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912). СПб., 1914.

⁶ История уделов за столетие их существования. 1797—1897. СПб., 1901; Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881—1894). СПб., 1901.

⁷ Краткий исторический очерк развития и деятельности Министерства путей сообщения за сто лет его существования (1798—1898 гг.) СПб., 1898.

⁸ Дыдычкин А. В. Социальный портрет министров Российской империи в конце XIX — начале XX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 4.

⁹ Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; *Он же*. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; *Он же*. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981; *Он же*. Самодержавие накануне краха. М., 1975.

¹⁰ Емельянова И. А. Высшие органы государственной власти и управления России в дореформенный период. Казань, 1962.

¹¹ Дубенцов Б. Б. Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.

¹² Троицкий И. М. Третье отделение при Николае I. М.—Л., 1930; *Оржеховский И. В.* Третье отделение. Минск, 1974.

¹³ Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX—XX веков (1880—1904 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

¹⁴ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М., 1974.

¹⁵ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

¹⁶ Шепелев Л. Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской истории. М., 1977; *Он же*. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991.

¹⁷ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII — начало XX в. СПб., 1999.

¹⁸ Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802—1917. СПб., 2001; Нижник Н. С. Министры внутренних дел России. Челябинск, 1999.

¹⁹ Государственные деятели России XIX — начала XX в. Биографический справочник / Сост. И. И. Линьков, В. А. Никитин, О. А. Ходенков. М., 1995.

²⁰ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802—1917. Биобиографический справочник. СПб., 2001.

²¹ Шилов Д. Н. Министры дореволюционной России: историко-социологическое исследование // Клио. 1998. № 3; *Он же*. Министры финансов царской России: краткий обзор // История финансовой политики в России. СПб., 2000.

²² Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия знаменитых россиян. До 1917 года. М., 2000; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.

²³ Оболонский А. В. Бюрократия и государство. М., 1996; Спиридонова В. И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крольс). М., 1997; Восканян С. С. Бюрократия и правящая элита: сравнительный анализ. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1996.

²⁴ Большакова О. В. Бюрократия, реформы и контрреформы в России (1855–1894) в освещении англоязычной историографии. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

²⁵ Дыдыкин А. В. Указ. соч.

²⁶ Сокольский Ю. М. Цари и министры. М., 2003.

²⁷ Орлик О. В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М., 2000.

²⁸ Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – начала XX века. СПб., 1999.

²⁹ Осторвский А. В. Элита российского общества XIX – начала XX веков: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины веков. СПб., 1994. Вып. 3.

³⁰ Раскин Д. И. Специализация высшей российской бюрократии XIX – начала XX веков: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины веков. Вып. 3.

³¹ Станицев С. Д. Система служебного продвижения высших гражданских чинов России и ее эволюция во второй половине XIX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

³² См.: Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998.

³³ Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVIII–XX века. Учеб. пособие. М., 2000.

³⁴ Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). С. 457.

³⁵ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России... С. 59.

³⁶ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие... С. 97.

³⁷ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России... С. 59,

³⁸ См.: Свинин П. Записки о жизни генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова. СПб., 1818.

³⁹ Цит. по: Шепелев Л. Е. Чиновный мир России... С. 125.

⁴⁰ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 180.

⁴¹ См.: Chawalba A. Imperium kogurcii w Rosji i Królestwie Polskim w latach 1861–1917. Kraków, 1995.

⁴² Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 184, 221.

⁴³ Дыдыкин А. В. Указ. соч. С. 13.

Considerații despre elita liberală românească în timpul domniei lui Carol I

Elita liberală a constituit partea cea mai dinamică a societății românești înaintea primului război mondial, factorul esențial de sincronizare a țării cu Occidentul. Privitor la acest subiect, nu dispunem din păcate de sinteze; nu există nici o istorie a clasei boierești, nici o veritabilă istorie a burgeziei românești. Lucrările lui Ștefan Zeletin, Eugen Lovinescu, Mihail Manoilescu, Ioan C. Filitti, Constantin C. Giurescu – și această enumerare este fatalmente incompletă – care constituie fără îndoială contribuții deosebit de valoroase, nu țin locul dictionarelor de oameni politici, studiilor de prosopografie a partidelor politice sau lucrărilor de sinteză care lipsesc. Totuși, monografii asupra unor politicieni au fost publicate și au fost consacrate cărți, vieții politice dintre 1866–1914, dar interpretările conținute în ele sunt adesea tributare atmosferei ideologizate și propagandei oficiale.

Se pune mai întâi problema delimitării obiectului de cercetare: cine făcea parte din elita liberală? Până unde se întindeau limitele elitei? Este vorba aici de o examinare critică, dar și de o încercare de restituție a unor personalități politice care multă vreme au fost prezentați drept «dușmani ai poporului». Este sigur că o judecată istoriografică – care se dorește aşadar științifică – ar trebui să ia în considerare atât luminile cât și umbrele acestor figuri, ar trebui să facă suma calităților și defectelor activităților lor. Bilanțul epocii este totuși pozitiv și ea poate fi considerată ca un timp de afirmare a societății românești, de dezvoltare rapidă a statului român modern, de încurajare a libertății de expresie și a altor valori liberale și occidentale. Aceasta nu înseamnă însă că nu au existat motive de nemulțumire, nedreptăți, abuzuri în viața politică – și nu numai în acest domeniu –, care au generat mișcări de protest și revolte populare. În procesul rapid al modernizării, motorul l-a reprezentat această elită care își făcuse studiile în Occident și care a dorit să schimbe situația în țara de origine, în funcție de realitățile cunoscute mai ales în Franța.

Studiul grupului conducător liberal se lovește de dificultăți însemnante, dintre care cea mai mare este inaccesibilitatea arhivei Partidului Național-Liberal, care – ca formațiune politică constituită – a fost înființat abia în anul 1875. Liberalii existaseră însă și înainte și intrarea lor în viața politică

românească datează de dinainte de 1859, momentul unirii Principatelor dunărene. În fapt, arhivele tuturor partidelor sunt de negăsit și aceste absențe trebuie înlocuite prin consultarea presei din acel timp. Cercetarea mea se bazează, de asemenea, pe fonduri aflate la secția de Manuscrise a Bibliotecii Academiei Române – fonduri personale ale unor liberali –, la Biblioteca Națională din București – fondurile Brătianu și Kogălniceanu.

In delimitarea obiectului de studiu și de reflecție, am luat în considerare pe primii-miniștri liberali, pe membrii cabinetelor liberale și pe parlamentarii liberali ai perioadei avute în vedere. Viața politică românească avea în această epocă un caracter mai degrabă instabil din punctul de vedere al grupărilor și regrupărilor politice. Au fost inclusi în sfera noțiunii de «elită liberală», membrii tuturor fracțiunilor liberale, nu numai cei ai Partidului Național-Liberal. Metoda pe care am folosit-o cu predilecție a fost cea genealogică, pentru a studia mediul social al acestui eșantion reprezentativ al societății românești la ora occidentalizării sale. Majoritatea covârșitoare a figurilor ministeriale liberale erau fii de boieri, din familii mai vechi sau mai noi: de la neamurile boierești cele mai prestigioase ale Moldovei și Țării Românești – Sturdzeștii, Cantacuzinii, Ghiculeștii, Kretzulescii, Goleștii, Câmpinenii –, trecând prin boierimea de țară, dar cu vechime – Brătienii, Berindeii, Kogălniceanii, Leculeștii ș.a. – și până la familiile ridicate din sănul mazililor și moșnenilor – Cernat, Stolojan ș.a. Poate fi observată redusa participare la acest segment al clasei politice a marii boierimi moldovenești care s-a ținut în general la distanță de viața politică din București.

Aportul burgheziei la elita liberală a fost, de asemenea, o realitate: Cantilli, Pherekyde erau familii ridicate din mediul negustorilor de obârșie sud-dunăreană, a căror etnie este adesea greu de precizat. Cozadini, Gianni, Gusti, Teriachiu ș.a. erau familii de origine grecească, dar românizate rapid prin căsătoriiile încheiate de membrii lor.

In general poate fi observată implicarea în politică a mai multor membri ai aceleiași familii sau chiar continuitatea pe două sau mai multe generații a tradițiilor liberale. Astfel, în politică s-au manifestat *frații* Brătianu, *frații* Berindei, *frații* Golescu, *frații* Kretzulescu, *frații* Lecca, *frații* Ionescu de la Brad ș.a. Pe verticală, transmiterea adeziunii politice se remarcă în familiile liberale Brătianu, Costinescu, Constantinescu («Porcu»), Câmpineanu, Kogălniceanu, Lecca, C. A. Rosetti, Pherekyde.

Mihail Manoilescu afirma că «de la Eminescu și până la Octavian Goga, toate marile personalități ale culturii noastre au fost situate în afară și împotriva partidului liberal»¹. Acest fapt se explică într-o anumită măsură prin orientarea

dată culturii românești de către cineaclul conservator «Junimea», precum și prin contrastul dintre preocupările economice și financiare ale liberalilor și cele culturale ale junimîștilor. În această direcție, Ștefan Zeletin consideră că «lupta împotriva burgheziei române e deschisă de societatea ieșeană <<Junimea>>, întâi pe cale culturală, în urmă pe cale politică», că «opunerea acestor oameni față de așezămîntele burgheze a avut darul de a convinge întreaga noastră lume cultă și a da tonul în mișcarea noastră culturală»². În pofida acestor considerații și a atitudinii antiliberale manifestate de câteva personalități de primă mărime ale culturii noastre – printre care Mihai Eminescu – Partidul Național-Liberal s-a bucurat înainte ca și după primul război mondial, de o mare popularitate. Abia după primul război mondial poate fi constată o reducere a electoratului PNL, din cauze a căror discutare ar depăși limitele comunicării de față.

In contrast cu aceste afirmații, trebuie luat în considerare faptul că dintre fruntașii liberali, numeroși au fost intelectuali de valoare, creatori din punct de vedere cultural: P. S. Aurelian, Ion Ghica, Dimitrie A. Sturdza, Dimitrie Berindei, Vasile Conta, Alexandru G. Djuvara, Nicu Gane, Dimitrie Gusti, Spiru Haret, Nicolae Ionescu, Mihail Kogălniceanu, Nicolae Kretzulescu, Petru Poni, C. A. Rosetti, Ion Strat, V. A. Urechia. și lista intelectualilor ar putea continua, astfel încât opinia privind antiliberalismul intelectualității românești are toate sănsele să fie pusă sub semnul întrebării.

Între miniștrii liberali – dintre anii 1866–1900 – de originile cărora m-am ocupat, se numără doi ardeleni – P.S. Aurelian și Gheorghe Adrian –, 28 moldoveni și 36 munteni. La câțiva nu am putut preciza originea, iar alții erau greci de origine – ca Grigore Arghiropol – sau de altă obârșie, ca sasul Ludovic Steege. Dacă în ceea ce privește primii-miniștri liberali, muntenii predomină – un singur moldovean, D. A. Sturdza –, pe ansamblu, proporția ministrilor liberali munteni și a celor moldoveni se echilibrează.

Elita liberală din perioada de început a regimului parlamentar românesc este urmașa directă a generației pașoptiste, confundându-se în mare parte cu ea. În acest sens, Gheorghe Brătianu scria: «Nu există contrazicere între proclamațiile înflăcărate de la 1848 și opera de organizare a regatului român de acum jumătate de secol: ele sunt opera *acelorăși oameni* (subl. mea. – M. S. R.), care au știut să coordoneze entuziasmul lor revoluționar de la jumătatea veacului și acțiunea lor constructivă de guvernământ sub monarhie, în serviciul aceleiași cauze: a întemeierii și a propășirii Statului național, înțelegându-i deplin, în diferitele momente, nevoile și năzuințele diferite»³. Misiunea elitei liberale constă în formarea unei burghezii naționale, fapt ce a determinat apariția sloganului «Prin noi însine» și nașterea variantei românești a doctrinei liberale.

Potrivit istoricului amintit, Ion C. Brătianu «a îndrumat și încurajat formarea burgheziei românești, constituind cadrele unei noi organizări sociale și politice în România modernă»⁴.

Examinând instrucția membrilor elitei liberale rezultă predominanța celor care au studiat dreptul la Paris, dar și în alte orașe franceze, precum Toulouse, Aix-en-Provence, Montpellier, Metz, Rouville și.a. Dintre membrii cabinetelor liberale din perioada 1866–1900, doctori în drept la Paris erau Grigore Arhipopol, Vasile Boerescu, Gheorghe Cantilli, Dimitrie Cariagdi, Ion I. Câmpineanu, Alexandru C. Constantinescu zis «Porcul», Alexandru Crețescu, Alexandru G. Djuvara, Nicolae Gane, Vasile Lascăr, Gheorghe Mârzescu, Constantin Nacu, Mihail Pherekyde, Eugeniu Stătescu, Constantin I. Stoicescu, Anastase Stolojan și Dimitrie P. Vioreanu. Chiar mulți dintre ofițerii superiori tot în această țară au studiat: de pildă Anton Berindei și Nicolae Dabija care au urmat cursurile școlii militare de la Metz.

Un număr redus de liberali a studiat în Germania și acolo mai ales la Universitatea din Berlin. Este cazul lui Dimitrie Gianni și al lui Nicolae Gr. Racoviță care a obținut doctoratul în drept în același oraș. Dimitrie A. Sturdza s-a perindat pe la mai multe universități germane: Göttingen, Freiburg, Jena, München și Berlin.

In Belgia, întâlnim pe Vasile Conta care a făcut studii comerciale și juridice la Bruxelles. Nicolae Fleva a studiat dreptul în Italia, la Neapole, și Gheorghe Chițu, la Viena. Nicolae și Ștefan Golescu, Anton I. Arion și.a. și-au primit educația la Geneva. V. A. Urechia a studiat literele la Paris și la Madrid. Poate fi remarcată absența totală a studiilor universitare atât în Anglia cât și în țări vecine României.

Suportul material al fruntașilor liberalilor a constituit-o la începuturi mai ales marea proprietate funciară care asigura independența politică a personalităților respective. Conducătorii liberali cumulau din ce în ce mai mult calitățile de mari proprietari de pământ, membrii ale unor nenumărate consilii de administrație și proprietari de întreprinderi industriale. Condiția materială a elitei liberale a evoluat cu timpul, astfel că în anul 1925, Ștefan Zeletin scria în celebra sa carte despre burghezia românească: «Nu mai e azi nimeni care să nu și dea limpede seama că stăpânitorii de fapt ai țării noastre sunt deținătorii Marii Finanțe. De aceea e un simplu eufemism când mai întrebuițăm expresia consacrată de <<clasa stăpânitoare>>. În realitate marii noștri financiari, care dispun de destinele țării, alcătuiesc un mănușchi restrâns, care a și fost botezat cu numele puțin simpatice de <<oligarchie>>. Si cum baza economică a acestieia este capitalul de bancă, i s-a zis încă mai limpede <<oligarhie financiară>>⁵.

Procesul de «naționalizare» a capitalului a avut loc după 1880 – anul întemeierii Băncii Naționale – și odată cu înființarea Băncii Românești. Deținerea de capitaluri bancare și industriale se generalizează după 1900. «Politica de naționalizare a capitalului – scrisă Zeletin – a fost deci inaugurată de băncile național-liberale și dă acestora pecetea lor istorică proprie în organismul nostru social. Un timp expresia <<finanță națională>> era identificată cu expresia <<finanță național-liberală>>»⁶.

O atenție deosebită merită asociațiile în care se reunesc liberalii: Ateneul Român, fondat în anul 1865, expresie instituțională a valorilor culturale ale elitei liberale românești din această epocă; Jockey-Clubul din care făceau parte atât liberali cât și conservatori, criteriu de intrare fiind apartenența la aristocrație; francmasoneria căreia i-au aparținut oameni politici de toate orientările. Valorile promovate de elita liberală erau de fapt cele ale Luminilor. Pe de altă parte, liberalismul a cunoscut în România o variantă specifică ce se înțemeia pe importanța atribuită dezvoltării economice autonome a statului român.

Idealurile umanitare ale francmasoneriei se potriveau cu cele ale liberalismului clasic, în strânsă legătură cu care s-au și dezvoltat. De aceea unii oameni politici liberali au aderat la francmasonerie mai ales în perioada pașoptistă. Ulterior, mai ales după 1866, aripa radicală a mișcării liberale românești – cea condusă de Ion C. Brătianu și C. A. Rosetti – al cărei caracter național devinea din ce în ce mai pregnant, a intrat în conflict cu francmasoneria, ale cărei legături externe o făceau greu controlabilă. Ion C. Brătianu și C. A. Rosetti devinseră masoni în tinerețe, în loji pariziene. Astfel, C. A. Rosetti a fost inițiat la 10/22 mai 1844 în loja «Trandafirul liniștii desăvârșite» din Paris, ajungând la gradul 18. În aceeași lojă a fost afiliat, la 13/25 noiembrie 1846, Dumitru Brătianu, care provine din loja «Ateneul Străinilor» din Paris. Fratele său Ion C. Brătianu, inițiat în aceeași lojă pariziană, a fost afiliat la 11/23 decembrie 1846, lojei «Trandafirul liniștii desăvârșite». Frații Brătieni au devenit companiioni, la 12/24 februarie 1847, și apoi maeștri, la 2/14 iulie 1847. Omul politic și literatul Ion Ghica a avut și el o activitate de tip masonic în cadrul societății Frăția, pe care a înțemeiat-o la București, în 1843, împreună cu Nicolae Bălcescu și Christian Tell. Pe baza documentelor aflate la Biblioteca Națională din Paris poate fi reconstituită apartenența masonică a multor liberali, care au activat în loji din România: «Înțeleptii din Heliopolis» din București, «Steaua României» de la Iași, «Discipolii lui Pitagora» din Galați, «Farul ospitalier» din Brăila, «Renașterea» din Ismail.

Este vorba de generalul Gheorghe Anghelescu, diplomatul Ion Bălăceanu, juristul Petre Borș, diplomatul Nicolae Callimaki-Catargi, judecătorul Nicolae

A. Celebidachi, omul politic craiovean Gheorghe Chițu, frații Dimitrie și Grigore Cozadini, colonelul Nicolae Dabija, Alexandru G. Djuvara, George Exarhu, scriitorul Nicu Gane, avocatul Alexandru Holban, generalul Radu Mihai -- fost prefect al poliției Capitalei --, Ștefan Periețeanu-Buzău, medicul Petrini-Paul, Nicolae Gr.Racoviță, generalul Gheorghe Slăniceanu, Anastase Stolojan, Ion Strat. Această enumerare nu epuizează pe toți liberalii care au aderat la francmasonerie, dar oferă o imagine asupra unei părți însemnante a membrilor acestei asociații – «ordin», după cum se autointitulează – a elitelor românești. Rămâne încă destul de nelămurit felul în care francmasoneria a acționat în mod concret pentru influențarea vieții politice românești în acea epocă. În acest domeniu, mecanismele erau probabil subtile, iar discuțiile și deciziile cu implicații politice care aveau loc în loji, nu au fost consemnate în scris. Oricum este cert numărul mare al liberalilor care au aparținut ordinului masonic.

Câteva cuvinte despre arhitectura al cărei comanditar a fost elita liberală. La București există încă unele locuințe ale membrilor elitei liberale, majoritatea fiind construite în stilul eclectic de inspirație franceză: casa lui D. A. Sturdza, astăzi sediul unei librării, pe Bd. Magheru; impunătoarele «hôtels particuliers» ale lui Emil Costinescu – pe strada Polonă – și Dinu Brătianu – pe Calea Dorobanților –, construite după planurile arhitectului Ion D. Berindei, azi sedii de ambasade. Unii fruntași liberali au locuit în case clădite în stil neoromânesc, stil care relua formele arhitecturii medievale românești. În acest sens ar putea fi amintite casele lui Ionel Brătianu și Vintilă Brătianu din București, precum și conacele lor de la Florica, respectiv Mihăești (jud. Vâlcea), toate construite după planurile arhitectului Petre Antonescu. Impozantul palat al lui Ilie I. Niculescu-Dorobanțu – ginerele lui Ion C. Brătianu – de pe strada General Manu, a fost clădit după planurile arhitectului Grigore Cerkez, în stilul Renașterii franceze. Nu mai există casa lui Ion C. Brătianu care se găsea pe Bulevardul Brătianu, aproximativ vis-à-vis de Fundația Dalles, nu mai există, de asemenea, nici casa lui C. A. Rosetti de pe strada Clementei, astăzi strada purtând numele revoluționarului pașoptist. Casa lui Mihail Pherekyde se găsea pe Bulevardul Colței, în apropierea Bisericii Italiene, iar cea a lui Eugeniu Carada pe strada Pitar Moș. Alexandru Constantinescu a locuit mai întâi pe strada Batiștei nr.13, iar apoi și-a construit o casă impunătoare pe Aleea Alexandru, astăzi sediu de ambasadă. Casa lui George C. (zis Gogu) Cantacuzino există încă pe strada Polonă, iar cea a lui Nicolae Kretzulescu se află pe strada Nicolae Iorga.

Până la instaurarea regimului comunist, societatea românească a cunoscut o evoluție organică, fără transformări violente și convulsii sociale cu consecințe structurale. După dispariția boierimii din punct de vedere juridic, ca stare definită a societății românești, descendenții ei au continuat să se manifeste în viața publică, având un capital simbolic și cultural rezultat din vechimea familiilor lor. Dacă nu s-au stins din punct de vedere biologic, vechile familii boierești – aliate uneori cu familii din burghezia mare și mijlocie, și care continuau, în multe cazuri, lungi spații de dregători medievali – și-au păstrat poziția socială până la sovietizarea țării, în ciuda transformărilor petrecute după primul război mondial. Ele au cunoscut, totuși, fluctuații în ierarhia societății românești, fiind marcate adesea de impactul genealogic al elementelor alogene.

Urmașii familiilor boierești aduceau cu ei tradiția îndeletnicirilor publice, veche de multe generații, precum și o educație aleasă încununată cu studii universitare în Occident, mai ales în Franța. Ei veneau în viața politică cu un prestigiu social înalt, rezultat din trecutul neamurilor lor, din averile și înruditările pe care le aveau, din prietenii care s-au perpetuat între membrii lor de-a lungul generațiilor. Atuurile care le defineau statutul social – și enumerarea este departe de a fi exhaustivă – trebuiau să fie conservate și întărite prin alianțe matrimoniale dezirabile.

Toate acestea nu i-au împiedicat pe mulți dintre urmașii boierimii să devină adeptii liberalismului, ai reformei agrare și ai votului universal, aspirații care – în autentică moștenire pașoptistă – au devenit părți esențiale ale programului liberal înainte de primul război mondial. În primii ani după aceea aveau să se transforme, după cum se știe, în realitate. Alături de adoptarea Constituției din 1923, toate împlinirile elitei liberale au fost roadele unui secol de istorie modernă în cadrul căruia continuitatea și discontinuitatea elitelor ar putea fi calificate nu ca un «eșec», ci ca un succes autentic al istoriei românești.

П р и м е ч а н и я

¹ Mihail Manoilescu. *Rostul și destinul burgheziei românești*. București, f.a. P. 202.

² Ștefan Zeletin. *Burghezia română. Originea și rolul ei istoric*. ed.a II-a. București, 1991. P. 252.

³ Gheorghe I.Brătianu. *Problema noilor elite și a liberalismului în România // Libertatea*. I. 5–20 august 1933. № 15–16. P. 228.

⁴ Ibid. P. 226.

⁵ Ștefan Zeletin. *Op.cit.* P. 178.

⁶ Ibid. P. 180.

Резюме

К вопросу о румынской либеральной элите во время правления короля Кароля I

До Первой мировой войны либеральные политические деятели выступали в роли самой динамичной структуры румынского общества, главного фактора процесса синхронизации страны с Западом. В основном либеральная элита являлась прямой наследницей поколения 1848 г., сливаясь в значительной мере с ним. Анализируя социальное происхождение либеральных политических деятелей, можно констатировать, что они были наследниками и крупного боярства, и других боярских категорий как Валахии, так и Молдовы. Миссия, добровольно принятая либеральными наследниками бояр во главе с Ионом К. Брэтиану, заключалась именно в формировании национальной буржуазии, что и объясняет известный лозунг Национально-либеральной партии: «Своими собственными силами».

Они получали образование обычно на Западе, чаще во Франции, откуда и пришли новые импульсы, ускорявшие процесс обновления, а также распространяемые ими просветительные и революционные идеи. Материальной опорой либеральной политической элиты являлось с самого начала владение наиболее крупной земельной собственностью, обеспечивавшей ее представителям политическую независимость. Все больше и больше либералы совмещали функции крупных землевладельцев, членов многочисленных административных советов и владельцев промышленных предприятий. Однако все это не мешало им поддерживать идею всенародного голосования и проведение аграрной реформы.

Александр Кузя, Михаил Когэлничану и российская дипломатия

Неудачи российского оружия в Крымской войне 1853—1856 гг. заставили Петербург отказаться от возможности осуществлять давление на Порту, в частности в вопросах протекции румынским княжествам. В этих условиях румынские патриоты сделали ставку на великие державы в их совокупности и на постоянный контакт с европейской прессой. Собственно уже текст Парижского договора 1856 г. ясно указывал это направление; Валахия и Молдова оставались под сюзеренитетом Порты, но при коллективной гарантии держав. В обоих княжествах должны были быть созданы диваны *ad hoc*¹ для выяснения мнения жителей об их будущем государственном устройстве.

Объединение княжеств встретило поддержку со стороны Франции и России, также от части Пруссии и Сардинии и оппозицию со стороны Англии, Австрии и, конечно, самой Порты. Выборы 1857 г. принесли победу сторонникам унии, как в Валахии (Мунтении), так и — несмотря на интриги наместника Николае Богориде — в Молдове. На заседании молдавского Дивана 7 октября 1857 г. была принята резолюция (по представлению Михаила Когэлничану), предусматривающая объединение княжеств и избрание в качестве главы государства иностранного принца. Соответствующая резолюция была также утверждена в Бухаресте. На конференции послов держав в 1858 г. было решено, что Валахия и Мунтения будут называться Соединенными Княжествами, но каждое из них продолжало иметь своего господаря, законодательное собрание и армию, т. е. сепарация по существу сохранялась. Сторонники объединения Дунайских княжеств² инициировали избрание полковника Александра Кузы³ господарем Молдовы при значительной поддержке горожан Ясс (5 января 1859 г. по старому стилю). Другой кандидат, Григоре Стурдза, вынужденно снял свою кандидатуру из-за своей службы в высоком чине в турецкой армии и высказался в пользу Кузы. Валашские каймакамы⁴ в целом выступали против объединения княжеств. Однако поддержка широких народных масс привела к многолюдным демонстрациям в Бухаресте 22 января, в день открытия Собрания. Следует отметить большую и успешную ра-

боту активистов Национальной партии. Попытки жандармов-доробанцев воспрепятствовать походу крестьян в столицу провалились. 23 января были запрещены массовые сходки народа, но стабилизировать ситуацию сепаратистам не удалось, и в ночь с 23 на 24 января молдавский господарь Александр Кузя по предложению Димитрие Гики был избран князем Валахии. Так был совершен решающий шаг к полному государственному объединению княжеств, что как будто противоречило духу Парижской конвенции 1858 г., в частности первой и второй ее статьям, но зарубежные покровители румын не догадались наложить запрет на избрание одного лица на два престола.

Европейские державы по-разному отреагировали на это событие. Если Франция и Сардиния поддержали унионистов, то Порта, Австрия и Британия выступили против двойного избрания Кузы. Русский генеральный консул Н. К. Гирс расценил это событие как совершенно неожиданное и в доносениях А. М. Горчакову подробно излагал ход событий. В целом он утверждал легитимность валашских выборов и вместе с тем отмечал: «Мы избежали революции неожиданным голосованием Ассамблеи». Н. К. Гирс в частном письме высказывается в пользу Александра Кузы, как потомка боярского рода, имевшего контакты с русскими консулами. Он также писал, что «двойное избрание Кузы... внезапно найденный счастливый выход из ситуации... порожденной вопросом о господарстве» (хотя в Петербурге скорее были настроены в пользу Г. Бибеску, представителя консервативных кругов). Н. К. Гирс, видимо, уже тесно контактировавший с представителями администрации Кузы, настойчиво подчеркивал положительную для России роль объединения княжеств в деле противостояния дунайской империи Франца Иосифа, а также налаживания связей со Второй империей Наполеона III. Генконсул отмечал, что объединение Дунайских княжеств было бы легитимно уже в силу соответствия такого действия принципам Органических регламентов, принятых в годы оккупации княжеств Россией после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Таким образом, Н. К. Гирс действовал, исходя из положений Венского конгресса, считая важнейшей задачей сохранение спокойствия и порядка и противодействие всякому волнению. «Чем больше изучишь положение, тем больше убеждаешься, что лучший, если не единственный метод установить... порядок в стране — это двойное избрание Кузы», — полагал он. Консул России в Яссах С. И. Попов имел мнение весьма близкое к высказываемому Гирсом, подчеркивая сложность ситуации, чреватой волнениями. «Кузя явился якорем спасения для валашского общества», — писал он Горчакову. Поддержка российскими кон-

сулами Александра Кузы проявилась уже в том факте, что С. Е. Попов наряду с французским консулом В. Пласом был единственным представителем иностранных держав при вручении Кузе адреса об избрании его господарем Валахии.

Следует отметить, что Россия после тяжелой Крымской войны, а также в связи с подготовкой масштабных реформ вынужденно воздерживалась от значительных демаршей во внешней политике и не могла прибегать к применению военной силы, как то не раз случалось раньше. Тем не менее, как и прежде, Петербург испытывал к Балканам отнюдь не поверхностный интерес. Объединение Румынии приветствовалось министром иностранных дел России Горчаковым, оно шло в общем русле внешнеполитического курса, — ранее Россия способствовала созданию Сербского государства, а позже Болгарского. При этом, помимо дальнейшего ослабления Порты, наносился удар Австрии, пытавшейся остаться единственной реальной политической силой на Балканах. «Я не нахожу причин, чтобы протестовать против этого двойного избрания», — писал Горчаков. Русские послы в той или иной степени поддержали двойное избрание Кузы в своих высказываниях. Впрочем, тон послов значительно разнился. Если П. Д. Киселев, посол во Франции, безоговорочно приветствовал избрание Александра и даже в беседе с Наполеоном утверждал, что «т. о. произошло закрепление тенденций Парижской конференции», то посол в Пруссии А. Ф. Будберг просто констатировал, что «следует согласиться со случайным и времененным объединением».

Реакция Австрии и Порты, а также Англии на избрание Кузы была (естественно) отрицательной. Порта потребовала созвать конференцию европейских держав с целью аннулировать этот акт. Австрия расценила двойное избрание Кузы как результат русских и французских интриг и настаивала на военной демонстрации в отношении княжеств. Английский посол в Константинополе потребовал, чтобы в Валахии были произведены повторные выборы, утверждая, что «двойное избрание Кузы вопиющее нарушение конвенции». Министр иностранных дел Пруссии Шлейниц также считал двойное избрание Кузы незаконным и даже отказался принять представителя княжеств в Берлине.

Принимая во внимание эти обстоятельства, Горчаков занял выжидательную позицию. Более того, он даже писал Киселеву, что Россия может согласиться с требованием Порты провести расследование ситуации в княжествах, хотя и не даст санкцию на изменение политической ситуации. Наполеон III в свою очередь не был уверен в позиции России. Французскому поверенному в Петербурге Шаторенару было предложено убедить

Горчакова признать результаты выборов. Министр сообщил Шаторенару, что Россия не возражает против двойного избрания Кузы, но признал, что таким образом нарушаются статьи Парижского трактата 1856 г. и Конвенции 1858 г. Со своей стороны Горчаков выразил мнение, что инициатива России не будет благожелательно воспринята в данной ситуации, т. е. Франции была предложена позиция выжидания. В феврале Горчаков гарантировал Франции поддержку в вопросе о признании Кузы на международной конференции, при этом оговаривалось, что единение Молдовы и Валахии — мера вынужденная, направленная на то, чтобы «исключить серьезные осложнения в княжествах». В середине февраля представители России и Франции (Киселев и А. Валевский) выработали совместную линию для предстоящей конференции. Двойное избрание хотели представить, как «своевременную и неотложную меру». Если бы другие великие державы отказались признать Кузу главой обоих княжеств, решено было требовать созыва согласительной комиссии из консулов в Бухаресте. Английскому послу в Париже Валевский сообщил, что считает двойное избрание и соответственно объединение княжеств свершившимся фактом. Российский посол в Константинополе А. Ф. Лобанов-Ростовский и французский Лаллеман предприняли попытку уговорить султана признать «свершившееся». Австрийского поверенного в Петербурге Сечены Горчаков уведомил о том, что Россия поддерживает позицию французов. Также Россия решительно выступила против всякой возможности занятия княжеств турецкими войсками. Киселеву было поручено категорически выступать против оккупации княжеств в том или ином виде. Порта заявила о том, что признает двойное избрание Кузы в том случае, если ей предоставят право на интервенцию ввиду дальнейших нарушений Конвенции 1858 г. со стороны княжеств. Россия заняла весьма твердую позицию. 13 февраля Горчаков сообщил в Париж, что Россия «не допустит... вооруженного вмешательства со стороны Турции и Австрии и что она не ограничится только формальным протестом в этом случае».

Тем временем Александр Кузя выдвинул программу, предусматривавшую объединение молдавского и валашского Законодательных собраний, слияние кабинетов министров и создание единого руководства милицией. Россия рекомендовала соблюдать осторожность и не провоцировать без надобности Турцию на военные акции⁵. Гирс и Попов приветствовали многие действия князя, в частности по реорганизации милиции, видя в этом залог дальнейшей стабильности ситуации в княжествах. Вместе с тем акции, направленные непосредственно на немедленное объединение княжеств (согласованные Кузой с французским консулом в Яссах В. Пла-

сом), не вызвали у Горчакова одобрения. После согласования своих действий с французской и российской дипломатиями Кузя в дальнейшем воздерживался от инициатив (в первую очередь на внешнеполитической арене), согласуя их предварительно со своими покровителями. Российская пресса в целом положительно высказалась о двойном избрании, впрочем, с большой осторожностью ввиду строгости цензуры того времени⁶.

Российская дипломатия предприняла попытку закрепить двойное избрание Кузы. Однако австрийская и, что особенно важно, английская дипломатия категорически не соглашались признать Кузу правителем как Молдовы, так и Валахии. Английский посланник в Константинополе Булвер предложил оставить Александра господарем Молдавии, но добиться его отречения от валашского престола. На совместной конференции Англии, Австрии и Турции Булверу было поручено уговорить Кузу отказаться от Валахии. Но глава Форин офис, по ряду причин⁷, согласился признать двойное избрание и даже предложил Булверу соответствующим образом воздействовать на султана. Впрочем, Малмсбери подчеркивал, что этот факт не означает возможности слияния княжеств. Сама Порта поняла, что никакого реального механизма воздействия на Александра Кузу, посредством которого можно было бы заставить его отказаться от своих полномочий, в ее распоряжении нет. Горчаков отверг предложение английского посла о введении российского контингента войск в княжества. Турция ограничилась тем, что потребовала признания законности оккупации княжеств в том случае, если в дальнейшем будет нарушена Парижская конвенция 1858 г.

В апреле 1859 г. в Париже была создана конференция по вопросу о статусе княжеств. Несмотря на требование представителя Турции К. Милютина аннулировать двойное избрание, поддержанное австрийским представителем Гюньером, представители большинства держав заявили, что Порте следует признать законность произошедших выборов. Вместе с тем вопрос не нашел своего окончательного разрешения, так как началась франко-итало-австрийская война, и ее участники утратили значительную часть своего интереса к вопросу о законности правления в Дунайских княжествах. Австрия даже предлагала России оккупировать Валахию и Молдову, надеясь развалить союз России с Францией. Порта так и не признала двойное избрание. В этих условиях в княжествах повысилось количество недовольных политикой Кузы.

Александр Кузя предпринял ряд достаточно активных политических действий. Он, в частности, сделал определенные шаги в направлении объединения княжеств, устроил военный лагерь (Плоешти), отвлекая таким

образом часть австрийских войск с западных театров военных действий и одновременно обучая войска на случай турецкой интервенции. Если учесть, что при этом поддерживался союз с Францией и нивелировались (в условиях возможных военных действий) акции его противников⁸, то становится ясно, что господарь был человеком незаурядного политического дарования. Несмотря на протесты Австрии и даже обвинения в адрес России (австрийцы предполагали, что она оказывает активное содействие Кузе), представляется, что Дунайские княжества немало выиграли благодаря этой акции. Кроме того, лорду Малмсбери из Бухареста был направлен адрес, в котором необходимость объединения княжеств мотивировалась не в последнюю очередь тем, что влияние России может быть преобладающим в том случае, если раздробленность в Румынии будет продолжена. Кажется достаточно естественным, что Кузя пытался установить контакты с крупными державами и сыграть с ними на их, так сказать, территории, тем более в условиях, когда мало кто прислушивался к мнению правительства Дунайских княжеств. Как представляется, речь здесь идет не об ослаблении влияния России, а о достаточно хитроумном ходе валашско-молдавской администрации.

В конце мая 1859 г. Порта пошла на уступки. Она признала результаты выборов, но с рядом оговорок. Так, победа Кузы на выборах в Валахии и Молдове рассматривалась как грубейшее нарушение Конвенции 1858 г., а утверждение его считалось возможным лишь в порядке исключения. Объявлялось, что выборы ни в коей мере не свидетельствуют о легитимности объединения княжеств. Более того, было заявлено, что Порта имеет право сместить Александра Кузу в одном из них. Важно также, что в отсутствии Кузы в одной из столиц его функции должен был выполнять турецкий чиновник-каймакам. Лобанов выразил категорическое несогласие российского правительства с рядом положений султанского фирмана. В дальнейшем под влиянием поражения Австрии в войне Порта должна была пойти на некоторые уступки, в результате Александр Кузя был окончательно признан в качестве главы обоих княжеств, но лишь по-живленно.

Можно сделать выводы: 1) Двойные выборы Кузы стали результатом внутриполитического развития княжеств. 2) Их утверждение Портой стало возможным благодаря активной и хитроумной политике Кузы, а также наличию партнеров, а лучше сказать покровителей, в лице Франции и России. 3) Сложно согласиться с положением Е. Е. Чертана, согласно которому роль российского правительства двойственна в данной политической ситуации, так как оно не использовало будто бы движение масс и даже

боялось его. Нет причин полагать, что опасения революционных настроений в дунайской среде как-то повлияли на достаточно последовательную позицию России.

Далее следует отметить, что румынскому народу предстояла сложная адаптация к процессам, протекавшим в Европе. Александр Кузя должен был пойти на достаточно радикальные реформы и только таким образом можно было рассчитывать, что Румыния станет в ряд европейских держав. Речь идет о целом комплексе мер, к числу которых относится аграрная реформа (событие во многом аналогичное произошедшему в России), причем премьер-министр Когэлничану, о котором следует сказать особо, активно привлекал российский опыт реформ Александра II и утверждал, что он является оптимальным для Дунайских княжеств.

Михаил Когэлничану (1817—1891) — выдающийся румынский политический деятель, историк, писатель, журналист и оратор был человеком огромной энергии, не чуждый социальным и промышленным экспериментам, как известно, он построил суконную фабрику. Когэлничану получил прекрасное образование во Франции и Германии. Уже в 20 лет он опубликовал крупный исторический труд (*История Валахии и Молдовы*), а несколько позже, с 1840 г., приступил к публикации «Румынского архива», фундаментального собрания исторических документов по истории Румынии. За ним последовали «Летописцы Молдовы» и «Хроники Румынии». Уже в 26 лет Когэлничану стал профессором истории, причем, будучи подлинным ученым, неизменно опирался в своих исследованиях на исторический текст. С его точки зрения, история была не только по-прищем правителей, но также производной социальной жизни народа, торговли, народного быта. Преподавал Когэлничану в Михайлянской академии в Яссах. По убеждениям он был либералом-прогрессистом и надеялся на революцию «печатного станка и пара». Вместе с тем он считал, что война и катастрофы приостанавливают ход цивилизации, хотя одновременно полагал, что народ более развитый в научном отношении приносит побежденным плоды своих трудов. Можно сказать, что Когэлничану достаточно рано осознал решающую роль науки в современных войнах.

События «весны народов» 1848 г. заставили Когэлничану покинуть родину, прервав на время академический труд. В Трансильвании он создает два документа — «Наши принципы для преобразования родины» и «Пожелания национальной партии в Молдове». Оба этих документа достаточно радикальны. В первом из них автор предлагает отменить барщину и другие феодальные повинности, наделить крестьян землей с выкупом, отме-

нить сословные привилегии в армии, объединить Валахию и Молдову. Когэлничану (в «Пожеланиях») последовательно остаивал необходимость предоставления жителям гражданских прав и личных свобод, предусматривал введение бесплатного обучения. Модернизация Румынии должна была быть достигнута посредством ряда реформ, из которых весьма важной представляется реформа образования. Размышая о проблеме приобретения крестьянами земли за выкуп, он приводит в качестве назидательного примера судьбу помещиков в Галиции, где в 1846 г. произошла резня. Когэлничану пишет, что крестьянам следует предоставить землю за выкуп, пока еще существует такая возможность, в дальнейшем ситуация, по его мнению, может слишком обостриться для проведения каких бы то ни было реформ. Любопытно, что Когэлничану рассматривал проведение подобной программы в жизнь как возвращение к старому «дотурецкому» состоянию, крепостное право представлялось ему навязанным извне. Он также не отрицал изначально возможность появления монарха из какого-либо европейского королевского двора. В целом Когэлничану имел продуманный план перестройки двух различных по многим показателям княжеств в единое буржуазно-демократическое государство и готов был сотрудничать в этих целях с различными по своим убеждениям элементами. В ходе Крымской войны молдавский господарь Александр Гика (1855 г.) позволил вернуться Когэлничану на родину, где тот занимал достаточно ответственные должности. В 1855 г. он стал издавать газету «Звезда Дунайя», где в самых общих словах говорил о необходимости отмены феодальной зависимости крестьян, рабства цыган, распространении в княжествах начального образования. В редактируемой им газете Когэлничану придерживался умеренных позиций, особенно по сравнению с его взглядами времен революции 1848 г. По его мнению, очередная цель румын — объединение, сознавал Когэлничану и роль европейских держав в процессе униония Валахии и Молдовы.

Любопытно: Когэлничану положительно относился к России, что в некотором смысле необычно для прогрессиста времен Крымской войны. Как реалистично мыслящий политик Когэлничану понимал, что Россия остается одним из наиболее влиятельных факторов в ситуации на Балканах и выступает в качестве сдерживающего элемента для Османской Порты, что в 1850—1860-х годах делало ее позицию весьма значимой для Дунайских княжеств.

Кузя далеко не сразу смог приступить к реформам. Более того, первым премьер-министром стал Б. Кэтерджиу, деятель весьма консервативно настроенный. К 1862 г. не без влияния российской ситуации остро встал

вопрос о крестьянской реформе. Кэтерджиу и его министры планировали освободить крестьян без земли, превратив их в арендаторов. Против подобного плана активно выступил Когэлничану. В своих речах он расценил нерешенность крестьянского вопроса, как «фатальное наследство, завещанное нам предками». В то же время проект, который позволил бы освободить крестьян с землей, разрабатывался крайне медленно. Когэлничану мог как специалист-историк говорить о «справедливом праве крестьян на землю», и обвинять парламентариев, что они «хотят снять цепи с крестьянина вместе с его сапогами». В ответ Кэтерджиу провел параллели между Когэлничану и социалистами и многими бунтарями в истории, вплоть до братьев Гракхов. Впрочем, вскоре Кэтерджиу был убит, явно по политическим мотивам. И вновь Кузя проявляет хладнокровие и склонность достичь своей цели посредством консенсуса. Премьером становится Крацуеску. Однако депутаты под влиянием убийства премьера занимают все более неприступные позиции и, наконец, Кузя назначает Когэлничану. Последний проводит комплекс реформ, значение которых не уменьшилось и после его отставки, а затем и после вынужденного отречения Кузы.

После слияния учреждений Молдовы и Валахии внимание правительства было направлено на секуляризацию монастырских земель. О переходе их в государственное управление шла речь еще в программах 1848 г. За закон проголосовали 93 депутата при трех против, и таким образом в разряд государственных угодий перешло около 25% территории Румынии.

С 1863 по 1865 г. Когэлничану был министром-президентом, что позволило ему провести достаточно обширную программу либеральных реформ (отмена барщины, новые законы об общественном устройстве, о народном образовании, о гражданском и уголовном судопроизводстве). Основной упор Когэлничану делал на снижение возрастного, а также имущественного ценза избирателей. Отмена феодальных повинностей помимо экономического эффекта, должна была дать Кузе и реформаторам надежный избирательный электорат. Нововведения Когэлничану были весьма обширны, можно упомянуть коммунальный закон, закон по уездным советам, учреждение Счетной палаты, Государственного совета, Торговых палат, закон о введении метрической системы мер и весов, закон об образовании. Был принят Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, открыты университеты в Яссах и Бухаресте, Школа изящных искусств, школа по лесоводству, две коммерческие школы, новые гимназии, значительно возрастает количество сельских школ. Именно Когэлничану считал, что «жизнь на-

рода — источник всех движений и деяний» и соответственно понимал, что освобождение его — первый важнейший шаг на пути в европейский консорциум. Как говорилось, Когэлничану не только не отвергал опыт России, но сам настойчиво его предлагал: «Вот готовое решение, закон, соответствующий нашим экономическим условиям». Тем не менее помещики не поддержали реформы Когэлничану и Кузы. «Мятежная олигархия» не хотела отдавать землю, что и повлекло разгон парламента (о реформе 1864 г. авторитетно писал академик Д. Бериндей). Когэлничану сыграл значительную роль в перевороте 1864 г., когда благодаря мандату Кузы он смог распустить парламент и приступить к важнейшей реформе по освобождению крестьян. Вместо Конституции был введен так называемый «Расширенный Статут Парижской конвенции», направленный на усиление исполнительной власти (2 мая 1864 г.). Господарь сам назначал спикера и большинство депутатов. Впрочем, крестьянам было передано около 30% земельных угодий — в среднем 4 гектара на семью, все-го у помещиков было экспроприировано более 2 млн га, и поэтому реформу Когэлничану можно счесть достаточно умеренной. Реформаторы также осознавали, что внутренний рынок Румынии довольно слаб. Этому способствовало то, что немалая часть крестьян была вовлечена в работы на помещичьих латифундиях. Другой момент — осознание (по словам Александра II) того, что крепостное право может быть отменено как снизу, так и сверху. Сигналом в этом отношении послужило восстание М. Малаеру, бывшего депутата валашского дивана *ad hoc*.

Подводя итоги, можно констатировать, что за неполных полтора года (октябрь 1863 — январь 1865 г.) была проведена огромная работа. Основной причиной падения Кузы стало отсутствие взаимопонимания между ним и радикалами, такими, как братья И. и Д. Брэтиану и К. Россетти. Причем радикалы не вполне осознавали или не хотели осознать все значение внешнеполитического фактора для молодого румынского государства и необходимость учитывать позицию великих держав. Выдающийся политик Кузя ориентировался в европейском консорциуме и делал, как правило, взвешенные продуманные ходы. При этом он не смог предотвратить смычку радикалов и консерваторов и создание так называемой «чудовищной коалиции». Безусловно, Кузя планировал определенные акции относительно Трансильвании, Баната. Но разгон парламента и крестьянская реформа создали предпосылки для свержения Кузы, умершего в изгнании в Гейдельберге (3 мая 1873 г.).

Когэлничану смог удержаться в правящей элите Румынии и после окончательного падения Кузы.

П р и м е ч а н и я

¹ Подробное изложение событий см.: *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961; *Чертан Е. Е.* Русско-румынские отношения в 1859—1863 гг. Кишинев, 1968.

² В литературе их называют унионистами.

³ Александр Иоан Кузя (1820—1870), сын молдавского боярина. Получил образование в Яссах, где учился вместе с М. Когэлничану, В. Александри и другими будущими румынскими политиками. В 1835 г. отправился в Париж, изучал там юриспруденцию и получил ученую степень в Сорбонне. В 1839 г. вернулся в Молдову, некоторое время служил в армии. В конце 1840-х годов часто посещал встречи молодых молдавских националистов у К. Негри. После бегства Меттерниха из Вены румынские реформаторы, в том числе Кузя, провели встречу в Яссах с целью планирования своих действий. Кузя также присутствовал на встрече в отеле «Петербург» в Яссах в марте (1848 г.). (Подробнее см.: *Виноградов В. Н.* Дунайские княжества и Трансильвания: национальный вопрос и задачи освобождения и объединения (1848—1849) // Европейские революции 1848 г. С. 404.) Кузя был арестован неким Михаилом Струцкой, но смог бежать. Тогда же он подписывал Брашовскую программу молдавских революционеров. В июне 1848 г. в Буковине он становится членом Молдавского революционного комитета. После разгрома революции Кузя отправился в изгнание (Париж, Константинополь), отказавшись от амнистии, предложенной М. Струцкой. Впоследствии вошел в администрацию Григоре Гики в Молдове. В 1857 г. был избран в Диван *ad hoc* Молдовы и стал активным членом Национальной партии. В 1859 г. был избран князем Молдовы и затем Валахии (Мунтении), осуществив *de facto* объединение Румынии.

⁴ В Молдове и Валахии действовали раздельные наместничества (каймакамы), состоящие из трех человек.

⁵ Курс, безусловно, разумный. Трудно согласиться с Е. Е. Чертаном, полагающим, что за этим предложением стояло желание внешнеполитических ведомств России «не допустить объединения Валахии и Молдовы снизу» (*Чертан Е. Е.* Указ. соч. С. 84).

⁶ Речь идет о таких изданиях, как *«Journal de Saint-Petersbourg»*, *«Отечественные записки»*, *«Русский вестник»*.

⁷ Лорд Малмсбери сообщил послу в Париже, что его целью было дать султану эффективные гарантии его прав в княжествах.

⁸ Е. Е. Чертан называет их реакционерами.

Содержание

От редактора (Л. Е. Семенова)	3
I. Советско-румынские отношения на завершающем этапе Второй мировой войны	
B. К. Волков	
Война, Победа и день сегодняшний (60 лет спустя).	8
Л. Я. Гибианский	
СССР и некоторые проблемы мирного урегулирования с Румынией на завершающем этапе Второй мировой войны.	17
Mioara Anton	
Pătrunderea Armatei Roșii pe teritoriul României.	
Propagandă, mituri, realitate.	55
Л. И. Ольштынский	
СССР и союзники на завершающем этапе Второй мировой войны (политика и военная стратегия)	65
Gavriil Preda	
Relațiile de comandament româno-sovietice în perioada august 1944 – mai 1945.	70
Т. А. Покивайлова	
Трансильванский вопрос в советско-румынских отношениях на завершающем этапе Второй мировой войны.	85
А. С. Стыкалин	
Боевые действия Красной Армии в Румынии осенью 1944 года и проблема выхода Венгрии из войны	106
Cosmin Popa	
Arbitrajul sovietic în conflictele etnicoterritoriale din Europa Orientală. Cazul minorității maghiare din Cehoslovacia. 1944–1947	122

Л. Н. Денисова

- Русская крестьянка в годы Великой Отечественной войны
1941–1945 годов 132

Vasile Buga

- Politica PCdR față de Uniunea Sovietică în etapa finală
a celui de-al doilea război mondial 142

Н. В. Васильева

- Некоторые проблемы безопасности социалистического содружества
на начальном этапе блокообразования (конец 40–50-е годы XX века) 157

M. B. Фридман

- Преодоление мифов чаушизма о роли румынской армии
во Второй мировой войне в творческих поисках
поколения писателей 1980-х годов 169

II. Политические элиты России и Дунайских княжеств в XVIII–XIX веках

Л. Е. Семенова

- Валашская политическая элита и Россия в начале XVIII века 176

В. Н. Виноградов

- Екатерина Великая и ее окружение 185

Alexandru Mamina

- Tipologia intelectualilor europeni în secolul al XIX-lea 195

В. Я. Гросул

- Правительства России в XIX веке (персональный,
социальный и профессиональный портрет) 219

Mihai Sorin Rădulescu

- Considerații despre elita liberală românească în timpul domniei lui Carol I. .. 235

А. Лотменцев

- Александр Кузя, Михаил Когэлничану и российская дипломатия 243

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
ДВУСТОРОННЕЙ КОМИССИИ
ИСТОРИКОВ РОССИИ И РУМЫНИИ

(X Научная конференция. Москва, октябрь 2005 года)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. Е. Семенова

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 06.11.2007. Печ. л. 16,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии